Сочиненія

Ивана Саввича Никитина

съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составлен. редакторомъ изданія М. Ө. де-Пуле.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ поэму Ивана Саввича Никитина «Кулакъ». Она имъла нъсколько редакцій. Въ нашемъ изданіи приведено двъ изъ нихъ.

Главный герой поэмы – Карпъ Лукичъ, воронежскій мѣщанинъ, кулакъ, т.е. что-то похожее на спекулянта — это не купецъ и тѣмъ болѣе не честный торгашъ. Онъ перекупщикъ на рынкахъ, изворотливый бѣднякъ, занимающійся обманомъ, обсчитывающій и обвешивающій крестьянъ.

Онъ имѣетъ жену Арину и дочь Сашу. Отецъ принуждаетъ Сашу къ браку съ богатымъ человѣкомъ, угрожая изгнаніемъ изъ дома и проклятіемъ, и та соглашается, пытаясь забыть жениха-столяра.

Оба текста имъютъ существенныя различія. Также различна и судьба героевъ. Если въ одномъ варіантъ Саша въ нежеланномъ бракъ оказывается смертельно больна, а столяръ поначалу запилъ, но потомъ смирился и простилъ ее овдовъвшаго отца-кулака, то во второмъ варіантъ она хорошо живетъ съ мужемъ, а столяръ женится на сиротъ.

Въ нашемъ изданіи приведенъ текстъ произведенія съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1914 года 1 .

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

199-246 и 336-372.

.

¹ Никитинъ, И. С. Кулакъ (въ двухъ варіантахъ) / Сочиненія Ивана Саввича Никитина, съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составленъ редакторомъ изданія М.Ф. де-Пулѣ. – 3-е изд. – Москва: тво И.Д. Сытина, 1914. – V, [3], 376 с., 1 л. портр.: ил., факс.; 26. – С.

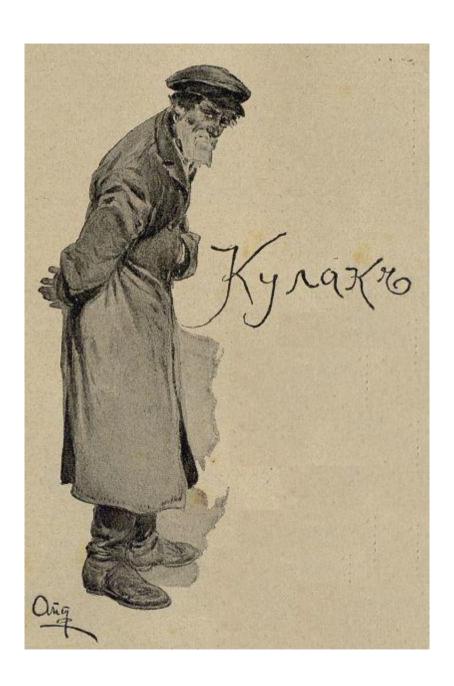
Сочиненія

Ивана Саввича Никитина

съ его портретомъ, fac-simile и біографіей, составлен, редакторомъ изданія М. Ө. де-Пуле.

Изданіе 3-е. Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. д. Москва. — 1914.

КУЛАКЪ.

(Въ авторскомъ изданіи). ²

Все благо и прекрасно на землѣ, Когда живетъ въ своемъ опредѣленьи, Добро вездѣ, добро найдешь и въ злѣ. Когда жъ предметъ пойдетъ по направленью, Противному его предназначенью, По сущности добро, онъ станетъ зломъ. Такъ человѣкъ: что добродѣтель въ немъ, То можетъ быть порокомъ.

Шекспиръ (Ромео и Юлія).

_

Надъ поэмою «Кулакъ» Никитинъ трудился почти два года (съ октября 1854 г. по сентябрь 1856 г.). Такая продолжительность работы объясняется, съ одной стороны, самымъ содержаніемъ поэмы — необходимостью изображенія бытовыхъ картинъ и обрисовки характеровъ дъйствующихъ въ этой пьесъ лицъ; съ другой стороны, и тогдашнее положеніе Никитина, какъ поэта, только начинающаго, еще не опредълившагося, вызвало его на эту продолжительность въ работь. Кромъ того, не надобно забывать, что Никитинъ въ это время быль еще поль сильнымь эстетическимь вліяніемь своихь друзей (изъ кружка Второва), которые вызывали его на частыя передълки, наконецъ, ему надоъвшія, какъ это видно изъ письма поэта къ Второву отъ 2 августа 1857 г. Что касается до друзей, то, независимо отъ ихъ расположенія къ Никитину и отъ ихъ ревности къ его доброму авторскому имени, суетливость ихъ критики настойчивость ихъ совътовъ очень много зависъли отъ того вліянія, которое производила тогда въ нашемъ образованномъ обществъ комедія Островскаго «Свои люди — сочтемся!», такъ какъ Никитинъ въ своемъ «Кулакъ» изображаль почти тоть же быть, что и нашъ знаменитый драматургъ въ первой своей комедіи; поэтому друзьямъ Никитина, какъ бы сами собою являлись такія параллели, какъ между Таракановымъ и Подхалюзинымъ, между Сашею и Липочкой. «Кулакъ» имълъ три редакціи, кромъ небольшихъ передълокъ. Въ нижесльдующихъ примъчаніяхъ приводимъ варіанты изъ второй редакціи «Кулака», въ которыхъ находятся нѣкоторыя новыя черты для характеристики «Саши», героини поэмы.

День гаснетъ. Облаковъ громада Покрыта краской золотой; Отъ луга влажною струей Плыветъ душистая прохлада; Надъ самымъ озеромъ тростникъ Сквозной оградою проникъ. Порой куда-то пронесется Со свистомъ стая куликовъ, И снова тишь. Въ тѣни кустовъ Рыбачій челнъ не покачнется. Вдоль тяги тянется обозъ; Скрипятъ колеса. За волами Шагаютъ чумаки съ кнутами; Кипитъ народомъ перевозъ. Паромъ отчалили лѣниво, Ушами лошади пугливо Прядутъ; рабочіе кричатъ, И плещетъ по водѣ канатъ... Шлагбаумъ, съ образомъ часовня, Избушки, бани, колокольня Съ крестомъ и галкой на крестѣ И на прибрежной высотъ Плетни, поникнувшія ивы — Все опрокинуто въ рѣкѣ. Бѣлѣютъ мойки вдалекѣ, Луками выгнулись заливы, А тамъ кусты, деревня, нивы Да чуть примѣтный сквозь туманъ Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой, Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовый, Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи велъ, И плавалъ въ облакахъ орелъ; Синѣла степь безгранной далью, И, притаясь за валъ, съ пищалью, Зажечь готовый свой маякъ, Татаръ выглядывалъ казакъ. Но вдругъ все жизнью закипѣло, Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло — И падалъ дубъ: онъ отжилъ вѣкъ... И, вмѣсто звѣря, человѣкъ Въ пустынѣ воцарился смѣло.

Проснулись воды, и росли, Гроза Азова, корабли. Тѣ дни прошли. Уединенно Теперь подъ кровлей обновленной Стоитъ на островъ нагомъ Безмольный прадъдовскій домъ, Цейхгаузъ старый. Тихи воды. Гдѣ былъ Петра пріютъ простой, Купецъ усердною рукой Одинъ почтилъ былые годы, — Часовню выстроилъ и въ ней Затеплилъ, набожно елей. Но городъ выросъ. Въ изголовье Онъ положилъ степей приволье, Плечами горы придавилъ, Болота камнями покрылъ. Одно пятно: въ семь тромадной Высоко-поднятыхъ домовъ, Какъ нищіе въ толпѣ нарядной, Торчатъ избенки бъдняковъ; Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями, Онъ ползутъ по крутизнамъ И смотрятъ тусклыми очами На богачей по сторонамъ; Того и жди, — гроза подуетъ,

И полетять онъ въ оврагъ... Таковъ домишко, гдѣ горюетъ Съ женой и дочерью Кулакъ: На крышъ старыя заплаты, Пріютъ крикливыхъ воробьевъ; Карнизъ обрушиться готовъ; Стѣна крива; заборъ досчатый Подпертъ осиновымъ коломъ; Дворъ тѣсный смотритъ пустыремъ: Растетъ трава вокругъ крылечка; Но садъ... въ садъ послѣ завернемъ; Теперь мы въ горенку войдемъ. Она свътла. Икона, печка, Съ посудой шкапъ, сосновый столъ, Скамейка, стулъ безъ спинки, Комодъ пузатый подъ замкомъ — Все старина, зато соринки Тутъ не замѣтишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты въчно съ варежкой въ рукъ!
И въ этомъ бъломъ колпакъ,
И все молчишь! Порою слово
Промолвишь съ дочерью родной
И вновь разбитый голосъ твой
Умолкнетъ. Бъдная Арина!
Повысушили до поры
Нужда да тяжкая кручина
Тебя, какъ травушку въ жары;
Поникла голова, что колосъ,
И посъдълъ твой русый волосъ;
Одна незлобная душа
Осталась въ горъ хороша.

И ты, красавица, съ работой Сидишь въ раздумь подъ окномъ, — Одной привычною заботой Всю жизнь вы заняты вдвоемъ, — Глядишь на улицу тоскливо, Румянецъ на лицъ поблекъ, И спицы движутся лъниво, Лъниво вяжется чулокъ.

О чемъ тоска? откуда скука? Коса, что черная смола, Какъ бълый воскъ рука бъла... Душа болитъ? Неволя, мука?.. Что дълать! подожди, пока Прогонитъ вътеръ облака ³.

«Охъ, Саша! полно сокрушаться! Вотъ ты закашляещь опять... —

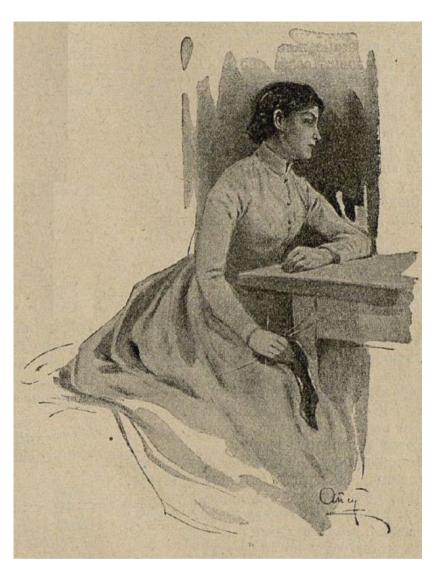
³ — Охъ, Саша! То-то вотъ сокруха, Сказала мать: пусть я, старуха, Не вижу краснаго денька, Ты вотъ горюешь...

— Будеть горько. И всходить, заходить зорька, — Кто весель, кто вь постели спить, А у меня смола кипить На сердць...

«Вѣдомо, что жалко И тяжело: столяръ-сосѣдъ Женихъ хорошій, слова нѣтъ: Къ тебѣ привыкъ... Да, вѣрно, палкой Намъ старика не понуждать; Вишь тянетъ дѣло!»

— Срамъ сказать!

Три раза сваха приходила,
Отвѣта батюшки просила;
Все отвѣчаетъ: погоди,
Подумаю, на-дняхъ приди,
Ужъ видно, мнѣ такая доля! —
«Дружочекъ мой! моя ли воля?
Просила честью, умоляла,
Сосѣдъ, молъ, трезвый молодецъ;
Ты знаешь самъ его сызмала, —
Смѣшаетъ съ грязью, — и конецъ...»

Промолвила старушка-мать: — Ну, въ садъ пошла бы прогуляться, Вишь, вечеръ чудо!»

— Все равно! И тутъ не дурно: вотъ въ окно Свътъ Божій виденъ — и довольно! —

«Глядъть-то на тебя мнъ больно! Блъдна, вотъ точно полотно...» И мать качала головою И съ Саши не сводила глазъ. «Поди ты! сокрушаетъ насъ Старикъ! надъ дочерью родною Смъется... Чъмъ бы не женихъ Столяръ-сосъдъ? Уменъ и тихъ. Три раза сваха приходила, Ужъ какъ ъвдъ старика просила Одинъ отвъть: на-дняхъ приди... Подумать надо... погоди... Ты вотъ что, Саша: попытайся, Съ отцомъ сама поговори, Чуть будетъ веселъ».

— Дожидайся! Я думаю, въ ногахъ умри, — Откажетъ... —

Мать не отвъчала, Поникнувъ грустно головой.
— Чуть будетъ веселъ... Боже мой!
За что же я-то потеряла
Веселье? Въдь къ чужимъ придешь,
Тамъ свътъ иной, тамъ отдохнешь,
А при отцъ языкъ и руки —
Все связано! когда со скуки
Въ окно глядишь, и тутъ запретъ!
Ужъ и глазамъ-то воли нътъ! —

«Все осуждать его не надо. Извъстно — старъ, кругомъ нужда; На рынкъ хлопоты всегда, Вотъ и беретъ его досада.
Онъ ничего... вѣдь онъ не золъ:
На часъ вспылитъ, и гнѣвъ прошелъ».
— Я такъ... я развѣ осуждаю?
И день — печаль, и ночь — тоска,
—Тутъ неволѣ съ языка
Сорвется слово. —

«Знаю, знаю! Какъ быть? живи, какъ Богъ велѣлъ... Знать, положенъ таковъ предѣлъ».

Заря погасла. Мѣсяцъ всходитъ, На стекла блѣдный свѣтъ наводитъ; За лѣсъ свалились облака; Въ туманѣ городъ и рѣка; Не шевельнетъ листомъ осина; Лишь гдѣ-то колесо гремитъ, Да соловей въ саду свиститъ. Молчатъ и Саша и Арина, Ихъ спицы бѣдныя однѣ Не умолкаютъ въ тишинѣ.

Какъ хорошо лицо больное Старушки сгорбленной! Оно, Какъ изваяніе живое, Все мѣсяцемъ освѣщено. Въ рукахъ на мигъ уснули спицы, Глаза на дочь устремлены, И неподвижныя рѣсницы Слезой докучной смочены. Сверкаетъ небо огоньками, Не видно тучки въ синевѣ, А у старушки облачками Проходятъ думы въ головѣ: Безъ дѣтокъ грусть, съ дѣтьми не радость! Сынокъ въ землѣ давно лежитъ,

Осталась дочь одна подъ старость И эту горе изсушитъ. Ну, что ей дѣлать, если свахѣ Старикъ откажетъ? Какъ тутъ быть? Я чаю, легче бы на плахѣ Бъдняжкъ голову склонить! И безъ того ей ужъ не сладко: Работа, скука, нищета... Всю жизнь свою, моя касатка, Что въ клѣткѣ птица, заперта. Когда и выйти доведется, Домой придетъ — печальнъй домъ... Глядишь, на грѣхъ старикъ напьется, Охъ, миъ бъда со старикомъ! Ну, та ль она была сызмала? Бывало, пѣла и плясала, На мъстъ часу не сидитъ, Вотъ словно колокольчикъ звонкій, Веселый смѣхъ и голосъ тонкій Въ саду иль въ горенкъ звенитъ! Бывало, чуть съ постельки встанетъ, Посмотришь — куколки достанетъ, Толкуетъ съ ними: «Ты вотъ такъ Сиди, ты глупая дѣвчонка... Вотъ и братишка твой дуракъ, Вамъ надо няню». И ручонкой Начнетъ ихъ эдакъ тормошить... Возьметъ подастъ имъ на бумажкахъ Водицы въ желудевыхъ чашкахъ. «Ну, вотъ, молъ, чай, извольте пить!» — Уймися, говорю, вострушка, — Отецъ прикрикнетъ: — посѣку! — Бъдняжка сядетъ въ уголку, Наморщитъ лобикъ, какъ старушка, И хмурится. Отецъ съ двора —

Опять погъшная игра.

И мать работу положила, Печной заслонъ впотьмахъ открыла, Достала щепкой уголекъ И стала дуть. Вдругъ огонекъ Блеснулъ и снова замираетъ. Вотъ щепка вспыхнула едва, — Изъ мрака смутно выступаетъ Старушки блъдной голова.

III.

Ужъ столъ накрыть, и скудный ужинъ Готовъ. Покой старушкѣ нуженъ, Заснуть бы время, — мужа ждетъ; Скрипитъ крылечко, — онъ идетъ. Сюртукъ до пятъ, въ плечахъ просторенъ, Картузъ въ пыли, ни рыжъ ни чернъ, Спокоенъ строгій, хитрый взглядъ. Густыя брови внизъ висятъ, Угрюмо супясь. Лобъ широкій Изрытъ морщинами глубоко, И теменъ волосъ, но сѣда Подстриженная борода.

«Усталь, Лукичъ?» жена спросила: «Легко ль, чуть свътъ ушелъ съ двора! Садись-ка ужинать: пора!» — Не каплетъ сверху... заспъшила! — Отвътилъ мужъ: — успъешь, другъ! И, снявъ поношенный сюртукъ, На гвоздь повъсилъ осторожно, Рубашки воротъ распустилъ, Лицо и руки освъжилъ

Водою. — Ну, теперь вотъ можно За щи приняться. —

«Вишь, родной» Старушка молвила: «не спится! Всю ноченьку провеселится, Поди, какъ свищетъ!»

— Кто такой? Отвътилъ мужъ скороговоркой, Ломая хлъбъ съ сухою коркой. «Соловьюшекъ у насъ въ саду». — Сытъ, стало. Коли бы зналъ нужду, Не пълъ бы. Мнъ вотъ не поется, Какъ хлъбъ-атъ потомъ достается... Ты, Саша, ужинала что ль? — «Мы ждали васъ».

Подай мить соль. —

Дочь подала.

— За ужинъ сѣла, Такъ ѣшь? Ты что не весела? — «Я ничего».

— Гм... дурь нашла.

Такъ, такъ! —

Старушка поглядѣла

На Сашу. Саша поняла И ложку нехотя взяла.
— Охъ, эта дъвичья кручина! — Отецъ, нахмурясь, продолжалъ И мокрой ложкой постучалъ Объ столъ: все блажь! Подбавь, Арина,

Мнѣ каши... да! все блажь одна! Я знаю отъ чего она, Смотри! —

«Опять не угодила, За смѣхъ — упрекъ, за грусть — упрекъ... Ну, грустно, — что жъ тутъ за порокъ? Что за бѣда?»

— Заговорила! Языкъ прикусишь! берегись! Вишь ты!.. И жилы напряглись На лбу отца. Гроза сбиралась. Но Саша знала старика, Словамъ дать волю удержалась, — И пронеслися облака Безъ грома.

Чашка опустѣла. Лукичъ усы свои утеръ И, помолившись, кинулъ взоръ На Сашинъ хлѣбъ. «Ломтя не съѣла... Сердита, значитъ... Прибирай! Есть квасъ-то на ночь?»

— Есть немного. — «Ну принеси. Сейчасъ ступай!» — Куда жъ итти? Теперь порога Не сыщешь въ погребъ: не день... — «Ну, ну! пошевельнуться лънь!»

Дочь вышла. На лицѣ Арины Слегка разгладились морщины. Старикъ, молъ, трезвъ... Иль онъ любви Не знаетъ къ дѣтищу родному?

Скажу про Сашу... Не чужому... Что жъ! Господи благослови! И подлъ мужа робко съла. «Лукичъ!»

— Ну, что тамъ? — «Я хотъла...

Того... съ тобой поговорить... Не станешь ты меня бранить...» — За что? —

«Начать-то я не смѣю»,

— Ну, ладно, ладно! говори! — «Вишь мы вотъ стары, я болѣю, Совсѣмъ свалюсь, того смотри, — Обрадуй ты меня подъ старость — Отдай ты дочь за столяра!» — Обрадуй... что же тутъ за радость? Вотъ ты, къ примѣру, и стара, А дура!.. стало, есть причина, Зачѣмъ я медлю... Эхъ, Арина! Пора бы, кажется, умнѣть! — «Какъ мнѣ на Сашу-то глядѣть? Она часъ отъ часу худѣеть. Вѣдь я ей мать!»

— Повесельеть!

Ты знаешь, дѣвичья слеза, Что утромъ на травѣ роса: Пригрѣетъ солнце и — пропала. — «Пусть я отрады не видала, Хоть ей-то, дочери, добра Ты пожелай!»

— Въ постель пора!

Оставь, пока не разсердился! —

Старушка въ спальню побрела. Тамъ передъ образомъ свътился Огонь. Въ углу кровать была, Безъ полога. Подушекъ тъни Какъ будто спали на стънъ. Арина стала на колъни, И долго, въ чуткой тишинъ, Передъ иконою святою Слеза катилась за слезою.

Межъ тъмъ Лукичъ окно открылъ И трубку медленно курилъ; Сквозь дымъ глаза его безъ цѣли На кудри яблоней глядѣли. «Ну, завтра ярмарка. Авось На хлѣбъ добуду. Плохо стало! Ходьбы и хлопотни не мало, А прибыли отъ нихъ — хоть брось! Другимъ, къ примѣру, удается: Казна валится, точно кладъ; Ты, право, грошу быль бы радь, Такъ нътъ! Гдъ тонко, тутъ и рвется, Порой что въ домъ и попадетъ, Нужда метлою подмететъ. Вотъ дочь — невъста... все забота! И сватаютъ, да нѣтъ расчета. Сосъдъ нашъ честенъ, всъмъ хорошъ, Да голь большая, — вотъ причина! Что честь-то? коли нътъ алтына, Далеко съ нею не уйдешь. Безъ денегъ честь — плохая доля! Согнешься нехотя кольцомъ Передъ зажиточнымъ плутомъ:

Нужда — тяжелая неволя!
Мнѣ дочь и жаль! я человѣкъ,
Отецъ, къ примѣру... да не вѣкъ
Мнѣ мыкать горе. Я не молодъ.
Лукичъ — кулакъ! кричитъ весь городъ.
Кулакъ... душа-то не сосѣдъ,
Сплутуешь, коли хлѣба нѣтъ.
Будь зять богатый, будь помога,
Не выйди я изъ-за порога,
На мѣстѣ дай мнѣ Богъ пропасть,
Коли подумаю украсть!
А есть женихъ, навѣрно знаю...
Богатъ, не долженъ никому
И Саша нравится ему.
Давно я сваху поджидаю».

Такъ думалъ онъ. А вътерокъ Его волосъ едва касался, И въ трубкѣ красный огонекъ Подъ сърымъ пепломъ раздувался. Порой катилася звъзда, По небу искры разсыпала И гасла. Ночь благоухала, И бълыхъ облаковъ гряда Плыла на съверъ. Жадно пили Росу поникшіе листы И звуки смутные ловили; При свътъ мъсяца кусты, Бросая трепетныя тѣни, Казалось, въ царство сновидѣній Перенеслись. Межъ ихъ вътвей Впотемкахъ щелкалъ соловей.

Быть-можетъ, съ дѣтства взятый въ руки Разумной матерью, отцомъ, Лукичъ избъгъ бы жалкой муки — Какъ нынъ, не былъ кулакомъ. Великъ, кто взросъ среди порока, Невѣжества и нищеты И остается безъ упрека Жрецомъ добра и правоты; Кто видитъ горе, знаетъ голодъ, Усталый, чахнетъ за трудомъ И, крѣпкой волей вѣчно молодъ, Всегда идетъ прямымъ путемъ! Но пусть, какъ мученикъ, сквозь пламень Прошелъ ты, полный чистоты, Остановись, поднявши камень На жертву зла и нищеты! Корою грубою закрытый, Быть-можетъ, въ грязной нищетъ Добра зародышъ неразвитый Горитъ, какъ свъчка въ темнотъ! Быть-можетъ, жертвъ заблужденья Доступны ръдкія мгновенья, Когда казнитъ она свой вѣкъ И плачетъ, сердце надрывая, Какъ плакалъ передъ дверью рая Впервые падшій челов вкъ!

IV.

Еще ребенкомъ, нестъсненный Въ привычкахъ жизни обыденной, Лукичъ бездълье полюбилъ. Своимъ Карпушкой занятъ былъ Торгашъ, отецъ его, немного, Хоть и твердилъ сынишкъ строго: «А вотъ, Господь дастъ, доживемъ, Мы поглядимъ, какимъ добромъ

Воздашь отцу за попеченье. Тутъ можно человъкомъ быть: Сызмала началось ученье — Π салтырь и все... тутъ можно жить! Я и читать вотъ не учился, Да вышелъ въ люди: сытъ, обутъ...» И подъ хмелькомъ всегда бранился: «Ты, дескать, баловень! ты плутъ!..» И сына за вихоръ поймаетъ, Такъ ни за что... «Ну, вотъ, молъ, знай!» Деретъ, деретъ — до слезъ таскаетъ И молвитъ: «Ну, ступай, играй!» А мать свое хозяйство знала, Въ печи дрова со счетомъ жгла, Горшки да чашки берегла, И ей заботы было мало, Когда зимой по цѣлымъ днямъ, Забросивъ книжку и указку, Сынокъ катался по горамъ. Раздолье!.. легкія салазки Со скрипомъ по снѣгу летятъ, На нихъ бубенчики звенятъ. «Какъ смѣлъ ты утромъ не являться?» Ему учитель говорилъ. — У насъ молебенъ въ домѣ былъ, Мнѣ батюшка велѣлъ остаться. -«Ты до объда гдъ ходилъ? — Кричалъ отецъ: — часъ цѣлый ждали». — Учитель не пускалъ домой: Зады сидѣли повторяли... — Бывало, лѣтнею порой, Тайкомъ залѣзетъ въ садъ чужой, Румяныхъ яблокъ наворуетъ, Тащитъ ихъ къ матери. «Гдѣ взялъ?» — А это миѣ Сенюшка далъ,

Вотъ вшь! — И мать его цвлуетъ: Поди, молъ, родила сынка, Не съвстъ безъ матери куска! Порой грачей въ гнвздв поймаетъ: «Эй, Сенька, у меня грачи! Давай мвнять на калачи!» — Не надо! — Сенька отввчаетъ. «Ну, и не надо... вотъ имъ! вотъ!» И головы грачамъ свернетъ, Парнишку больно оттаскаетъ И прибвжитъ домой, реветъ. «О чемъ ты?» мать въ испугв спроситъ. — Да вотъ Сенюшка, — сынъ голоситъ: — Моихъ грачей закинулъ въ ровъ И надавалъ мнв тумаковъ. —

Карпушка на ноги поднялся И все безъ дъла оставался, Покамъстъ вздумалось отцу Въ науку мудрую къ купцу Его отдать. Тутъ всѣ расчеты, Торговыхъ плутней извороты Онъ изучилъ и кошелекъ Казной хозяйскою, какъ могъ, Наполнилъ. Годы шли. Скончался Его отецъ; угасла мать. Невъсту долго ли сыскать? И сынъ женился. Распрощался Съ купцомъ, заторговалъ мукой; И какъ по маслу, годъ-другой Все шло. Но вдругъ за пень задъло: Тутъ неудача, тамъ сплошалъ... Спустилъ, какъ воду, капиталъ И запилъ: горе одолѣло! Искать мъстечка — стыдъ большой; Искать рѣшился — отказали, А ремеслу не обучали; Подумалъ и махнулъ рукой: «Тьфу, чортъ возьми! да что за горе, Пойду на рынокъ поутру, Такъ вотъ и деньги! Рынокъ — море! Тамъ рыба есть, умѣй ловить! Достанетъ какъ-нибудь прожить!» И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду. Онъ всякой дрянью промышлялъ, И Лукича весь городъ зналъ По разнымъ плутнямъ, по наряду, По вѣчной худобѣ сапогъ И по загару смуглыхъ щекъ.

V.

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта. Народомъ площадь вся покрыта. На море пестрое головъ Громада бѣлая домовъ Глядитъ стеклянными очами. Недвижная, затоплена Вся солнца золотомъ она. Людъ Божій движется волнами... И кички съ острыми углами, Подолы красные рубахъ, На черныхъ шляпахъ позументы И вътромъ въ дъвичьихъ косахъ Едва колеблемыя ленты — Вся деревенская краса Вотъ такъ и мечется въ глаза! Изъ лавокъ, хитрая приманка, Высматриваютъ кушаки, И разноцвътные платки,

И разноцвътная серпянка. Тутъ груды чашекъ и горшковъ, Корчагъ, боченковъ, кувшиновъ; Тамъ — лыки, ведра и ушаты, Лотки, подойники, лопаты, Колеса... «Гдѣ? Какая дрянь? Ты вотъ на ступицу-то глянь!» Торгашъ плечистый повторяетъ И бойко колесомъ вертитъ, А парень крендель добдаетъ, — Сложи полтину, говоритъ: Возьму и дегтю, вотъ мазницы... — «Нѣтъ, врешь! отдай за рукавицы! Ты гамонокъ-то свой не прячь!» Кричитъ налъво бородачъ. Здѣсь давка: спорятъ съ мужиками За клячу пѣгую купцы, И Лазаря поютъ слѣпцы, Сбирая мѣдными грошами Дань съ сострадательныхъ зъвакъ. Набитъ биткомъ толпой гулякъ Пріютъ разгула и кручины, Подъ кровлею изъ парусины. «Охъ, православные, я пьянъ!» — Въ бумажномъ колпакъ и блесткахъ. Кривляясь съ бубномъ на подмосткахъ Народъ дурачитъ шарлатанъ И корчитъ рожу... «Какъ обманъ!» Повертывая головою, Цыганъ проносится съ божбою. «Коню не двадцать лѣтъ, а пять. Жены, дътей мнъ не видать!» Веселый говоръ, крикъ торговли, Пискъ дудокъ, пѣсни мужичковъ И ранній звонъ колоколовъ —

Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли Приподнялись поверхъ возовъ, Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Лукичъ на ярмаркъ съ разсвъта Успълъ ужъ выпить, закусить, Купить два старыхъ пистолета И съ барышомъ кому-то сбыть. Теперь онъ съ бабою хлопочетъ, Руками уперся въ бока, Лицо горитъ, чуть не соскочитъ Картузъ съ затылка, — рѣчь бойка, «Ты вотъ что, умная молодка, По сторонамъ-то не смотри, Твой холстъ, къ примъру, не находка... Почемъ аршинъ-то? говори». По гривнъ я тебъ сказала; Вонъ и другіе такъ берутъ. — «Не ври! куда ты указала! Тамъ по три гроша отдаютъ!» — И, що-ты! а ль я одурѣла! Поди-ко цѣну объявилъ! Купецъ четыре мнѣ сулилъ, Да я отдать не захотъла... — Вонъ онъ стоитъ...

«Ха, ха! ну такъ! Отдай! и ты не догадалась! Эхъ, дура, съ кулакомъ связалась! Въдь онъ обмъряетъ! кулакъ! А я на совъсть покупаю... Эй, голова, почемъ пенька?» Остановивши мужика, Онъ закричалъ.

— Спасибо! знаю.—
«Должно, нашъ братъ училъ тебя!»
Лукичъ подумалъ про себя
И снова съ бабою заспорилъ,

Голубушкою называль, Разъ десять къ чорту посылалъ И напослъдокъ урезонилъ. Изъ-подъ полы аршинъ досталъ Разъ!.. разъ!.. и смърена холстина. «Гляди вотъ: двадцать три аршина». —Охъ ма! тутъ двадцать семь какъ разъ! — «Что, у тебя иль нъту глазъ? Аршинъ казенный, понимаешь! Вотъ на... не видишь, два клейма!» — Да какъ же такъ! —

«Не довъряешь?»
— Я дома мърила сама. —
«Тьфу! провались ты! я сумъю
Безъ краденой холстины жить!
Глаза что ль ею мнъ накрыть?
Такъ я, къ примъру, крестъ имъю!»
И кошелекъ онъ развязалъ,
На гривну бабу обсчиталъ
И торопливо отвернулся:
Прощай, молъ, върно!.. недосугъ!
Пошелъ было въ толпу — и вдругъ
Съ помъщикомъ въ очкахъ столкнулся.
«Мое почтенье, Климъ Кузьмичъ!
Не купите ли, сударь, бричку?
Отличный сортъ!»

— Ба, ба! Лукичъ!
Ты не забылъ свою привычку —
Прислуживаешь, братецъ, всѣмъ? —
«Что дѣлать, сами посудите,
Я тоже хлѣбъ, къ примѣру, ѣмъ...
А бричка дешева-съ! купите!»
— Нѣтъ, я на бричку не купецъ.

Не попадется ли жеребецъ? Вотъ не найду никакъ, — мученье! А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть — Караковый. —

«Есть, сударь, есть! Рысакъ! А бътъ — мое почтенье!» И онъ прищелкнулъ языкомъ: «Да-съ! одолжу, молъ, рысакомъ!» — Ты плутъ естественный, я знаю; Смотри, Лукичъ, не обмани. — «Ну вотъ-съ, помилуйте! ни-ни! Я васъ съ другими не сравняю Тутъ... Вамъ Скобъевъ незнакомъ? — Нисколько. —

«Онъ, сударь, кругомъ
Въ долгахъ: весь въ карты проигрался,
Теперь рысакъ одинъ остался...
Ну, конь! Глазами, ваша честь,
Вотъ такъ, къ примъру, хочетъ съъсть!
Чортъ знаетъ! просто заглядънье!»
— Да правда ль? —

«Недалеко домъ, Коли угодно, завернемъ, Посмотримъ».

- Сдѣлай одолженье! А помнишь ли, купилъ ты мнѣ Собаку какъ-то по веснѣ? — «Плохонька развѣ?»
- Околѣла, Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! —

«Охотиться не захотѣла...
Поможемъ, сударь, ничего...
Ахъ! тутъ вотъ есть у офицера
Собака... кличку-то забылъ.
Вчера денщикъ и говорилъ...
Ну, и животное, къ примѣру,
Брось въ воду гривенникъ — найдетъ!
Вотъ вамъ купить бы».

— Радъ душою!
Но для чего жъ онъ продаетъ? — «Что дълать станете съ нуждою!
Наследство дядя объщалъ,
А при смерти не завъщалъ,
Ђсть нечего... семья большая...»
— А! вотъ что! — баринъ отвъчалъ И, гибкой тросточкой играя,
Поглядывалъ по сторонамъ И напъвалъ: «тири-та-рамъ...»

VI.

«Вотъ-съ двухъэтажный съ мезониномъ...» Лукичъ помѣщику сказалъ И домъ Скобѣева, аршиномъ Махнувъ направо, показалъ. «Эй, кучеръ! соня!»

Кучеръ плотный.

Безсмысленно разинувъ ротъ, Дремалъ на камнъ у воротъ. «Иль ночь-то не спалъ, беззаботный?» Лукичъ у кучера спросилъ Тотъ вздрогнулъ и глаза открылъ, Досталъ тавлинку изъ кармана И сильно въ ноздри потянулъ. «Гдъ баринъ?»

— Ась? А... Чхи! Татьяна Мнѣ говорила... чхи!.. пьетъ чай. — «Потише ротъ-то разѣвай! Вишь, зачихалъ. Эхъ, ты, пріятель! На рысака вотъ покупатель...» — Ну, что же? стало показать? — «Вѣдь не заочно покупать!» — А баринъ? —

«Выводи, онъ знаетъ». И кучеръ скрылся. «Климъ Кузьмичъ! Сказалъ вполголоса Лукичъ: Сноровка дълу не мъшаетъ — Ему на водку надо дать...» — Ну, дураку-то! —

«Какъ узнать! Бываетъ и дуракъ годится. Онъ, рыжій чортъ, не постыдится И господину понавретъ, Что нашъ-де конь намъ не подходитъ И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ. Ей Богу-съ! Этотъ хамскій родъ Γ осподъ частенько за носъ водитъ!» Помѣщикъ смѣхомъ отвѣчалъ И два четвертака досталъ. Лукичъ въ конюшню торопливо Вошелъ и молвилъ: «живо! живо!» Въ карманъ свой деньги опустилъ И кнутъ у кучера спросилъ. — Вонъ на стѣнѣ... не тутъ... правѣе. Статья-то, слышь, не подойдетъ:

Въдь конь съ запаломъ — зареветъ. — «Ты не крути, держи умнъе, А ну-ка, дорогой рысакъ, Подставь бока... Вотъ такъ! Вотъ такъ! Прр! пр! На дворъ его скоръе!..»

И бѣдный конь черезъ порогъ Вдругъ сдълалъ бъшеный скачокъ, Глазами дико покосился И началъ землю рыть ногой. Лукичъ, смѣясь, посторонился — Вишь, дескать, бойкій сталь какой. Помъщикъ подошелъ. Рукою Коня по шев потрепалъ И съ лоскомъ гривою густою Полюбовался. Холку взялъ, Поправилъ на бокъ, осторожно Ощупалъ ноги, мышки, грудь И молвилъ: «надобно взглянуть На зубы». — Оченно возможно, — Кудрявый кучеръ отвѣчалъ И зубы рысаку разжалъ. «Э! Конь-то молодой! три года... Лишь сталъ окраины ронять... А ну, нельзя ли пробъжать? Стой! Стой! Да, недурна порода!» А бѣгъ-то, бѣгъ-то, Климъ Кузьмичъ! А шея! — говорилъ Лукичъ: — Позвольте-съ, вотъ и самъ хозяинъ. —

Хозяинъ былъ румяный баринъ Съ усами, съ трубкою въ рукѣ, Въ фужаркѣ, въ черномъ сюртукѣ, Со знакомъ службы безпорочной, Обритъ отлично, сложенъ прочно, Взглядъ строгъ, на выкатѣ глаза И подъ гребенку волоса.

«Скобъевъ, сударь. Честь имъю... А вы-съ? коли спросить я смъю...» Онъ покупателю сказалъ. — Долбинъ, помъщикъ. Я узналъ, Что рысака вы продаете... — «Такъ точно».

- Дорого ль возьмете? —
- «Позвольте въ домъ васъ попросить».
- Зачѣмъ же? можно тутъ рѣшить. —
- «Четыреста. Коню три года...»
- Я видълъ. А чьего завода? «Орловой».
 - Дорого... Не дамъ.

А вотъ за триста по рукамъ. —

«Я не торгашъ, предупреждаю. Три съ половиною даютъ, Прійти хотѣли — и придутъ». «Все вретъ», Лукичъ подумалъ: «знаю...» И молвилъ: «я и приводилъ». — Ну! ну! Скобѣевъ перебилъ. — «Я не обидѣлъ васъ словами; Что жъ! наше дѣло сторона. Не дорогая, молъ, цѣна, Я вотъ что...» и старикъ руками Развелъ.

Хозяинъ былъ упрямъ, И плохо подвигалась сдълка. «Ударьте, сударь, по рукамъ! —

Лукичъ, какъ бѣсъ, шепталъ украдкой. Помѣщику: — вѣдь дѣло гадко! Скобѣевъ спятится вотъ-вотъ... Кончайте! сотня не расчетъ!»

Долбинъ стоялъ въ недоумѣньи, Поглядывалъ на рысака: Картина-конь! на старика, — Тотъ весь дрожалъ отъ нетерпѣнья: Усами шевелилъ, мигалъ, Къ карману руку прикладалъ... Не прозѣвай, молъ! Что ты смотришь, Покаешься, да не воротишь. Мнъ что! я не желаю зла... И сдълка кончена была.

Кому не святъ обычай русскій! И вотъ за водкой и закуской Скобъевъ и Долбинъ сидятъ. Червонцы на столъ звенятъ; Лицо хозяина сіяетъ; Онъ залпомъ рюмку выпиваетъ, Остатки въ потолокъ — вотъ такъ, Дескать, попрыгивай, рысакъ. Долбинъ поморщился немного, Но тоже выпилъ. У порога Лукичъ почтительно стоялъ И очереди ожидалъ. Хватилъ и молвилъ»: «захромаю Съ одной-съ...»

Скобѣевъ не слыхалъ, Бесѣду съ гостемъ продолжалъ: «Такъ, вотъ что, Климъ Кузьмичъ! я знаю Имѣнье ваше... проѣзжалъ... Земли довольно...»

— Рукъ немного! Душъ тридцать. Впрочемъ, не бѣда: На мѣсячинѣ всѣ. —

«Ахъ, да!

Мысль не дурна».

— Но надо строго Слъ́дить. Внимательность нужна. — «Лъ́нятся?»

— Ужасъ! Разоряютъ! Заставишь съ́ять — съ́мена За голенища засыпаютъ, Порою въ землю зарываютъ! — «Неужто?»

— Просто, нѣтъ души! Хоть колъ на головѣ теши, Не убѣдишь!.. Я разъ гуляю. Гляжу — нырнулъ мальчишка въ рожь.. Эй! погоди, молъ, не уйдешь! И что же, сударь, открываю? — «Ну-съ?»

— Онъ колосья воровалъ! Шапченку верхомъ ихъ набралъ. На что, молъ? Хлопаетъ глазами Да хнычетъ. —

«Этакой развратъ! Ужасно! и отцы молчатъ?» — Нашли тутъ! научаютъ сами... Не наъ́дятся, чортъ возьми! Что хочешь, какъ ихъ ни корми! «Вотъ саранча!»

— Да-съ! наказанье! Вы какъ? на службъ! —

«Да... служилъ...

Въ комиссіи подъ лямкой былъ». — Такъ... Вышли? —

«Родилось желанье Окончить, знаете, свой вѣкъ Покойно: грѣшный человѣкъ, — Усталъ трудиться».

— Охъ, Создатель! Лукичъ подумалъ: вотъ и върь! Не скажетъ въдь, за что теперь Онъ подъ судомъ... хорошъ пріятель! Давно ль деревню-то купилъ? А говоритъ подъ лямкой былъ. —

Пом'вщикъ всталъ и распростился. Онъ къ воротамъ. — Лукичъ во сл'вдъ. «За трудъ, сударь», и побожился: Коню-то, молъ, ц'вны в'вдь н'втъ. — Вотъ два ц'влковыхъ. —

«Что вы-съ! мало! Какъ можно! это курамъ смѣхъ! Гм!.. время, значитъ, такъ пропало...» — Ну сколько же? — «Да пять не грѣхъ».

Долбинъ заспорилъ.

«Воля ваша, Хоть не давайте ничего! Мы, стало, служимъ изъ того... А все, къ примъру, глупость наша: Добра желаешь».

— Эхъ, какой! Одинъ прибавлю. Да! постой! На счетъ собаки...

«Что жъ, извольте! Оно, — вы скупы, да пойдемте: Я не сердитъ, служить готовъ». — Теперь я занятъ. —

«Мы съ двухъ словъ!»
— Нѣтъ, нѣтъ! до завтра. Срокъ не дологъ. —
«Упустимъ: часъ въ торговлѣ дорогъ!»
— Пустое! Кучеръ! Эй! за мной! Веди коня! —

«Ну, Богъ съ тобой!» Лукичъ подумалъ: «заскупился. Вотъ покупатель-то явился! Въдь съ виду смотритъ молодцомъ: Очками, тростью щеголяетъ И на спинъ колпакъ съ махромъ, Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ, А хорошенько разберешь — Выходитъ такъ себъ... какъ глина. Что хочешь изъ нея сомнешь. Эхъ, плачетъ по тебъ дубина! Добру сумъла бъ научить,

Да некому дубиной бить! Ни то дуракъ... развѣсилъ уши! Разинулъ ротъ и вѣритъ чуши, Скобѣевъ будто задолжалъ, Все, значитъ, въ карты проигралъ. Какъ разъ! Ему и проиграться! Да онъ удавится за грошъ!»

— Эй, старый хрычъ! кого ты ждешь? Пора въ-свояси убираться! — Съ крыльца Скобъевъ забасилъ. Лукичъ за козырекъ схватился, Картузъ подъ мышку положилъ И молвилъ: «ну, сударь! трудился, Весь лобъ въ поту!»

«Платокъ возьми,

Утрись».

— Утремся. Я дътьми

За вашу клячу-то божился,
Не грѣхъ за хлопоты мнѣ взять. —
«Вишь старый хрычъ чѣмъ похвалился:
Я бъ безъ тебя умѣлъ продать.
Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру...
А много заплатилъ Долбинъ?»
— Съ него возьмешь, хоть бы алтынъ,
Такая выжига, къ примѣру! —
«Все лжешь!»

— Бываетъ, что и лгу,

А передъ вами не могу: Нехватитъ духу. —

«Это видно!..

Я бъ далъ, нѣтъ мелочи въ дому...»

— Да не шутите, сударь, стыдно! —
«Не забываться, ротъ зажму!»

— Благодаримъ: не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть? —
«Взялъ съ одного, ты съ барышами —
И полно!...»

— Что и говорить! Вотъ щедрость! Гм!.. мое почтенье! Останься съ рюмкою вина... Ну, дорогое угощенье! — «Вишневка. Какъ? въдь не дурна?» — Хоть рубль-то дайте! —

«Чести много, Пожалуй, на вотъ четвертакъ». — Себъ возьмите, коли такъ! Эхъ, баринъ, не боишься Бога! — «Я говорилъ тебъ — молчать!» — Потише! можно испугать!.. Онъ четвертакъ, къ примъру, вынулъ, Вишь умникъ, дурака нашелъ... — И свой картузъ Лукичъ надвинулъ Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Горятъ огни зари вечерней. Въ туманъ прячутся деревни, И все темнъй, темнъй вдали. За пашнями, изъ-подъ земли, Выходитъ пламя полосами И начинаетъ тутъ и тамъ Краснъть по темнымъ облакамъ, По синевъ надъ облаками, И смотришь — неба сторона

Виситъ въ огнѣ потоплена. Сквозь сумракъ поле зеленѣетъ, Угрюмо на краю небесъ Насупился кудрявый лѣсъ; Едва примѣтный онъ синѣетъ, Какъ будто туча приплыла И въ полѣ ночевать легла. Соха на пашнѣ опочила, Дорожка торная мертва. Вдругъ началъ перепелъ: вва! вва! И смолкъ.

Но пыль, какъ дымъ, покрыла Весь городъ; такъ и ѣстъ глаза! Дворянской улицы краса, Поникли тополи печально, Наводитъ грусть ихъ жалкій видъ; На стеклахъ кое-гдѣ горитъ Зари румяной лучъ прощальный, Напоминая цвѣтъ лица Полуживого мертвеца. Угрюмо смотритъ съ тротуара Чугунныхъ пушекъ рядъ нѣмой, Угрюмо ходитъ часовой На каланчъ и въсть пожара — И днемъ, и ночью черный флагъ Готовъ онъ вздернуть. Что ни шагъ — Все вывъски. Вотъ подъъзжаетъ Телѣга; вдругъ какъ изъ земли, Рука и палка вырастаетъ. Телъга скрылася вдали. Уже прохладенъ воздухъ сонный, И мѣсяцъ отраженъ рѣкой, Но камень, солнцемъ раскаленный, Доселѣ тепелъ подъ ногой.

Лукичъ въ свой домикъ возвращался. Прищуривъ мутные глаза, Онъ шелъ одинъ, безъ картуза, И сильно въ стороны шатался, И вслухъ несвязно бормоталъ: «А вамъ-то что? Вы что такое? Вишь умники! ну, погулялъ! Вѣдь на свое, не на чужое! Слышь, Климъ Кузьмичъ, каковъ рысакъ? Плохонекъ? ну, впередъ наука! На то, къ примъру, въ моръ щука, Чтобъ не дремалъ карась... да, такъ! Ты върилъ на слово, и ладно; Выходитъ дѣло, ты и глупъ! А миъ-то что? миъ не накладно, Мить благо, что купецъ не скупъ. Э! А собаку-то, пріятель! Молчишь, сердитъ за рысака... Да, ты теперь не покупатель, И не нуждаются пока. Да гдѣ я? Что за чертовщина! Постой-ка, осмотрюсь кругомъ.. Я помню отъ угла мой домъ Четвертый... экая причина! Дай сосчитаю, вотъ одинъ, Другой и третій... больше нѣту... Тутъ пустошь и какой-то тынъ... Да какъ же прежде пустошь эту Я здѣсь ни разу не видалъ?.. Тьфу, пропасть! ничего не знаю! А! догадался! понимаю! Не въ эту улицу попалъ».

Аринъ сердце предвъщало, Что пьянъ и грозенъ мужъ придетъ: Чуть раздавался скрипъ воротъ, Въ ознобъ и жаръ ее кидало, Свъча горъла. За чулкомъ Грустила Саша подъ окномъ. Заботамъ чуждъ, какъ уголь, черный, Не унывалъ лишь котъ проворный, Клубкомъ старушки на полу Игралъ онъ весело въ углу. «Иду!.. — раздался на крылечкъ Знакомый крикъ: — огня подать!» И Саша бросилася къ свъчкъ, Отца готовая встръчать.

Дверь распахнулась, онъ явился: Лобъ сморщенъ, дыбомъ волоса, Дырявый галстукъ на бокъ сбился И кровью налиты глаза. «Безъ картуза!» всплеснувъ руками, Старушка молвила.

— Молчать! Я дамъ вамъ дружбу съ столярами! Тсс!.. смирно!.. рта не разъвать!.. «Постойте! — Саша говорила: — Я васъ раздъну».

— Раздѣвай! Ну, да! и галстукъ... все снимай!.. А ты о чемъ вчера грустила? — «Такъ, скучно было». — Врешь! не такъ!

Ты думаешь, отецъ дуракъ... Цълуй мнъ руку! —

Дочь стояла Недвижно; только по лицу, Сквозь блѣдность краска выступала, — Не стою?.. А! поцѣловала! Противно, значитъ... да! отцу! Едва губами прислонилась! — «Ну, началось!» сказала дочь И отошла съ досадой прочь — Разуй меня! куда ты скрылась? Но Саша медлила.

— Идешь?.. Ну, ладно. Тише! что ты рвешь!

Не надо! —

«Полно издъваться!

Давайте!»

— Цыцъ! — «Вѣдь брошу!» — Какъ?

Ну, брось!.. ну, брось!.. отецъ дуракъ, Ну, что жъ? Не гръхъ и посмъяться... А я заплачу... не впервой... Вотъ плачу... смъйся! Богъ съ тобой! — «Да лягъ»! — промолвила старушка: — Хоть тутъ — на лавкъ. Вотъ подушка». — Чего? учи-ко дочь свою! А вотъ я пъсню запою: Лучина... —

«Полно, старичина!

Грѣшно! какая тамъ лучина!» — Молчать! я хлѣба мало ѣлъ! Вотъ это кто добыть умѣлъ? — И серебро свое онъ вынулъ И на полу его раскинулъ. «На что жъ бросать-то?»

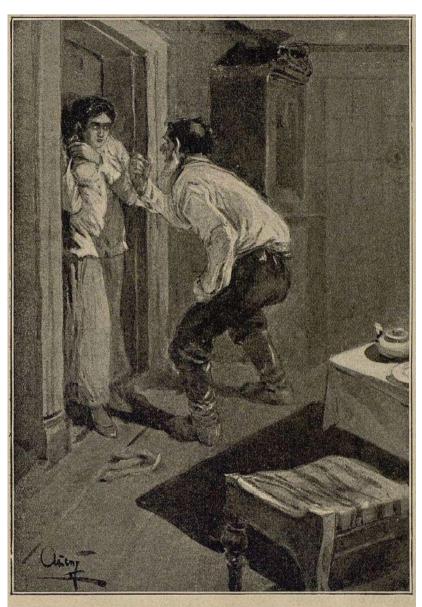
— Стой, не тронь!

Не подбирай! туши огонь. — «Да лягъ! потушимъ!»

— А! потушишь! Украсть хотите? нѣтъ, постой! — «Изъ-за чего ты насъ все крушишь? Hv, пьянъ, и спалъ бы, Богъ съ тобой!» — Кто пьянъ? — ты мужу такъ сказала! Куда? не спрячешься! найду! — «Оставьте, — Саша умоляла: — Она ушла, ушла! въ саду». — Прочь отъ двери! Ты что пристала? А кто тебѣ вотъ это сшилъ? — И дочь онъ за рукавъ схватилъ. — Hy, что жъ, къ примъру, замолчала? — У Саши загорълся взоръ, И все лицо, что коленкоръ, Вдругъ побълъло. «Не кричите!» — Кто сипилъ? —

«Сама!»

— Вотъ разъ! вотъ два! — И половина рукава Упала на полъ.

— Прочь отъ двери! Ты что пристала? А кто тебь вотъ это сшилъ? — И дочь онъ за рукавъ схватилъ.

«Рвите! рвите! —

За то, что для себя и васъ
За дѣломъ не смыкаю глазъ!
За то, что руки вамъ цѣлую
И добываю хлѣбъ иглой,
Или, какъ нынче, въ ночь глухую,
Вотъ такъ терплю!.. И вы родной!
И вы отецъ!»

Старикъ смутился, Какъ ни былъ пьянъ, но спохватился И плюнулъ дочери въ глаза, И върно бъ грянула гроза, Но Саша за отцомъ слъдила, Вмигъ отъ удара отскочила Назадъ и бросилася вонъ.

Лукичъ въ сонъ крѣпкій погруженъ 4

«Зарей я зябнуть начинаю, — Старушка молвила, кряхтя: —

⁴ — Огарокъ сальный потушенъ. Лукичъ храпълъ. Но все сидъли И мать и дочь въ саду густомъ, И звѣзды трепетнымъ огнемъ Надъ головами ихъ горѣли. Вокругъ подъ зеленью кустовъ, Вершины сонныя деревъ Кудрями черными висѣли Среди глубокой тишины. Лишь гостья робкая весны, На въткъ вздрагивала птичка. Или порою по дворамъ, Разсвъта въсть, и тамъ и сямъ У пѣтуховъ шла перекличка. Но въ чащѣ хмурилася ночь. Смотря, какъ плачутъ мать и дочь.

Свъча погасла. Все сидъли И мать и дочь въ саду густомъ, И звъзды радостнымъ огнемъ Надъ головами ихъ горъли. Но грозно, въ синей вышинъ, Стояла туча въ сторонъ; Сверкала молнія порою — И садъ изъ мрака выступалъ, И вновь во мракъ пропадалъ. Старушка робкою рукою Крестилась. Вся освъщена На мигъ и пробудясь отъ сна, На въткъ вздрагивала птичка, А по дворамъ шла перекличка У пътуховъ.

«Не спишь, дитя? кряхтя: —

Старушка молвила, кряхтя: — Я что-то зябну... охъ! поди-ты,

Старикъ хряпитъ теперь, я чаю... Вставай, пойдемъ, мое дитя! Вотъ мы его поутру спросимъ. За что мы горе переносимъ...»

Веселый день сіялъ давно
Въ душистый садъ открывъ окно.
Старушка варежку вязала
И воздухъ утренній вдыхала
Въ больную грудь. А самоваръ,
Подъ потолокъ пуская паръ.
При свѣтѣ солнца красовался
И, грѣя чайникъ, потѣшался:
То, какъ рабочая пчела.
Жужжалъ, на мигъ не умолкая,
То, словно жукъ, гудѣлъ баскомъ
Поспѣшно чашки вытирая,
Сидѣла Саша за столомъ.

Какъ грудь-то больно!»

— Вотъ платокъ;

Покройтесь. —

«Что ты, мой дружокъ!

И будутъ у самой открыты До свъта плечи!»

— Мнѣ тепло. — «Нѣтъ, нѣтъ! не надо! все прошло!»

Но дочь старушку убѣдила, И грудь, и шею ей покрыла Платкомъ. Сама, какъ часовой, Бродила по травѣ сырой. Прогулка грустная не грѣла Ея продрогнувшаго тѣла. Тутъ горе... горе впереди, Теперь и прежде... и въ груди Досада на отца кипѣла. Потрясена, раздражена, Вдыхала съ жадностью она Холодный воздухъ, хотя и знала, Что безъ того больной лежала Не такъ давно. Теперь опять Хотѣла слечь — и вновь не встать.

Въ саду зеленомъ блескъ и тѣни. На солнцѣ искрится роса; Веселыхъ птичекъ голоса Перекликаются въ сирени; Прохлада свѣжая давно Плыветъ въ открытое окно. Старушка стекла вытираетъ.

Подъ потолокъ пуская паръ, Кипитъ нагрътый самоваръ, И Саша чайникъ наливаетъ, Сидитъ съ поникшей головой, Подпертой бълою рукой.

И вотъ Лукичъ отъ мухъ проснулся, Зѣвнулъ, лѣниво потянулся. Взглянулъ на столъ — тамъ серебро; Повѣрилъ — цѣло, ну, добро! Онъ вспоминалъ, хотъ и неясно, Что пошумѣлъ вчера напрасно; Ну, молъ, бѣда не велика, Не тронь, уважатъ старика.

«Охъ, голова болитъ, старуха! А что вчера я смирно легъ?»
— Чуть не прибилъ насъ. Видитъ Богъ. За что? Такая-то сокруха! И понаслушались всего... — «Гм! жаль, не помню ничего!»
— Въ саду сидъли до разсвъта..» Гръшно, Лукичъ! Въ мои ли лъта Такъ жить! —

«Ну, ну! не поминай. Ты пьянаго не раздражай. Давай-ка поскоръе чаю, Быть-можетъ, голова... того... А я жду сваху»

— Отъ кого? — «Про это я, выходитъ, знаю; Что думалъ, сбудется авось». — Смотри, тужить бы не пришлось...

И-ихъ, старикъ! —

«И-ихъ, старуха, Не забывается сосъдъ! Въдь я сказалъ, къ примъру, нътъ! Ну, плеть не перебьетъ обуха!» — Мнъ замужъ, батюшка, нейти, — Чуть слышно Саша отвъчала, И съ чаемъ чашка задрожала Въ ея рукъ.

«Ты безъ пути 5 Того... не завирайся много!»

— Я правду говорю. —

«Ну, врешь Велю — за пастуха пойдешь». И, поглядъвъ на Сашу строго, Отецъ прибавилъ: «да, велю, И баста! спорить не люблю». — Конечно, такъ. Я кукла, стало,

^{5 — «}Я никогда изъ вашей воли Не выхожу. Теперь невмочь! За что свою родную дочь Вы губите?»

[—] Да ты въ умѣ ли?
Ты съ кѣмъ изволишь разсуждать?
«Простите!.. Рада бъ я молчать —
На сердцѣ слезы накипѣли!
Вы принимали столяра,
Какъ сына. Вы ли не видали,
Какъ мы другъ къ другу привыкали?»
— Теперь раздумалъ — и поди!
Отнынѣ моего порога
Не смѣй онъ знать! Вишь рѣчь нашла!

Иль тряпка... и куда попало Меня ни бросить, все равно, Подъ лавку или за окно. — «Да что, къ примъру, ты въ умъ ли? Ты съ къмъ изволишь разсуждать?» — Вотъ если бъ эту чашку взять Разбить, вы върно бъ пожалъли! — «Ну, что жъ изъ этого?»

— Да такъ

Вы сами знаете — пустякъ. Вамъ чашка дочери дороже. — «Смекаю. Ты-то за кого Меня сочла? за куклу тоже? Да ты отъ взгляда моего, Не то что словъ, должна дрожать! А ты... ты хлѣбомъ попрекать Отцу! Ты что вчера сказала? Для васъ, дескать, моя игла...» — Я виновата, попрекала. Да если бъ камнемъ я была, Тогда бъ промолвила! Вѣдъ горько! Иной собакѣ лучше жить, Чѣмъ мнѣ: ее не станутъ бить, Гнать изъ конуры... —

«Дальше!»

— Только

Что жъ, мало этого? —

«Молчать!

И слышишь ты, не поминать Сосъ́да! моего порога Не смъ́й онъ знать! Вишь, ръ̀чь нашла. Благодари, къ примѣру, Бога, Что у тебя коса цѣла!»

Старушка вышла изъ терпѣнья. Въ душѣ за дочь оскорблена, Все: слезы, годы униженья, Все горе старое она Припомнила и поблѣднѣла, И мужу высказать хотѣла. Какой, молъ, есть ты человъкъ? Крушилъ жену свою весь вѣкъ И крушишь дочь. Побои, пьянство... Въдь это мука, молъ, тиранство... Ты въ этомъ Богу дашь отчетъ!.. И не рѣшилась. Нѣтъ, нейдетъ: Вспылитъ. Немного помолчала И грустно дочери сказала: «Пей, Саша, чай-то, онъ простылъ. Что жъ плакать?»

— Гм! ей чай не милъ Сгубилъ сосътъ твою голубку, Заплачь и ты, — оно подъ стать! — Промолвилъ мужъ и началъ трубку Объ уголъ печки выбивать.

Межъ тъмъ въ калиткъ обветшалой Кольцо желъзное стучало. Лукичъ прислушался: «Стучатъ, Подъ чай, къ примъру, норовятъ...» Въ окно Арина поглядъла:
— Старуха чья-то. Охъ, Лукичъ. Не сваха ли? кому опричь? — «Что жъ примемъ». Саша поблъднъла. Отецъ на кухню указалъ

И Сашѣ выйти приказалъ. Она не трогалася съ мѣста. «Опять упрямство! слышь, невѣста, За косу выведу, гляди!» — Иди, душа моя, иди! Сказала мать: охъ, мука, мука! — «Ну, ну! не мука, а наука... Васъ плетью бъ нужно обучать». И онъ сюртукъ сталъ надѣвать.

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась, И гостья, кашляя, вошла, Святымъ иконамъ помолилась И чуть не въ поясъ отдала Поклонъ хозяину съ хозяйкой. На гостьѣ былъ нарядъ простой: Покрытый синею китайкой Шушунъ, кокошникъ золотой И сарафанъ. Взглядъ ястребиный, Лукавый. На лицѣ морщины, И тонкій носъ загнутъ крючкомъ.

«Челомъ вамъ, золотые, бъемъ! Здоровы ли, мои родные? Ну, жаръ! насилу доплелась! Да пыль отъ вътру поднялась, — Измучилася, золотые!» — Садись-ко, матушка, садись, — Сказалъ Лукичъ: — вотъ чашку чаю... «Давай, родной. Уста спеклись. Шестой десятокъ доживаю. Насилу бродишь. Ну, и жаръ!» — Жена! долей-ка самоваръ.

Привътимъ гостью дорогую, Чъмъ Богъ послалъ. —

«И-и, родной:

Привъть хоть лаской-то одной Да потрудись на ръчь простую Мнъ, старой бабъ, отвъчать».

— Изволь. Послушаемъ, въ чемъ дъло. — «Кажись, вамъ времячко приспъло Живой товаръ свой съ рукъ сбывать; Есть у меня купецъ, не знаю, Хорошъ ли будетъ онъ для васъ».

— А! понимаю, понимаю!
Товаръ, къ примъру, есть у насъ, Да кто купецъ-то? —

«Таракановъ

Тарасъ Петровичъ».

— Это онъ! Лукичъ подумалъ: — въ руку сонъ! Его и ждалъ. —

«Пять балагановъ

Своихъ на рынкѣ... голова!»
— Прибавила! И всѣхъ-то два. —
«И, нѣтъ!.. Красавецъ! и бровями
И темнорусыми кудрями,
Всѣмъ взялъ! хоть въ рамку, золотой!»
— Намъ красотой не любоваться!
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты! —
«Охъ, батюшка, ума палата!
А домъ-атъ — поглядѣлъ бы ты,

Ужъ ничего!.. не наша хата! Пять комнатъ, сударь мой, — просторъ! На окнахъ бълыя гардины, Въ простънкахъ разныя картины А дворъ-то, что это за дворъ! Кругомъ дубовые амбары, И лъсъ старинный, — прочный лъсъ! Въ одномъ углу большой навъсъ. Въ амбарахъ всякіе товары. Что, золотой, и говорить: Добра возами не свозить!» Ну, тутъ прикрасы не у мъста; Ты о приданомъ рѣчь веди. — «Рѣчь о приданомъ впереди, Для жениха нужна невъста. Ее онъ видѣлъ какъ-то разъ, Да на-вотъ! кругомъ закружился! И хлѣба, золотой, лишился, И ночью не смыкаетъ глазъ — Все ею грезитъ. Да и миъ-то Совсѣмъ покою не даетъ. Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ, Все умоляетъ: какъ бы это Сходила ты къ невъстъ въ домъ Поговорить съ ея отцомъ?» — Ну, да, однако. Что же надо? — «Такъ что-нибудь, хоть для обряда: Четыре головныхъ платка, Ну-съ... три-четыре перстенька, Три нитки жемчугу на шею (Ужъ много я просить не смѣю), Салопъ на бъличьемъ мѣху, Сукна на чуйку жениху, Три шали, восемь платьевъ новыхъ, Кровать, комодъ и самоваръ,

Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ И — денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ...» — Выходитъ дѣло, не взыщи! Съ приданымъ этакимъ, гдѣ знаешь Иную дъвушку ищи. — «И, золотой, ты обижаешь! Ты покажи товаръ купцу; Нельзя: такое заведенье! Не сразу торгъ, не вдругъ ръшенье, Сказать: здорово и — къ вѣнцу». — Hv, да! вотъ эта рѣчь умнѣе! Смотрушки завтра. Попоздиве Прошу покорно вечеркомъ Пожаловать къ намъ съ женихомъ. — «Всенепремѣнно. Ваши гости Повъришь ли, что я скажу? Состарились мои всѣ кости: Лътъ тридцать свахою хожу, И счетъ-то свадьбамъ потеряла, А и досель, мой родной, Всѣ, для кого я хлопотала, Осталися довольны мной. Кому какой талантъ отъ Бога! За то, куда въдь не придешь — И ласку и хлѣбъ-соль найдешь... Однимъ нехорошо немного: Иные выжиги за трудъ По уговору не даютъ Ну, имъ и достается горько: Начнешь по городу звонить, То тъмъ, то семъ ихъ обносить — И свадьба врозь! да мнѣ-то только Отъ этихъ выжигъ барыша!» — Охъ, свашенька, моя душа, — Хозяйка, сморщившись, сказала: —

Не грѣхъ ли отъ такихъ затѣй? — «И, нѣтъ, родная! я слыхала (Старшой мой сынъ-то грамотей, Надъ Библіей и засыпаетъ): За око — око! вотъ вѣдь что! Коли тебя обидѣлъ кто, Не кланяйся, не подобаетъ».

Лукичъ любилъ потолковать. И у него вплоть до обѣда Со свахой длилася бесѣда. «Дочь надо замужъ выдавать Умно, дескать. Смотри тутъ въ оба! Тутъ думу думай не шутя: Не шапка — кровное дитя, Дашь промахъ разъ, — бѣда до гроба!» Но сваха не была плоха. — Да, да! разсказывай, молъ, сказки! И не жалѣла яркой краски, Рисуя бойко жениха.

IX.

Покамъстъ гостья толковала ⁶,

⁶ Ихъ раздѣляла дверь одна. «Смотрушки завтра... Ночь осталась. Нарядять, выведуть, а тамъ...» И кровь ей въ голову бросалась: «Нѣть, лучше умереть! Къ моимъ слезамъ Не будеть жалости».

На цыпочкахъ переступая, Она прокралась по сѣнямъ Къ крылечку шаткому, а тамъ — Въ зеленый садъ. Невольно Саша ей внимала, И, ѣдкой горечи полна, Рукою трепетной она Взялась за дверь; была готова Ее нежданно отворить, Явиться предъ отцомъ и снова Отказъ отъ брака повторить. Старикъ вспылитъ. Въ пылу досады Не будетъ отъ него пощады... Что жъ! такъ и быть! Но, Боже! мать Грозой семейной испугать, Заставить плакать... развѣ мало Она слезъ горькихъ проливала? У Саши силы недостало, И глупымъ бредомъ назвала Порывъ свой дѣвушка.

Какъ сладко Въ саду малиновка поетъ! И какъ не пъть! въ глуши живетъ,

Въ саду жужжанье, Веселый свистъ и пискотня, Чиликанье и щебетанье. Бурьянъ разросся у плетня; По яркой зелени сирени Перебъгаютъ свътъ и тъни, Приподнялся сквозной стѣной Межъ яблонь вишенникъ густой; Вонъ стволъ березы серебрится, Она пряма и высока, Отъ вътра шапка шевелится И вдоль протянута рука. И тутъ и тамъ поникли ивы; Кругомъ трава, цвѣты, Дорожекъ узкіе извивы, На нихъ поблеклые листы.

Въ кустъ гнъздо свила украдкой, Въ гнъздъ малютки!.. любо ей! Міръ Божій свътелъ. Надь землею Раздолье утренней порою Купаться въ золотъ лучей.

Весна! Весна! души отрада! Блеститъ на солнцъ зелень сада, Въ избыткѣ жизни каждый листъ Трепещетъ. Въ чащѣ пискъ и свистъ, Въ травъ жужжанье. Дятелъ цъпкій, По ивъ ползая, стучитъ; Вокругъ его сухія вѣтки Торчатъ, какъ пальцы. Грачъ глядитъ Лукаво съ вѣковой березы; Тамъ крикъ галчатъ на днѣ дупла, Тутъ въ чашечку душистой розы Вползаетъ желтая пчела За медомъ. Вътерка дыханье Едва касается травы, Надъ головою дня сіянье И ширь бездонной синевы.

Но вотъ и Саша. Торопливо Къ плетню сосъдскому идетъ, Сама рукой нетерпъливой То сломитъ вътвь, то отведетъ. Порою яркими лучами Ей солнце брызнетъ на плечо, Пригръетъ щеку горячо, Межъ тъмъ неслышными шагами За нею тънь ея спъшитъ. Плетень все ближе. Онъ увитъ Весь хмелемъ. Дъвушка подходитъ, Кудрявый хмель рукой отводитъ

И на сосъдскій дворъ глядитъ. Онъ пустъ. Зеленая крапива На зноъ нъжится лъниво, Да у крыльца кусокъ стекла Сверкаетъ. Даромъ ты пришла, Бъдняжка! не видать сосъда! И ждать нельзя: пора объда. Старушка дочь свою зоветъ: Скоръй, скоръй! отецъ, молъ, ждетъ.

Лукичъ былъ веселъ и за щами Шутилъ надъ Сашей и женою: «Вотъ, дескать, скоро пиръ честной... Готовьтесь! погуляемъ съ вами!» Дочь шутокъ вынесть не могла И за водой съ двора ушла.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ; Съ открытой грудью спитъ, не дышитъ Въ постели свътлая ръка. На желтой полосѣ песка Бѣлѣетъ камень. Одиноко За бѣлымъ камнемъ грачъ сидитъ, Крыло повисло, клювъ раскрытъ. Покрытый влажною осокой, Къ крутому берегу приросъ Недвижной лодки черный носъ. Вдали барахтаются смѣло Мальчишки. Весело волнъ Ласкать ихъ молодое тъло... И видны головы однѣ Да руки крикуновъ. Толпою Идутъ коровы къ водопою; Усталый, щелкая кнутомъ, Пастухъ тащится босикомъ,

Въ рубашкъ.

Саша отдохнула

У камня... Тихо и жара... Воды прозрачной два ведра Съ краями вровень зачерпнула — И оглянулась. «Гдѣ жъ онъ былъ?» Столяръ навстрѣчу ей спѣшилъ.

Сосъдь-столяръ высокъ и строенъ, Не очень смуглъ, не слишкомъ бълъ. Веселый взглядъ его спокоенъ И простодушно твердъ и смълъ; Въ обтяжку казакинъ изъ нанки, Рубашка красная чиста; Не въ тяготу ему рубанки И не въ кручину бъднота.

«Вотъ, Саша, встрѣча-то! здорово! Эхъ, мѣсто дрянь! народъ вонъ есть... Поцѣловалъ бы... право слово! Ну, жаль! глаза бъ ему отвесть, Да не умѣю»

— Горя много,

Не до того... —

«О чемъ грустить? Что горе? въ горѣ Богъ помога; Вѣкъ горевать, такъ что и жить!»
— Куда ходилъ? —

«Да тутъ скончался Старикъ знакомый. Тамъ сиротъ!.. Нътъ гроба... голосьба идетъ... Я приготовить объщался, Теперь снялъ мърку. Жаль до слезъ! Спасибо, есть готовый тесъ... Ну, что отецъ?»

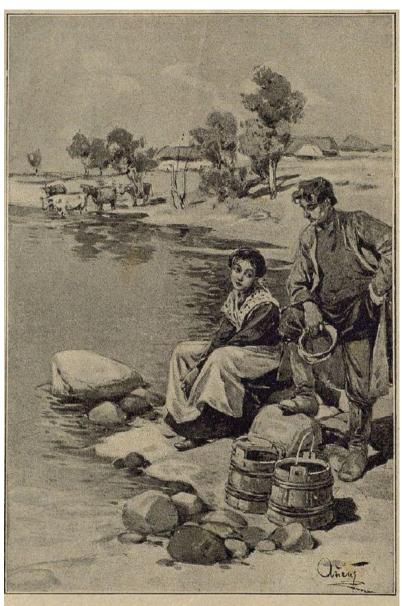
— Теперь устала! Не въ мочь! — и Саша разсказала О свахъ̀.

«Эдакой старикъ!» И головой столяръ поникъ, Подумалъ и встряхнулъ кудрями. «Все вздоръ! не надо унывать! Повърь, все кончится словами...» — Да, хорошо! легко сказать! Защита гдѣ? Отецъ-то воленъ... Смотрушки завтра. Онъ сказалъ, Чтобъ ты двора его не зналъ. — «Вотъ человъкъ! упрямствомъ боленъ! Въдь за тобою у него Не требую я ничего... Я бъденъ! этого боится? Такъ мой топоръ не залежится; Отнимется одна рука, Вотъ есть другая... Безъ куска Сидѣть не станемъ...»

— Это знаетъ

Онъ самъ. —

«Такъ что жъ и горевать!» — Нѣтъ, Вася, сердце предвѣшаетъ, Что намъ въ разлукѣ свѣковать! — «Въ разлукѣ! Господи, помилуй! Да развѣ твой отецъ палачъ?

"Ну, что отець?—Теперь устала! Невмочь!—и Саша разсказала О свахь. "Эдакой старивь!" И головой столярь пепи_{къ.}

Хоть заживо ложись въ могилу, — Онъ не дрогнетъ! Ну, рвись и плачь, Проси, покуда станетъ силы, Ръчей и слезъ!

— Все такъ, мой милый!

Все это было и не разъ... Ты знаешь, онъ каковъ у насъ? Жаль мать, не то хоть утопиться: Попрекъ, ругательство да споръ. — «Ну, что жъ теперь и согласиться? Подставить шею подъ топоръ?.. Послушай: старику извъстно, Что я не плутъ и въ словъ твердъ. Ему, навърно, вотъ что лестно — Женихъ богатъ... Лукичъ вѣдь гордъ! Ну, и расчетъ: онъ, молъ, надежа Въ нуждѣ, то-есть... такъ помогу, Мой другъ, и я. Ей-ей не лгу! Хлѣбъ надобенъ? возьми. Одежа — Дамъ и одежу! пусть лежитъ Хоть на печи, все будетъ сытъ! Скажи ему».

— Онъ посмъется...

А смѣхъ во зло меня введетъ...
Ты не повѣришь, — сердце рвется, Когда онъ подъ хмелькомъ придетъ Да зашумитъ! Сама вѣдь знаю. Что грубость — грѣхъ: не утерплю, Забудусь. Послѣ проклинаю Себя же. Я его люблю, Да что... недостаетъ терпѣнья! — «Эхъ, руку бъ далъ на отсѣченье, Да не поможешь!.. мой совѣтъ —

Поудержись: грубить не слѣдъ. Что дѣлать? болѣе терпѣла, Дождемся счастья...»

Но грустна Стояла Саша. Думъ полна, На воду тихую глядъла Глазами мутными она. Лазурь небесъ тамъ отражалась; Ръка, свободна и свътла, Ее привътливо, казалось, Въ свои объятія звала.

Χ.

Мерцаютъ звъзды. Городъ сонный Какъ будто вымеръ, — такъ онъ тихъ! Сквозь сумракъ камни мостовыхъ Бѣлѣютъ смутно. Мѣсяцъ полный Свободу далъ своимъ лучамъ: По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ; Одинъ въ окно слезу подмѣтитъ; Другой, какъ хитрый чародъй, Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей И цѣпь колодника освѣтитъ; Неслышно церковь навъститъ, Окладъ иконъ посеребритъ; Не зная страха и запрета, Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ, Скорбяшій ликъ Владыки свъта, — И дерзко ляжетъ на престолъ. Иль въ чащу сада проберется, По темной зелени блеснетъ, Росинку на листъ найдетъ, — Росинка искрою зажжется.

Порой по улицѣ пустой Безсонный сторожъ молча ходитъ И въ доску бьетъ, и эхо вторитъ; Тѣнь позади на мостовой Махаетъ, какъ и онъ, рукой. И снова тихо... Звѣздъ сіянье Такъ чудно. Вдругъ въ лицо пахнетъ... Что это? Вѣтерка дыханье, Иль духа горняго полетъ?

Спитъ Божій людъ. Столяръ доселѣ Не успокоится въ постели. Лежитъ онъ подлѣ верстака, Отдѣлкой гроба утомленный; Подушка — локоть обнаженный; Подъ локтемъ — жесткая доска. Печально смотритъ мастерская; Смолистый запахъ изливая, Бѣлѣютъ стружки на полу, Сосновый гробъ стоитъ въ углу, Топоръ въ березовый обрубокъ Воткнулся носомъ. На стѣнѣ Чернъетъ старый полушубокъ. Пила, при трепетномъ огнѣ, Блеститъ и меркнетъ. На скамейкѣ, Въ платкъ и желтой душегръйкъ, Семьи сварливая глава, Сидитъ дородная вдова И молча карты раскладаетъ: Про сынинъ бракъ она гадаетъ, Но сбивчивъ глупый ихъ отвътъ: To выйдеть ∂a , то выйдеть nms. Вотъ, напримъръ: печаль, дорога, Постель, больная, интересъ... Да тутъ и навыкъ не помога,

Богъ знаетъ, — просто темный лѣсъ! Межъ тѣмъ съ гремушкою въ ручонкѣ, До вечера проспавшій днемъ, Въ штанишкахъ, въ синей рубашонкѣ, По стружкамъ скачетъ босикомъ Ея сынишка краснощекій, И, православныхъ избъ жилецъ, Извѣстный на Руси пѣвецъ, Сверчокъ стрекочетъ одиноко Подъ печью.

«Вотъ, — сказала мать: — Вотъ, пиковый король... постылый: Онъ твой злодъй, мой Вася милый, — Посмотришь, свадьбѣ не бывать, Ни, ни! я прежде это знала: Намедни, помнится, во снъ Все бисеръ да жемчугъ низала — И доведется плакать мнъ». Сынъ улыбнулся беззаботно, Не слишкомъ довъряя снамъ. Одной надеждъ безотчетно Онъ предавался: «Пусть упрямъ Старикъ-сосъдъ, все знаетъ Бога... Ну, будетъ, вѣдомо, тревога: Лукичъ браниться молодецъ, Да все же дътищу отецъ, Не камень... сжалится... но диво, Что ноетъ сердце такъ тоскливо...» И тяжело столяръ вздыхалъ, Въ раздумьи кудри расправлялъ.

«Мнѣ то досадно, — мать сказала: — Что Лукичу я уважала! Давно ль жена его у насъ Брала утюгъ... дескать, на часъ, Два дня держала, — я ни слова, Я подълиться, молъ, готова Съ сосъдомъ! Сальную свъчу Взаемъ на красной горкъ взяли И до сихъ поръ не отдавали... Ништо! покуда помолчу... А если онъ насъ одурачитъ, Я за себя не поручусь, Ни, ни! я такъ съ нимъ расплачусь, Что любо!»

— Это ссора, значитъ... — Отвътилъ сынъ: — бъды-то нътъ. Безъ шума дъло обойдется. — «Какъ свистнешь, такъ и отзовется. Мнъ эдакъ дорогъ твой сосъдъ, Что вонъ немытая тряпица... Ну, Саша, точно, не въ него: Скромна, работать мастерица...» — И не дурна? —

«Да, ничего».

— А ну-ко, Ваня, плясовую! — «Какую, братецъ? А? какую?» Мальчишка весело спросилъ И ножками засъменилъ. Столяръ запълъ:

Какъ у насъ во садочку, Какъ у насъ во зеленомъ. Люшиньки-люли!..

Вдова смѣялась На пляску. Пѣсня продолжалась Недолго. Сердце столяра Опять заныло. — Спать пора, Оставь-ко, Ваня —

«Право слово, Я ничего! я не усталъ!» Но братъ не слушалъ и молчалъ. И принялась за карты снова Вдова. Кудрявый Ваня сѣлъ На лавку и въ окно глядѣлъ. — Эхъ, какъ звъзда-то покатилась! Смотрите! — вдругъ онъ закричалъ. Столяръ съ улыбкою сказалъ: «Лови!» Вдова перекрестилась: — Знать, умеръ кто... Кто ни умретъ, Такъ, говорятъ, звѣзда спадетъ.. Э, Вася! я и не спросила: За гробъ-то дорого ль ты взялъ? — «Да какъ сказать? Не въ этомъ сила. Въдь я покойника-то зналъ. Чудакъ! онъ жилъ въ своемъ домишкъ Такъ, въ старой мазанкѣ! Ходилъ Зимой и лътомъ въ халатишкъ, Щегловъ, чижей, синицъ, ловилъ. Бывало, раннею зарею, Въ лѣсъ проберется съ западнею Да съ сътью — холодъ нипочемъ, Разставитъ съть, а съ птицей клътку На сукъ повъситъ иль на вътку. И насторожѣ за кустомъ Дрожитъ въ снъгу... Одну заботу, Покуда кончился, имълъ: Не во-время, молъ, заболѣлъ. Tеперь — вотъ въ лѣсъ бы на охоту... Сталъ умирать: какъ закричитъ:

- «Жена! пусти на волю дътокъ!»
- «Какихъ тамъ дътокъ?» говоритъ.
- «Моихъ-то вонъ, моихъ! изъ клѣтокъ!»
- Какихъ на свътъ нътъ людей!
 И твой отецъ чудилъ не мало
 (Ты въ люлькъ былъ тогда): бывало.
 Чуть свътъ гоняетъ голубей.
 Бъдняжки съ крыши встрепенутся.
 Куда! подъ облака взовьются!
 Ему-то радость! вверхъ глядитъ
 А самъ свиститъ! —

Столяръ задумался печально. Давно ли въ этой мастерской Лежалъ отецъ его больной? Онъ вспомнилъ взглядъ его прощальный, Взглядъ грустный, впалые глаза, Полусъдые волоса И эту рѣчь: «Нужда нуждою, — Ты, Вася, честь свою храни, Честь пуще золота цѣни, Ее нельзя добыть казною! А коли честно ты живешь, — Все хорошо! и свътъ хорошъ, И будетъ ласковъ людъ съ тобою; Обидитъ, — Богъ съ нимъ! не суди! Ты, знай, своимъ путемъ иди! — Охота не укоръ. Намъ стыдно И грѣхъ покойника корить! Такимъ и я желалъ бы быть... Ну, Ваня, наплясался, видно, Глаза слипаются... вставай Да Богородицу читай На сонъ грядущій. —

И ребенокъ

Молитву началъ. Чистъ и звонокъ Былъ дѣтскій голосъ. Братъ стоялъ, Его ошибки поправлялъ. Локтями опершись въ колѣни, Вдова внимала тишинѣ; Огонь мигалъ, — и братьевъ тѣни Передвигались на стѣнѣ.

XI.

Въ рубашкѣ, съ трубкой закуренной И разгорѣвшимся лицомъ, Упрямствомъ дочери взбѣшенный, Лукичъ сидѣлъ передъ окномъ, И высоко приподнималась Отъ гнѣва грудь его. Жена Вздохнуть и кашлянуть боялась, Прижавшись въ уголъ, и блѣдна Стояла Саша.

«Ну, мученье!

Отецъ раздумывалъ: дивлюсь! Я жениху не покажусь!.. Вотъ дочка! вотъ повиновенье! За косы взяться? визгъ пойдетъ И жаль, рука не налегнетъ... Поговорю заблаго съ нею, Все лучше, можетъ-быть, успѣю». «Эхъ-ма! талантъ ты мой худой! Промолвилъ онъ, махнувъ рукой: И самъ отрады я не видѣлъ, И дочери, знать, въ горѣ жить... Ну, Саша! послѣ не тужить! Не говорить: старикъ обидѣлъ!

Ты умница, ну — такъ и такъ! Выходитъ дѣло, — я дуракъ. Не стану спорить, Богъ съ тобою! А вспомнишь всѣ мои слова, Когда пойдешь ходить съ сумою, Разумная ты голова!» — Мнѣ бѣдность, батюшка, знакома! Къ работѣ я привыкла дома И къ горю... мужнина казна Не дастъ мнѣ счастья, —

«Не нужна! Столяръ дороже... ну, вѣстимо. Ты безъ кручины и заботъ Съ нимъ проживешь: заботы — мимо, Къ вамъ счастье съ неба упадетъ... Эхъ, дура!»

— Сжальтесь надо мною! За что я молодость свою Съ немилымъ сердцу загублю? За что несчастной сиротою Покину я порогъ родной? Какъ мнъ просить васъ? Боже мой! «Я говорю — добра желаю. Оставь упрямство! Слышишь ты? Мнѣ что! тебя же избавляю Отъ голода, отъ нищеты! У столяра одна избенка, Казны — ни гроша, мать — бабенка Сварливая, всегда ворчитъ, Ей и святой не угодитъ! А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ, Богатъ, торговый человѣкъ... Онъ надаритъ тебѣ обновокъ

До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ!» — Нѣтъ, дорогими лоскутами Меня ужъ поздно утѣшать! Я не дитя!.. Не вы ли сами Любили это повторять? — «Лукичъ! — жена ему сказала: — Столяръ ей по сердцу».

— Ну, да!

А знаешь какова нужда? Ты на себѣ не испытала? Въ утѣху ли любовь, совѣтъ, Когда къ обѣду хлѣба нѣтъ? — «И-ихъ, старикъ! онъ силенъ, молодъ, Не глупъ...»

— А если заболитъ Да годъ въ постели пролежитъ И дочь твоя узнаетъ голодъ, Ты, значитъ, какъ? поможешь ей? Смотри, тогда не пожалѣй! — «Охъ, бъдность! я ль ея не знаю! Какъ хочешь, Сашенька, гляди... Я принуждать, не принуждаю, А про нужду по мнѣ суди; И мать твоя была здорова, И весела, и молода. Теперь... теперь упасть готова Отъ вътра... Охъ, тяжка нужда!» — Что жъ рада ль я себъ? моя ль Вина? Не вы ли столяра Въ свой домъ, какъ сына, принимали? Не тутъ ли, батюшка, подчасъ Съ родными шла у васъ бесѣда. Что хорошо бы за сосѣда

Отдать вамъ дочь? А я отъ васъ Таилась развъ? Вы въдь знали, Что мы другъ къ другу привыкали! Вы это видъли! —

«Молчать!

Hy!!.»

— Воля ваша принуждать, А я не выйду за другого. — «Не слушаться? Отца родного? Нътъ, подожди, къ примъру, врешь! Какъ! я не властенъ надъ тобою? Не властенъ? Стало, ты не мною Воспитана и рождена? Ты мнъ за это не должна Повиноваться?»

— И не жалко, Не грѣхъ вамъ дочь свою губить? — «Ты... ты не смѣй меня учить! Всѣ ребра изломаю палкой!» — Что жъ! бейте! мнѣ одинъ конецъ! Кто васъ осудитъ? Вы — отецъ! Вы властны! стало-быть, я стою!.. О, Господи! да скоро ль я На вѣкъ глаза свои закрою? — И покатились въ три ручья У Саши слезы.

«Вонъ отсюда! Ступай вѣнчайся съ столяромъ! Ты мнѣ не дочь! и живъ покуда, Я не пущу тебя въ свой домъ!» — Лукичъ, — старушка зарыдала: —

«Молчать!

Умѣла твари потакать, Теперь казнись! Чего жъ ты стала? Вонъ, говорятъ тебѣ!»

— Постой!

Куда жъ итти мнѣ? Боже мой! — «Хоть къ чорту!»

— Батюшка! — «Ни слова!

Скажи одно въ послѣдній разъ: Готова слушаться?»

— Сейчасъ,

Сейчасъ скажу... —

«Ну, что жъ готова?

Ты масломъ не зальешь огня, Не хныкай! вотъ что!»

— Погодите...

Въ глазахъ мутится у меня... — «Я жду!»

— О чемъ вы говорите? — «Забудешь ли сосъ́да?»

Нѣтъ.

Нътъ, не могу! —

«Одинъ отвътъ.

Такъ будь ты проклята отнынъ!»

— Какъ Сашу, Сашу проклинать?..— И вздрогнула старушка-мать, Какъ листъ на трепетной осинъ.
— Она моя! я буду ночь
Такъ — на колъняхъ... Саша! дочь! Дитя мое!.. скажи: согласна...
Не отнимай руки, не дамъ...
Я поцълую... Я несчастна!..
И ты! и ты!.. о, горе намъ!..—
«Согласна», Саша отвъчала
И на полъ замертво упала.
— Охъ, ты мучитель нашъ!..

«Ну-ну! —

Лукичъ прикрикнулъ на жену. — Воды скоръе!.. не хотъла Учить красавицу путемъ, Вотъ довела ее до дъла, — До грубости передъ отцомъ!»

XII.

Едва блеснувшій лучъ разсвѣта Засталъ Арину въ хлопотахъ, Она была уже одѣта И грѣла воду въ чугунахъ. Старушка ставней не открыла И въ горенкѣ, какъ тѣнь, бродила, Тревожить шумомъ не хотя Всю ночь неспавшее дитя. Вотъ утро. Саша не гуляетъ, Къ смотрушкамъ въ домѣ прибираетъ, Все принимаетъ новый видъ Сіяетъ, лоснится, блеститъ... Окно на солнышкѣ сверкаетъ,

Икона радостно глядитъ,
А за окномъ, на въткахъ ивы,
И крикъ и споръ нетерпъливый
У любопытныхъ воробьевъ:
Смотрите, молъ... мытье половъ,
Возня, тревога... дъло худо!
И котъ вонъ тутъ! скоръй отсюда!
И птицы дружно поднялись
И вдаль въ испугъ понеслись
Невесела одна невъста,
Неспоръ и трудъ въ ея рукахъ:
Пойдетъ съ ведромъ и вдругъ — ни съ мъста...
Стоитъ, глядитъ — туманъ въ глазахъ...

Лукичъ былъ тоже озабоченъ. Всталъ рано, чуть не на заръ Замътилъ, что заборъ непроченъ, Двѣ щепки поднялъ на дворѣ И отдалъ въ кухню на топливо, — Хозяйствомъ гръхъ пренебрегать. Онъ зналъ, что надо терпъливо И неусыпно собирать Добро домашнее. Бывало, Когда домой идетъ не пьянъ, Что подъ ноги ему попало — Подковка, гвоздикъ — все въ карманъ. Прошелся по саду отъ скуки, Червей на яблонъ сыскалъ И, снявъ ихъ, про себя сказалъ: «Ахъ, вы, анаеемскія штуки! Не давитесь чужимъ добромъ!» И, наконецъ, покинулъ домъ. На перекресткъ помолился На церковь; нищей поклонился; Откуда, чья она — спросилъ

И грошъ ей въ чашку положилъ, — Не по любви и состраданью Къ подобному себъ созданью: Онъ просто върилъ, что Господь За подаяніе святое Ему сторицею пошлетъ... Желанье, кажется, благое И основательный расчетъ. Купилъ на площади торговой Осенней шерсти два мѣшка У горемыки-мужика, — О всходахъ проса, гречи новой Потолковалъ съ нимъ напередъ И крѣпко побранилъ господъ: «Народъ, молъ, да! работай втрое. Изъ жилъ тянись — имъ все не въ честь!» Мужикъ былъ тронутъ за живое», Заговорилъ, забылъ про шерсть: — Вотъ то, дескать!.. и то, и въ праздникъ. — «Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ!..» Лукичъ, нахмурясь, отвъчалъ И, въся шерсть, на рубль укралъ.

Домъ Лукича горитъ огнями, Кругомъ ночь черная лежитъ, Отъ красныхъ оконъ полосами Свътъ въ сонной улицъ виситъ. Гостями горенка набита. Женихъ высокъ, румянъ, курчавъ, Веселый взглядъ его лукавъ; Невъста бъдная убита, Разноситъ чай, а гости пьютъ Да ръчи умныя ведутъ, Съ досадой женщины толкуютъ.

Что оплошалъ гостиный рядъ: Товары завалью глядять, Купцы безсовъстно плутуютъ, На шаляхъ мало пестроты. На ситцахъ блѣдные цвѣты. Старушки съ грустью вспоминаютъ О сарафанахъ съ галуномъ, О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ И прихоть моды обвиняютъ. Хозяинъ судитъ съ женихомъ О разныхъ выгодахъ торговли, О недостаткъ рыбной ловли Въ ихъ городъ и сознаетъ, Что рѣчь разумно онъ ведетъ. Какъ мраморъ, блѣдная невѣста Уже не разъ вставала съ мъста Гостей сластями обносить И свой нарядъ перемънить. Женихъ и мать его съ роднею Перемигнулись межъ собою: «Пора, молъ!» и пошли на дворъ Надъ Сашей кончить приговоръ. «Каковъ женихъ? не молодчина?» Шепталъ Лукичъ. «Не плачь, Арина! Ты, Саша, удались пока; Начнется торгъ, такъ не рука Тутъ быть невъстъ...» Сваха входитъ, Поклонъ — другой, и рѣчь заводитъ: «Ну, батюшка, товаръ хорошъ, Купца похвалишь ли, не знаемъ». — Ты честь товару отдаешь, И мы купца не охуждаемъ: Расчетъ въ приданомъ. -

«И, родной!

Не просимъ лишняго».

— Постой!

Твой разговоръ, къ примъру, красенъ...
Ты слушай вотъ что: жемчугу
И денегъ дать я не могу,
А насчетъ платья — я согласенъ. —
«Нътъ, нътъ! копеечки одной
Мы не уступимъ, золотой!»
— А я и нитки не прибавлю! —
И завязался жаркій споръ.

«Пустъйшій, значить, разговорь! — Сказаль женихь: — я все поправлю. Дочь ваша, смъю доложить, Не то что... да-съ! Ей-ей, безъ лести! Извольте насъ благословить, Коли я нравлюсь ихней чести, Намъ деньги — пыль-съ».

— Выходитъ рокъ!

Жена! утирку и платокъ! — Старушка плача суетилась, Невъста снова появилась, Подносъ у матери взяла И жениху, съ боязнью тайной, На немъ подарокъ обручальный, Глотая слезы, подала. Женихъ утерся имъ легонько. Невъстъ молча возвратилъ; Утерлась и она.

«Ну, только! Теперь Господь Васъ съединилъ», Съ поклономъ сваха имъ сказала И поцълуемъ приказала Обрядъ закончить, рядомъ състь И полюбовно ръчи весть.

И гости весело шумѣли.
Подруги Саши пѣсни пѣли;
Простой напѣвъ ихъ грустенъ былъ,
Тоску и думу наводилъ.
Вино лилось. Съ улыбкой сладкой
Женихъ невѣсту цѣловалъ,
Арина плакала украдкой,
Лукичъ безъ устали плясалъ.
Межъ тѣмъ невзгода бушевала:
Вылъ вѣтеръ, молніи струя,
Сквозь ливень крупнаго дождя.
По темнымъ стекламъ пробѣгала.
За нею вслѣдъ катился громъ,
И вздрагивалъ непрочный домъ.

Невъста блъдная сидъла, Всему чужда, едва жива; Какъ въ полымъ, у ней горъла Потупленная голова. Не въ радость былъ ей пиръ веселый, Звонъ рюмокъ и напъвъ подругъ. Нътъ! Сашу мучилъ бредъ тяжелый: Надъ садомъ звъзды. Тишь вокругъ... Припавъ щекой къ плечу сосъда, Она подъ ивой съ нимъ стоитъ. Чуть внятный шопотъ — ихъ бесъда, Да громко сердцу говоритъ... Какъ темны листья сонной ивы! Какъ ясенъ мъсяцъ молчаливый! Вотъ полдень. Жарко. Вътеръ спитъ.

Песокъ горячъ. Рѣка блеститъ. Сосъдъ на берегу; онъ блъденъ. «Что жъ, — говоритъ: — я, Саша, бѣденъ! Все вздоръ! отецъ твой не палачъ! Проси, мой другъ! и рвись и плачь!» «Гуляй, бъднякъ! богатымъ будешь!» Хозяинъ пьяный закричалъ И Сашѣ на ухо сказалъ: «Сосъда что ли не забудешь? Взгрустилось!.. Жениха займи! Не то я... прахъ тебя возьми! Гм! понимаешь?..» Дочь вздрогнула, Въ испугѣ на отца взглянула, Въ отвѣтъ полслова не нашла, Но тутъ подруга подошла, Вся въ бѣломъ, бойкая, живая, И, Сашѣ руку пожимая, Шепнула: «не круши себя! Я знаю!.. выручу тебя!..» Прищурила глаза лукаво И сѣла рядомъ съ женихомъ. «Какъ жарко!»

— Да-съ! — «Досадно, право!..

Вы танцы любите?»

— Съ трудомъ, Такъ-съ малость самую танцую. — «Зачъмъ же?»

— Какъ бы вамъ сказать?.. Ногами вензеля писать

Мнѣ некогда-съ! вѣдь я торгую. — «Вы курите?»

— Ни, Боже мой! И не къ чему-съ: расходъ пустой! — «Зимой катаетесь?»

— Бываетъ, На Сырной. Это ничего-съ! Вотъ жалко: вздорожалъ овесъ. Конь, знаете, не понимаетъ: Что жерновъ, мелетъ Божій даръ. — «Скажите!».

— Да-съ! Вотъ самоваръ Въ семействъ нуженъ. Не скрываю, Съ ребячества привыкъ я къ чаю, Сначала просто пью, потомъ Употребляю съ молокомъ, — Не покупать-съ: своя корова. — «Конечно. Съ молокомъ здорово... У васъ цъпочка не дурна». — Четыре серебромъ дана, По случаю-съ. —

«А! вы счастливы!» — Цыганки тоже говорять, Таланъ все, знаете, сулять... Все чепуха-съ! на грушъ сливы. — «Какъ? вы гадали?»

— Да-съ, гадалъ Я сумасшедшаго знавалъ; Ахъ! тотъ угадывалъ отлично! Бывало, дичь несетъ, несетъ, Подчасъ и слушать неприлично! Да вдругъ такой намекъ ввернетъ, Что просто... да-съ! ей-ей чудесно! —

Даръ, значитъ: все ему извъстно! — «Нътъ, не люблю я ворожить! Иное дъло — говорить, Вотъ это такъ. Сама не знаю, Чуть на минуту умолкаю, Мнъ скучно... даже зло беретъ... Поговоришь — и все пройдетъ. Я надоъмъ и вамъ ужасно: Все говорю и говорю Болтушка, — скажете...»

— Напрасно! Чувствительно благодарю! —

Усердной пляской утомленный, Забившись въ уголъ отдаленный, Лукичъ покрякивалъ сквозь сонъ: «Молчать!.. покой мнъ дайте... вонъ!» — Прощайте, батенька, прощайте! — Женихъ съ улыбкой отвъчалъ И руку Лукича пожалъ. «Ты что за птица?»

— Угадайте! — «Пожалуй. Помоги мнѣ встать. Ты кто?»

— Вашъ нареченный зять. — «Подай свъчу... вотъ такъ... не знаю... Столяръ, что ль? Нътъ, онъ не таковъ...» — Я, батенька, Тарасъ Петровъ. — «А! вспомнилъ, вспомнилъ! понимаю! Ну, поцълуй меня... Вотъ такъ! А я, ей Богу, не дуракъ! И Саша вотъ... дитя родное...

Мнѣ, значитъ, жаль... продумалъ ночь... И столяры... и все такое... А ты вѣдь можешь мнѣ помочь? На совѣсть, честно поторгую! И ты, выходитъ, чуть сплутую...»

Женихъ давно за дверью былъ, Но все свое Лукичъ твердилъ.

XIII.

Востокъ краснъетъ. Кровли зданій, Дождемъ омытыя, блестятъ. По небу синему летятъ Огнемъ охваченныя ткани Прозрачно-блъдныхъ облаковъ, — И тихій звонъ колоколовъ Ихъ провожаетъ. Паръ волнами Плыветъ надъ сонными домами. Онъ влаженъ. Свѣжій воздухъ чистъ. Дышать легко. Румяный листъ Трепещетъ, каплями покрытый. По улицъ ручей сердитый Журчитъ, доселъ не затихъ. Межъ бѣлыхъ камней мостовыхъ Вода во впадинахъ алѣетъ. Порою вътерокъ повъетъ, — И грудь невольно распахнешь, Цвътовъ и травъ дыханье пьешь. Проснися, Божій людъ! не рано! Несутся стаи голубей Въ поля. Лучъ солнца изъ тумана Уже сквозитъ, —и Божій людъ Проснулся весело на трудъ.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою, Поникъ кудрявой головою, И не поетъ его пила: Кручина руки отняла. Халатомъ старенькимъ покрытый Его братишка, какъ убитый, Раскинувъ руки, сладко спитъ, И неразлучная игрушка, Его любимая гремушка, Безъ дѣла подъ бокомъ лежитъ. Дверь настежь, — и вдова вбѣжала, Съ усильемъ духъ перевела, Руками бойко развела И вскрикнула: «Не угадала? Нътъ, карты, батюшка, не лгутъ! Вотъ твой Лукичъ-то! вотъ онъ, плутъ. О-охъ, родимые! устала! Дай, сяду... охъ... терпѣнья нѣтъ!.. Отдѣлали! хорошъ сосѣдъ!» — Нельзя ли, матушка, безъ шуму? Невесело и безъ того! — «Ну, славно! славно! ничего! Сиди вотъ сиднемъ! думай думу! А Сашка-то исподтишка Вонъ подцѣпила женишка... Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась, Ужъ цѣловалась, цѣловалась. Ну-ну! безстыжіе глаза! Да что въдь — на меня взглянула -И головою не кивнула... A!.. каково? не чудеса?» — Да ладно! мнѣ-то что за дѣло! — «Благодарю! благодарю! Ну, извини, что надобла И не у мъста говорю...

Нѣтъ дѣла! думаешь не штука, Съ тобою матери-то мука: Дѣвчонкой, дурой проведенъ! Понравилась! околдовала! Вишь роза! гдѣ и расцвѣла?» И мать съ досады вонъ пошла.

Ей нужды было очень мало, Что сынъ невъсту потерялъ, Да самолюбіе страдало: Сосъдъ-бъднякъ — и отказалъ. Обидно, главная причина! И оскорбленная вдова Сердилась на себя, на сына, На цълый свътъ... она едва Кота полъномъ не убила За то, что въ кухнъ захватила Его надъ чашкою съ водой: Ты, молъ, не пей, такой-сякой!

Услышавъ вечеромъ случайно У Лукича напѣвъ печальный, Столяръ промучился всю ночь. Кого винить: отца иль дочь, Рѣшить хотѣлъ онъ и терялся. Ходилъ впотьмахъ по мастерской, Въ постелю жесткую кидался И слушалъ бури свистъ и вой, И блескомъ молніи порой Его лобъ блѣдный освѣщался. Постелю снова покидалъ, Свѣчу безъ нужды зажигалъ. Теперь сомнѣнья не осталось: Онъ Сашу видѣлъ изъ окна: Толпой гостей окружена,

Средь смѣха пьянаго, казалось, Она подъ ножъ подведена. «Ахъ, Саша, Саша!» и тоскливо Глядълъ онъ на широкій дворъ, Поросшій жгучею крапивой, На кровли, на чужой заборъ... И смутно передъ нимъ мелькали Его прожитая лѣта — Перенесенныя печали, Безропотная нищета, О домѣ, о семьѣ забота, Работа днемъ и по ночамъ, Трудъ изъ-за хлѣба, трудъ до пота, Едва не съ кровью пополамъ; Вся горечь жизни обыденной, Все, что язвитъ и мучитъ насъ, Что отравляетъ жизнь подчасъ, Все, воздухъ, пищу, сонъ покойный Все, что давно ужъ пронеслось, — Закопошилось, поднялось, Дыханье въ горлѣ захватило И свѣтъ туманомъ позакрыло... «Эхъ! пропадай ты голова...» — Куда ты? — крикнула вдова. Глазами сына провожая Съ крыльца, но сынъ не отвъчалъ, Калиткой хлопнулъ — и пропалъ.

Пора объда наступила, И все нейдетъ столяръ домой. Кручина молодца сломила, Ввела въ кабакъ, виномъ поила, Поила отроду впервой. И пълъ онъ пъсни, — и смъялась Толпа гулякъ средь кабака, —

Пѣлъ громко, а змѣя-тоска, Кольцомъ холоднымъ обвивалась Вкругъ сердца.

«Охъ, не утерплю!» Сказалъ дътина худощавый И, скинувъ съ плечъ халатъ дырявый, Пошелъ плясать. «Вотъ такъ! люблю!» Зъваки пьяные шумъли. Дътина соловьемъ свисталъ, Прискакивалъ и присъдалъ. На полкахъ шкалики звенѣли. «Нѣтъ, пой, кто хочетъ! я усталъ!» Столяръ съ отчаяньемъ сказалъ, Ладонью въ лобъ себя ударилъ И грустный на скамейку сълъ, И думалъ думу... вдругъ расправилъ Густыя кудри и запѣлъ... Пѣлъ про туманъ на синемъ морѣ Да про худой таланъ и горе... И пъснь лилась: пъвецъ блъднълъ. Казалось, все: тоску разлуки, И плачъ любви, и грусти стонъ Изъ сердца съ кровью вырвалъ онъ И воплотилъ въ живые звуки... И каждый звукъ былъ полонъ слезъ; То съ поражающей силой Онъ несся въ высь, все росъ и росъ, Какъ будто съ свътомъ, съ жизнью милой Прощался, въ небъ утопалъ; То падалъ, за сердце хваталъ И гасъ, какъ свъточъ, постепенно...

Пъвецъ умолкъ и застоналъ:

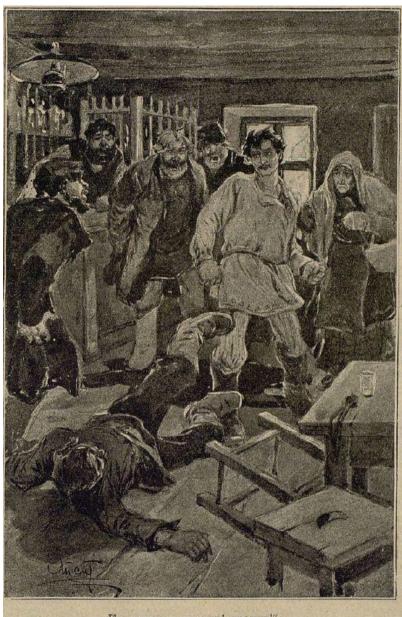
Рубашки воротъ разорвалъ.

«Охъ, душно, братцы!..» и мгновенно

Сидълецъ засмъялся:

- Клади, молъ, денежки-то намъ. «А въ долгъ?»
 - Проваливай! «Отдамъ!»
- Спасибо! экъ онъ разгулялся! «Проклятый! на, вотъ, казакинъ!»

Но вдругъ картина измѣнилась: Въ слезахъ и блъдная, явилась Мать столяра... «И ты миѣ сынъ? Спаситель! Николай Угодникъ! Да гдѣ я? Охъ! подъ сердцемъ жжетъ» Шла мимо... съ рынка... сынъ поетъ!.. Все Сашка?.. Такъ!.. сосъдъ-разбойникъ! И запилъ! Ахъ, дуракъ, дуракъ?» Сынъ стиснулъ поднятый кулакъ... «Ха, ха! доходитъ до расправы!» Сказалъ дътина худощавый: «Къ чертямъ старуху! проучи!» Столяръ схватилъ его: — Молчи! — И грянулъ объ полъ. «Стой, ребята! Связать его! позвать солдата», Сидълецъ крикнулъ. «Вотъ, онъ, другъ!» И въ молодца впились шесть рукъ. Но молодецъ сверкнулъ глазами. Тряхнулъ могучими плечами, — И всѣ разсыпались. Вдова Перепугалась. «Голова! Перекрестись! ну, что ты? Стыдно! Опомнись! съ улицы вонъ видно! Эхъ, соколъ, соколъ! какъ теперь

"Къ чертямъ старуху! проуча!" Столяръ схватилъ его:— Молчи! — И грянулъ объ полъ. 91

Изъ этой пропасти за дверь Ты выйдешь? А? Побойся Бога! Ты пропадешь!..»

— Туда дорога!—

«Я знаю, знаю, отъ чего Ты выпилъ? Ну, и ничего... Я — мать... Мнѣ, думаешь, отрада? Ну, брось! забудь! такъ, стало, надо! Знать не судьба твоя!..»

— Забудь!

Да ножъ-то, ножъ-то прямо въ грудь Засѣлъ... Оставь меня, родная! — «Пойдемъ, голубчикъ мой, пойдемъ! Братишко плачетъ, отпертъ домъ... Все пусто... да! и мастерская... Топоръ тамъ... все... ну, пошкодилъ. Ты вспомни, какъ отецъ-то жилъ! Что завъщалъ-то!.. Власть не наша! Перенеси!»

— А Саша, Саша!

Навъкъ пропали мы шутя! — Столяръ заплакалъ, какъ дитя.

XIV.

Со дня помолвки измѣнился Невѣсты скромный уголокъ; Въ немъ съ утра до ночи тѣснился Веселыхъ дѣвушекъ кружокъ. Ихъ занимали на досугѣ: Шитье приданаго подругѣ, Мелькнувшій мимо пѣшеходъ

Подъ вечеръ пъсни у воротъ, Порою сновъ истолкованье, Въ саду горълки и гулянье, Но вечеринокъ блескъ и шумъ Сильнъе занималъ ихъ умъ. Двъ скрипки, въ домъ освъщенье, Отъ стука крѣпкихъ каблуковъ Дрожанье стульевъ и столовъ, Смѣхъ молодиовъ, ихъ объясненье: «Насчетъ того-съ... мое почтенье...» Горячихъ поцълуевъ звукъ, Украдкою пожатье рукъ — Вотъ вечеринка; остальное Не новость: сборище ночное. — Подъ окнами толпа зѣвакъ, Въ окрестномъ мракъ лай собакъ.

Отцу суровому послушна, Всегда задумчива, тиха, Свою печаль отъ жениха Таила Саша. Равнодушна Въ толпѣ подругъ она была; Порой казалась весела, Шутить, смѣяться начинала, Но вдругъ, средь смѣха, умолкала И уходила въ садъ, — и тамъ, Въ зеленой чащѣ одиноко Садилась на скамъѣ широкой И накопившимся слезамъ Давала волю.

«Слава Богу!»

Отецъ невѣсты разсуждалъ: «Теперь на ровную дорогу Я выйду: зятя отыскалъ

Не столяру чета! онъ, върно, Поможетъ тестю... Вотъ что скверно — Никакъ приданымъ не собъюсь! Бѣда, къ примѣру! смерть боюсь! Что, если свадьба разойдется? Чортъ знаетъ, просто сбился съ ногъ! Навязываю домъ въ залогъ И тутъ заемъ не удается! Не скажутъ прямо: деньги есть Не про твою, къ примъру, честь; Помучатъ болтовней, разспросомъ, На что, молъ, — и отправить съ носомъ: Свои-де нужды, извини... Вотъ богачи-то! вотъ они! Вотъ правда!.. Или допытаться Пойти къ Скобъеву? Въдь жидъ! Просить не стоитъ... и сердитъ... Да Богъ съ нимъ! Мнѣ равно шататься! Ужъ занимать не миновать, Γ лядишь, уважить, — какъ узнать?»

И черезъ часъ, проситель скромный, Онъ у Скобъева въ пріемной Ждалъ милости. Лакея нътъ, Налъво двери въ кабинетъ, Тамъ разговоръ.

«Тамъ все готово?» Звучалъ густой хозяйскій басъ (Лукичъ узналъ его за разъ). — Да, мнѣ дано честное слово, — Разбитый голосъ отвѣчалъ: — Вчера и нынѣ хлопоталъ Въ комиссіи. —

«А! вы оттуда...

Прекрасно! стало, нашъ подрядъ...»
— Все подвигается покуда;
Подмазать надо, говорятъ!
Вы какъ? не прочь? —

«Весьма пріятно! На вещи цѣну-то того... Вы понимаете?»

— Понятно.

Да не опасно ль? —

«Ничего!

А по бумагамъ безусловно Въ подрядѣ вы: я подъ судомъ».

— Какъ ваше дѣло въ уголовной? — «Пустякъ! конечно, подъ сукномъ... Жаль, нѣтъ войны! подряды мелки, Отъ мира мало намъ добра!»

— Ну, грѣхъ сказать! —

«Все вздоръ! бездѣлки! Нѣтъ, батюшка, не та пора! Тамъ видишь груды серебра, Бывало, сердце разгорится... Эхъ, молъ, равно! Господь проститъ, И хватишь смѣло, — ну и сытъ: Сундукъ грешитъ, какъ говорится!»

Лукичъ затылокъ почесалъ И долго головой качалъ: — Ну, хороши, молъ! —

«Вы къ объ́ду Ко мнъ́?» Скобъ́евъ забасилъ И гостю двери отворилъ. — Не знаю... можетъ-быть, прівду,— Въ раздумьи бородачъ сказалъ. Скобвевъ громко засвисталъ. Едва свистъ барина раздался, Худой и блвдный казачокъ Вбвжалъ, въ испугв заметался И гостю лысому помогъ Надвть шинель.

«Зачѣмъ явился?

Скобъевъ Лукича спросилъ, Въ карманы руки заложилъ И въ мягкомъ креслѣ развалился. «Эй! Васька! трубку! Ну, зачѣмъ?» — Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ! Просваталъ дочь, нужна помога, Цълковыхъ этакъ сто взаемъ, Я заложилъ бы вамъ свой домъ... Не откажите ради Бога! — «Просваталъ дочь... а что она Молоденькая? не дурна?» Румяный баринъ улыбнулся. Прищурился и потянулся. — Вы все изволите шутить... Тутъ горе! смѣю доложить. — «Все врешь! когда вашъ братъ горюетъ? Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино, Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ, И только. Знаю васъ давно». Всѣ люди грѣшные, конечно... Я заплачу вамъ черезъ годъ; Проценты вычтите впередъ, Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! — «Пожалуй, почему не такъ. Ты мит заслужишь, я надтюсь...»

— Послѣднихъ силъ не пожалѣю-съ. Вотъ благодѣтелъ! —

«Вотъ дуракъ! Ха-ха! Шучу! Я съ кулаками Не связываюсь никогда!» Лукичъ остолбенълъ...

— Да, да! Мы, значитъ, черви передъ вами. И насъ, какъ плюнуть, раздавить... Эхъ-ма! —

«Поменьше говорить!» Старикъ взбъсился.

— Ваша воля! Прикажете, мы замолчимъ. Мы что за люди! Наша доля — Терпъть. На этомъ и стоимъ.— «Не притворяйся сиротою: Меня не скоро проведешь». Куда миѣ съ глупой головою Васъ проводить? Тутъ не найдешь, Къ примъру, слова... Вы богаты, Вы — баринъ, честная душа, Я — плутъ, на сюртукѣ заплаты И въ кошелькъ-то ни гроша, Куда мнъ!.. Стало, не дадите? — «Не разживешься, признаюсь». — Я и за это поклонюсь Благодарю васъ! извините, Что безпокоилъ. —

«Краснобай!

Ну, ну! не кланяйся, ступай! А ты — мошенникъ, старичина, Тварь хитрая!»

— Благодарю!..

За рысака-то вамъ дарю. Раздайте нищимъ. —

«Вонъ, скотина!» — Испортишь кровь. Ну, что кричать! Въдь лъкаря придется звать... Скобъевъ бранью разразился: «Эй, люди! въ кнутья подлеца!..» Старикъ съ широкаго крыльца Сходилъ себъ, не торопился; Нескоро дворня собралась, И перебитой разошлась.

Дулъ сильный вътеръ. Дождикъ лился. Согнувшись, въ обуви худой, Старикъ печально шелъ домой. На перекресткѣ онъ столкнулся Съ торговкой, что-то проворчалъ, Посторонился, поскользнулся И чуть средь лужи не упалъ. Старуха шамкая сказала: «Хрѣнку. родимый, не возьмешь?» Ну, ну! Проваливай! пристала, Безъ хрѣну горько невтерпежъ... — Межъ тъмъ по улицъ широкой, Подъ ливнемъ, гнали въ край далекій Толпу преступниковъ въ цѣпяхъ, Съ остриженными головами, Съ зловъщимъ знакомъ на спинахъ. Конвой съ примкнутыми штыками

Ее угрюмо окружалъ, И барабанъ не умолкалъ. «Пошелъ народецъ на работу! Лукичъ подумалъ: да! ступай! Поройся тамъ, руды въ охотку И не въ охотку покопай... Подать хоть гривну... сердце ноетъ... Поди, Скобъевы живутъ, Ихъ въ кандалы не закуютъ, Казна не шутка! Все прикроетъ! Ну, вотъ тебѣ и взялъ взаемъ! Постой! постой... вѣдь этотъ домъ Купца Пучкова... Э, почтенный! Я про тебя и позабылъ! Пучковъ, — да я ему служилъ. Святоша, человъкъ смиренный... $\Gamma_{\text{м...}}$ мастеръ, нечего сказать, Горячій уголь загребать Чужой рукой».

XV.

Угрюмъ и проченъ
Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ
Зеленой плѣсенью поросъ.
Желѣзомъ накрестъ заколоченъ
Закрытый ставень кладовой.
Косматый сторожъ, песъ цѣпной
Лежитъ въ конурѣ у забора;
Амбары въ сторонѣ стоятъ,
Ихъ двери крѣпкія отъ вора
Замки тяжелые хранятъ.
Безлюдно въ комнатахъ просторныхъ
(Хозяинъ не имѣлъ дѣтей
И рѣдко принималъ гостей),

Висятъ картинки въ рамкахъ черныхъ, Пыль на полахъ и по столамъ, И паутина по угламъ. Но спальня, съ желтыми стѣнами, Свѣтла, опрятно убрана, Весь уголъ занятъ образами, Лампадка вѣчно зажжена, Кровать покрыта простынею, И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ, — Иныхъ терпѣть не могъ старикъ И называлъ ихъ чепухою, Потѣхой праздныхъ болтуновъ, Соблазномъ молодыхъ годовъ.

Въ суровой школъ горькой нужды Пучковъ съ ребячества окръпъ; Его отецъ былъ старъ и слѣпъ, И сынъ, изнѣжности чуждый, Переносилъ морозъ и зной, Шатаясь по міру съ сумой. Порой калѣкой притворялся, За крендель колесомъ катался, И на крестъ всегда берегъ Съ казной холстинный кошелекъ. Одинъ купецъ, старикъ бездътный. Полубольной и безотвътный, Его за бойкость полюбилъ, Одълъ и въ лавку посадилъ. Пріемышъ росъ, добру учился, Поклоненъ, расторопенъ, тихъ. За дѣломъ въ лавкѣ не лѣнился, А ночью Житья Святыхъ Читалъ хозяину отъ скуки. Святыхъ мужей слова и муки Все помнилъ, но изъ чудныхъ строкъ, — Увы! — урока не извлекъ! Читалъ, читалъ, — и за услугу Купца ограбилъ, наконецъ. Не вынесъ бъдный мой купецъ, И пилъ, и плакалъ, спился съ кругу, И ночью, пьяный и больной, Застылъ средь улицы зимой. Чужого золота наслѣдникъ, Пучковъ себя не уронилъ: Глядълъ смиренникомъ и былъ О чести строгой проповъдникъ; Не кушалъ рыбы по постамъ, Молился долго по ночамъ, На церковь подавалъ грошами, Передъ нетлѣнными мощами Большія свѣчи зажигалъ, Но плутовства не покидалъ. И странно! плутъ не лицем фрилъ: Онъ искренно въ святыню върилъ. Да! совъсть надо очищать! Что дѣлать! страшно умирать! Пучковъ объ адѣ начитался... И какъ же онъ чертей боялся! На полчаса вздремнуть не могъ, Три раза «Да воскреснетъ Богъ» Не повторивъ. Теперь угрюмый, Въ очкахъ, Псалтирь читалъ онъ вслухъ, Но врагъ добра, лукавый духъ Мутилъ его святыя думы, И вдругъ — съ духовной высоты На рынокъ пошлой суеты Ихъ низводилъ.

Лукичъ явился, Передъ Пучковымъ извинился; «Я, молъ, читать вамъ помѣшалъ И полъ вотъ грязью замаралъ...» Хозяинъ поглядѣлъ пытливо На гостя, поднялся лѣниво, Бумажкой книгу заложилъ, Зѣвнулъ, молитву сотворилъ И отвѣчалъ: «Да, дождъ сегодня. Все хорошо, все власть Господня. Ты здѣшній?»

— Здъшній мъщанинъ.

Не угадали?.. Карпъ Лукинъ. — И рѣчь повелъ онъ стороною: Я, молъ, извъстенъ вамъ давно И позабыть меня грѣшно: Служилъ, какъ надобно. Нуждою Теперь убитъ. Имѣю дочь... И разсказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло. «Гм... жаль, что не могу помочь! Мое богатство улетѣло, Какъ дымъ въ трубу. Все разошлось По добрымъ людямъ. Да авось Промаюсь... Старъ... гляжу въ могилу... И время! Господи помилуй!» — Нельзя ли, сударь, пожалѣть? Вы сомневаетесь, извъстно... Вотъ образъ — заплачу вамъ честно! Безъ покаянья умереть, Коли солгу! -

«Зачѣмь божиться?»

— Да тошно! Кажется, готовъ Сквозь землю лучше провалиться, Чъмъ эдакъ вотъ изъ пустяковъ Просить и мучиться напрасно! —

«Охъ, милый, върить-то опасно!» И тонко намекнулъ купецъ: Обманъ, молъ, всюду; всякъ — хитрецъ Наскажетъ много, правды мало... Да! время тяжкое настало! Немудрено взаемъ-то дать, Но каково-то получать!

Напрасно тѣломъ и душою Лукичъ божился, умолялъ, — Въ закладъ домишко предлагалъ... Кремень-купецъ махнулъ рукою, «Эхъ, ну, тебя! закладъ не тотъ! Твой домъ не каменный, нейдетъ!» Несытная твоя утроба! Ну, стало, голову мит снять И подъ залогъ тебъ отдать? Въдь ты глядишь подъ крышку гроба!.. Кому казну-то ты копишь! — «Опомнись, съ къмъ ты говоришь?» — Съ тобою, старый песъ, съ тобою! Ты вмѣстѣ воровалъ со мною! Клади мнѣ денежки на столъ! Дѣлись! я вотъ зачѣмъ пришелъ! — «И ты мнъ могъ? и ты мнъ смъешь!» — Кто? я-то?.. Ты не подходи! И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи, Убью, вотъ тутъ и околѣешь! —

Пучковъ оцѣпенѣлъ. Нѣмой Стоялъ онъ съ поднятой рукой; Огнемъ глаза его сверкали, И губы синія дрожали. Лукичъ захохоталъ. — Ну, что жъ! Ударь, попробуй! — что жъ не бъешь?—

«Вонъ извергъ!»

— Не бранись со мною. Я выйду честью! не шуми! Не то я... прахъ тебя возьми!.. Не стоитъ, правда... Богъ съ тобою. —

Пучковъ стоналъ. Онъ гадокъ былъ, Безсильный гивь его душилъ. — Прощай! садись опять за книги, Копи казну, надѣнь вериги, Все, значитъ, о душѣ печаль... А жаль тебя, ей Богу жаль! — «Нътъ, не дождаться мнъ помоги!» Грустилъ дорогою бъднякъ. «Не върятъ мнъ. Я — голь! кулакъ! Вотъ и ходи, считай пороги, И гнись, и гибни на за что. На то, молъ, голь! кулакъ на то! Гм... да! Упрекъ-то, вѣдь, забавный! Эхъ, ты — народецъ православный! Не честь тебѣ лежачихъ бить, Безъ шапки сильныхъ обходить! Кулакъ... да мало ль ихъ на свътъ? Кулакъ катается въ каретѣ, Изъ грязи да въ князья ползетъ И кровь изъ бѣднаго сосетъ... Кулакъ во фракъ, въ полушубкъ, И съ золотымъ шитьемъ, и въ юбкѣ, Гдѣ и не думаешь, — онъ тутъ! Не мелочь, не грошевый плутъ, Не намъ чета, — подниметъ плечи, Прикрикнетъ, — не найдешь и ръчи Рубашку сниметъ, — все молчи, Господь суди васъ, палачи!

А ты, къ примъру, въ горькой долъ На грошъ обманешь поневолъ, Тебя согнутъ въ бараній рогъ. Бранятъ, и бьютъ-то, и смъются... Набей карманы, — видитъ Богъ, Въ пріятели всъ назовутся! Будь воромъ, — скажутъ: не порокъ, Вотъ гадость! тьфу!»

И шагъ широкій Старикъ съ досадой ускорилъ, Но вдругъ его остановилъ Стукъ рамы. Смотритъ — домъ высокій, Съ кудрявымъ вензелемъ балконъ Густой сиренью окруженъ. Заклятый врагъ ученыхъ споровъ, Его жилецъ, профессоръ Зоровъ, Съ сигарой подъ окномъ стоялъ И старика рукою звалъ.

XVI.

Ученой бурсы отпечатокъ Невольно Зоровъ сохранилъ, Зналъ букву, дальше не ходилъ, Былъ въ разговорахъ простъ и кратокъ И словомъ вото ихъ украшалъ; Безъ нужды кашлялъ. Богъ создалъ Его не злымъ, но... впрочемъ, мимо, Подчасъ молчатъ необходимо... Деньжонки славно наживалъ.

Лукичъ былъ встрѣченъ благосклонно, Обласканъ — и немудрено: У старика, тому давно, Мальчишка, труженикъ безсонный, Путь тяжкій Зоровъ начиналъ, Латынью умъ свой притуплялъ Плоды науки не пропали, Бъднякъ Лукичъ дивился имъ. Мальчишка выросъ. Передъ нимъ Теперь просители стояли, Священникъ, старичокъ больной, И дьяконъ тучный и рябой.

Священникъ кланялся. Съ досадой Ученый мужъ рукой махалъ:
— Вашъ сынъ дуракъ! Вотъ и пропалъ...
И выгнали... хм... такъ и надо:
Зазнался.

священникъ.

Въ чемъ же? ради Бога Скажите. Онъ изъ лучшихъ былъ.

ПРОФЕССОРЪ.

А вотъ: воротнички носилъ, Да возраженій дѣлалъ много Наставникамъ: я, молъ, уменъ. Въ журналы, въ чтенье погруженъ, Исчерпалъ мудрость всю!..

(Священникъ хочетъ возразить)

Молчите!

Замътили, — онъ ничего, Все то жъ! понизили его!..

(Священникъ снова хочетъ возразить.)

Хм... погодите! погодите!

Понизили по спискамъ, — онъ того... Ученьемъ занялся небрежно... Ну, вотъ, за то и исключенъ!..

СВЯЩЕННИКЪ.

Онъ молодъ. Онъ былъ оскорбленъ... Сперва учился онъ прилежно.

ПРОФЕССОРЪ.

По насъ хоть звѣзды онъ хватай. Будь скроменъ! носъ не поднимай! Онъ кто? Воспитанникъ духовный — Такъ помни, бойкость не нужна! А свѣтскость вздоръ, она вредна! Сказалъ наставникъ, — безусловно И вѣрь! вы думаете какъ? На это власть!

СВЯЩЕННИКЪ.

Извъстно такъ.

Прошу васъ, сжальтесь! Два-три слова Сказать вамъ стоитъ — примутъ снова... Позвольте мнѣ наединѣ Вамъ объяснить...

ПРОФЕССОРЪ.

Не время мнъ!

А впрочемъ, если вы хотите, Пожалуй... вотъ сюда подите.

И за ученымъ мужемъ вслѣдъ Вошелъ проситель въ кабинетъ. О чемъ они тамъ толковали, Однѣ нѣмыя стѣны знали. Дверь отворилась, наконецъ;

Священникъ просто былъ мертвецъ, Такъ блѣденъ! «Вы побойтесь Бога... Я бъ больше... бѣдность... негдѣ взять». — Хм... Полно, полно толковать! — Ученый мужъ замѣтилъ строго. Несчастный попъ махнулъ рукой И дверь захлопнулъ за собой Съ проклятьемъ. Зоровъ улыбнулся. «Хорошъ! А попъ!.. Что нужно вамъ?» И къ дьякону онъ обернулся. — Да вотъ-съ по разнымъ клеветамъ, Мой сынъ... замѣтило начальство, Что якобы онъ любитъ пьянство...

«Дубковъ?»

— Да-съ.

«Знаю я его! Исключатъ. Больше ничего».
— За что же? можетъ-быть, ошибкой Не то, что выпилъ, пошалилъ... — И ръчь проситель измънилъ, Такъ странно, что Лукичъ съ улыбкой Подумалъ: «круто своротилъ! Хитеръ!»

— Я слышалъ стороною, Что вы нуждаетесь въ конѣ... Такъ все равно-съ. Позвольте мнѣ... Продамъ охотно. — И съ божбою Плечистый дьяконъ увърялъ: — Конь добрый! я на немъ пахалъ! — «Взглянуть, пожалуй, не мъшаетъ. Вы приведите-ка его...

Не норовистъ онъ?»

— Ничего.

Узду, случается, скидаетъ; Извъстно, наши батраки Лънтяи или дураки. Какой присмотръ! —

«Хм... Знаю, знаю! Пусть поисправится вашъ сынъ. Вы вотъ что, я предупреждаю, Вѣдь я зависимъ... не одинъ, Тутъ нужно...»

— Какъ же-съ! понимаю! — И тучный дьяконъ вышелъ вонъ, Отдавъ почтительный поклонъ.

ПРОФЕССОРЪ.

Ну, что, Лукичъ, не надоѣло Стоять да слушать? Извини...

ЛУКИЧЪ.

Помилуйте!

ПРОФЕССОРЪ. Вотъ мы одни...

Садись.

ЛУКИЧЪ (садится).

Вы звали. Върно, дъло...

ПРОФЕССОРЪ.

Xм... я коня хотѣлъ купить, Раздумалъ. Надо погодить.

ЛУКИЧЪ (лукаво улыбается).

Такъ-съ.

ПРОФЕССОРЪ.

Хорошо ли поживаешь?

ЛУКИЧЪ.

Постарому-съ, и такъ и сякъ.

ПРОФЕССОРЪ.

Ну, а, бываетъ, выпиваешь?

ЛУКИЧЪ.

Ни капли, что я за дуракъ! Да какъ живете вы отлично, Полы подъ лакомъ, хоть глядись Диваны, кресла...

$\Pi PO\Phi ECCOPЪ$ (смпется).

Хм!.. Прилично...

Нельзя, деньжонки завелись!

ЛУКИЧЪ (вздыхая).

Да-съ! Вы попали на дорогу. И правда, что ученье свѣтъ. Поитъ и кормитъ... Я вотъ сѣдъ, И все дуракъ! Бѣда, ей Богу! Тутъ бѣдность...

ПРОФЕССОРЪ.

Ты бы мнѣ сказалъ. Ты знаешь, я не скупъ; я бъ далъ.

ЛУКИЧЪ.

Сказалъ бы, сударь... какъ-то стыдно!

ПРОФЕССОРЪ.

Хм!.. вотъ пустякъ! забылъ ты, видно Какъ у тебя я въ домѣ жиль, Уроки-то въ саду училъ!

ЛУКИЧЪ (смотрить на дипломь профессора).

Я все гляжу, спросить не смѣю, На этотъ листъ... вотъ-съ на стѣнѣ...

 $\Pi PO\Phi ECCOPЪ$ (самодовольно улыбается). Прочти.

ЛУКИЧЪ.

Нътъ, сударь, не сумъю. Написано-то не при мнъ.

ПРОФЕССОРЪ.

Вотъ слушай:

(встаетъ и читаетъ)

Ecclesiasticae Academiae conventus pro potestate sibi concessa Dominum Zorow

Magistrum sanctiorum humaniorumque litterarum soenni hoc diplomate declarat

honoremque ei ac privillegia concessa, decrevisse ac contulisse publice testator ⁷.

⁷ Общее собраніе Духовной академіи на основаніи предоставленнаго ей права господина Зорова.... объявляеть при посредствѣ настоящаго торжественнаго диплома магистромь духовныхъ и свѣтскихъ наукъ и свидѣтельствуеть, что публично назначило и предоставило ему это почетное званіе и присущія ему привилегіи (лат.). – Въ исходномъ изданіи переводь отсутствуеть.

Понялъ?

ЛУКИЧЪ (съ улыбкою почесывая затылокъ). Хоть бы слово!

Кого Господь-то умудрить! Гм!.. диво! Вижу въ рамкѣ новой Съ большой печатью листъ виситъ — И только. Правда, что наука!

ПРОФЕССОРЪ (смпется).

Вотъ то-то! Въ немъ-то вся и штука!

ЛУКИЧЪ (переминаясь).

А что бы васъ я попросилъ...

И тутъ старикъ заговорилъ
О свадьбъ Саши, о заемъ,
О закладной на домъ, о домъ,
И на лицъ своемъ потомъ
Горячій потъ отеръ платкомъ,
Вздохнулъ и низко поклонился.
Ученый мужъ не отвъчалъ,
Въ раздумьи медленно шагалъ
И кашлялъ, вдругъ остановился.
«Ты вотъ что, ты отдашь мнъ въ срокъ?»
— Не выйди я за вашъ порогъ!.. —
«Изволь! сегодня я разстроенъ:
Дълъ пропасть...»

— Значитъ, до утра? Такъ я въ надеждѣ.. —

«Будь покоенъ!

Я дамъ».

«А! сынъ пономаря!.. Изъ грязи вышелъ, — не забылся» Лукичъ подумалъ — и простился.

XVII.

Все рѣшено. Осталась ночь Заря надъ лѣсомъ догорала, По желтымъ жнивьямъ тѣнь бѣжала. Увы! — измученная дочь День свадьбы грустно ожидала, Въ послѣдній разъ теперь рыдала Въ объятьяхъ матери, — и мать Ее не смѣла утѣшать. Онъ другь друга понимали, — Что впереди, о томъ молчали, А горе прожитыхъ годовъ Такъ живо было, что безъ словъ Душа рвалась и въ мукахъ ныла. Но эти муки дочь таила, Нѣма съ отцомъ своимъ была, Межъ ними пропасть вдругъ легла И Сашу навѣкъ отдѣлила Отъ старика... и тѣмъ больнѣй Была тоска послѣднихъ дней, Тяжеле рядъ ночей безсонныхъ, Невъстой въ пыткъ проведенныхъ!.. ⁸

8

Печально Саша покидала
 Свой домъ. Одѣтая къ вѣнцу,
 Въ цвѣтахъ, безъ слезъ она рыдала
 И въ ноги бросилась къ отцу;
 «Простите! Можетъ, я грубила!..»
 — Прости меня! — отецъ сказалъ
 И крѣпко дочь поцѣловалъ.
 Старушка Сашу обнимала:

И вотъ пиръ свадебный умолкъ. Утихъ о немъ сосъдей толкъ. Угомонились пересуды; Средь улицъ гости не поютъ, Не пляшутъ и въ домахъ посуды Подъ пъсни пьяныя не быютъ. Арина вдругъ осиротъла. Груститъ за дѣломъ и безъ дѣла, Чуть скрипнетъ дверь, — она вздрогнетъ И слушаетъ, и Сашу ждетъ. Безъ Саши горенка скучнѣе, И время кажется длиннѣе, И котъ не веселъ: спитъ въ углу, Не поиграетъ на полу Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ, Она калитку запираетъ И съ робостью обходитъ дворъ — Не притаился ли гдъ воръ, И мужа ждетъ, и спицамъ снова Въ ея рукахъ покоя нътъ... Едва покажется разсвътъ, Работа прежняя готова; Старушкъ не съ къмъ говорить, Тоски и грусти раздѣлить: Рѣчь мужа, какъ всегда, сурова... Но Саша блѣдная придетъ, Арина такъ и обовьетъ Ее руками: «Ахъ, родная, Здорова ли? Присядь, присядь!

«Дитя мое! Господь съ тобой! Будь счастлива въ семьв чужой!» Роняя слезы поправляла Повязку и цввты на ней, — И пара вороныхъ коней Неввсту со двора умчала. Здорова ль?» повторяетъ мать, Съ улыбкой слезы утирая: «Легко ль! недѣлю не была! Ужъ я тебя ждала, ждала! Ну, какъ живешь?» И осторожно О всякой мелочи ничтожной Ее разспроситъ. «Ты смотри, Ты не таись, молъ, говори... Все хорошо? Hy, слава Богу!» И въ лавочку черезъ дорогу Съ копейкой трудовой спѣшитъ И Сашу чаемъ угоститъ. Свой садъ старушка позабыла: Мать столяра ей досадила Упрекомъ, бранью каждый день Черезъ изломанный плетень: — Здорово, другъ! въ саду гуляешь? Хозяйка! яблоки считаешь? Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ, Поймаю, — прямо подъ топоръ! — Арина головой качала И ничего не отвѣчала. Она не зла, молъ... это такъ: Всему причина — Сашинъ бракъ.

Лукичъ на рынкѣ ежедневно Встрѣчался съ зятемъ. Всякій вздоръ Входилъ въ ихъ длинный разговоръ, Оканчиваясь непремѣнно Разумнымъ толкомъ о дѣлахъ О добротѣ хлѣбовъ въ поляхъ, О томъ, что мужики умнѣютъ, Не такъ легко въ обманъ идутъ Что краснорядцы богатѣютъ: За рубль по гривнѣ отдаютъ..

Лукичъ смѣялся: «просто — чудо! Глупа ты, матушка Москва! Всѣмъ вѣришъ!» — Этимъ и жива. Не ошибется... А не худо Того-съ... — зять добрый замѣчалъ И тестя къ чаю приглашалъ.

«Онъ, видно, мнѣ не довъряетъ, Тесть думаль: — право не поймешь... И чаемъ вдоволь угощаетъ, И льститъ, а толку ни на грошъ. Я говорю, къ примъру, буду Тебъ въ торговлъ помогать, Чужихъ равно, молъ, нанимать... — Извольте-съ! я васъ не забуду. У насъ торговый оборотъ Зимою-съ... Вотъ зима придетъ. Посмотримъ, какъ зима настанетъ... Ну, если онъ меня обманетъ. И я останусь въ дуракахъ, Безъ дома, съ сумкой на плечахъ? За что же такъ? Дитя родное Принудилъ. Самъ теперь въ долгу... Нѣтъ, это черезчуръ! пустое! Нельзя! и думать не могу!»

XVIII.

Настала осень. Скученъ городъ... Дожди, туманы, ръзкій холодъ, Ночь черная и сърый день, И по нуждъ покинуть лънь Свой теплый уголъ. Вечерами Вороны, галки надъ садами Кричатъ, сбираясь на ночлегъ.

Порой нежданный, мокрый снѣгъ Кружится, кровли покрываетъ, Къ лицу и платью пристаетъ, И снова мелкій дождь пойдетъ, И вѣтеръ свистомъ досаждаетъ. Куда ни глянешь, — ручейки Да грязь и лужи. Окна плачутъ, И, морщась, пѣшеходы прячутъ Свои носы въ воротники.

Лукичъ съ досадой молчаливой Поглядывалъ нетерпъливо На небо, снъга поджидалъ И непогоду проклиналъ. На рынкъ нечъмъ поживиться: Дороги плохи, нѣтъ крестьянъ; Ходи, глотай сырой туманъ, Пришлось хоть воздухомъ кормиться! На зло кулакъ-молокососъ Надъ нимъ трунитъ: «Повъсилъ носъ! Неволя по грязи шататься! Не молодъ, время отдохнуть И честнымъ промысломъ заняться! Сидълъ бы съ чашкой гдъ-нибудь...» Сюртукъ въ дырахъ, сквозь крышу льется, Въ окошки дуетъ, печь худа, На что ни взглянишь, — сердце рвется, Хоть умереть, такъ не бѣда.

Дождь каплетъ. Темными клоками, Ръ́дъ́я, облака, летятъ. Вороны на плетнъ сидятъ Такъ мокры, жалки! Подъ ногами Листы поблеклые шумятъ. Садъ тихъ. Деревья почернъ̀ли;

Стыдясь невольной наготы, Въ туманъ прячутся кусты; Грачей пустая колыбели Качаетъ вътеръ, и мертва Къ землъ припавшая трава.

Лукичъ стоитъ подъ старой ивой, Въ рукъ топоръ, въ глазахъ печаль. Пришлось бъднягъ на топливо Рубить деревья, — крѣпко жаль, Да надо: все дровамъ замѣна, Ихъ въ цѣломъ домѣ ни полѣна... И засучилъ онъ рукава. Что жъ выбрать? Эти дерева Своей рукой отецъ покойный Ему на память посадилъ: Подъ этой ивой онъ любилъ Вздремнуть на травк въ полдень знойный... «Эхъ-ма! нужда!» Топоръ стучитъ; Съ плетня вороны улетаютъ, А щепки воздухъ разсѣкаютъ, И ива, падая, скрипитъ.

Старушка печку затопила, Лукичъ на коникъ прилегъ. «О чемъ грустишь?» жена спросила. — Такъ, что-то мочи нътъ, продрогъ. — «Что зять-то? какъ?»

— Смотри за щами,

Въ мужское дѣло не входи! — «О-охъ, не ошибись, гляди, Домъ заложилъ... что будетъ съ нами, Когда не выкупимъ?»

Нельзя, къ примъру, помолчать? —

Дверь отворилась, и горбатый, Въ халатѣ, съ палкой суковатой. Длиннобородый мужичокъ Сказалъ съ поклономъ: «Встань, дружокъ! Хозяинъ умный, тароватый! Явился гость, — и ты не радъ, И я, соколъ, не виноватъ». — Мы погодя побалагуримъ. Ты кто? Зачѣмъ? —

«Да встань-ко, встань!
— Не погоняй! кнута не любимъ...
«Теперь подушное достань».
— Ты, знать, отъ старосты? Разсыльный? —
«Узналъ, сударикъ мой, узналъ!»
— Присядь: ты, кажется, усталъ...
Ну, что сегодня? Вътеръ сильный?..
Я, знаешь, все въ избъ сижу,
На дворъ, къ примъру, не хожу,
Нога болитъ. —

«Хе-хе! Проказникъ Испилъ воды на свътлый праздникъ! Болитъ съ похмелья голова... Хитеръ на красныя слова!»
— Чего! ей-ей, болитъ! безъ шутокъ! Вотъ видишь!.. Охъ!.. не наступлю — «Хе-хе, сударикъ мой, люблю! Нужда горька безъ прибаутокъ... Достань-ко деньги-то, родной, Инъ — къ старостъ пойдемъ со мной». — Да я бы радъ! недугъ проклятый!

«Подушное платить! Я вотъ старикъ, и самъ-девятый Живу — плачу!.. не стать тужить. Шесть душъ дѣтей, жена седьмая Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ! Какая тамъ нога больная!» — Скажи, что дома не засталъ, Изъ города, молъ, отлучился... — И въ кошелькъ Лукичъ порылся. Послѣдній гривенникъ досталъ. «Хе-хе, сударикъ, маловато!» — Ей Богу, больше гроша нѣтъ! — «Ну, за тобою, дѣло свято... Прощай покудова, мой свътъ!» «Теперь на хлъбъ добудь, гдъ знаешь!» Лукичъ подумалъ — и вздохнулъ, И кошелекъ на столъ швырнулъ. «Не радъ хромать, да захромаешь! Попробуй-ка пожить вотъ такъ... А въдь кричатъ: кулакъ! кулакъ!»

XIX.

Вотъ и зима. Трещатъ морозы. На солнцѣ искрится снѣжокъ. Пошли съ товарами обозы По Руси вдоль и поперекъ. Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ, Рѣка ли, степь ли — нѣтъ нужды: Вездѣ продолжатся слѣды! На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ, Но веселъ онъ: идетъ, кряхтитъ, Казну на холодѣ копитъ.

Кому путекъ, кому дорога — Аринъ дома дъла много! Вставая съ раннею зарей, Она ходила за водой, Порой бълье чужое мыла: Дескать, работа не порокъ, Все будетъ хлѣбушка кусокъ; Порою и дрова рубила, Когда Лукичъ на печкъ спалъ, Похмелье храпомъ выгонялъ; Отъ стужи кашляла, терпъла И напослѣдокъ заболѣла. Лежитъ недѣлю — легче нѣтъ; Уста спеклись, все тѣло ноетъ; Едва глаза она закроетъ, Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ Встаютъ забытыя видѣнья... Вотъ вспомнилась съ грозою ночь: Въ густомъ саду шумятъ деревья, Изъ теплой колыбели дочь Головку въ страхѣ поднимаетъ И громко плачетъ и дрожитъ, А мужъ неистово кричитъ И стуль, шатаясь, разбиваеть... Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ, Малютка, убранный цвътами, Покоится подъ образами; Блеститъ въ лампадѣ огонекъ, Въ углу кадильница дымится; Столъ бѣлой скатертью накрытъ. Подъ кисеей младенецъ спитъ, Она отъ вътра шевелится, А солнце въ горенку глядитъ, На трупъ весело играя... И мечется въ жару больная;

Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно, Изъ глазъ ручьями слезы льются, Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно Къ ней звуки музыки несутся, — Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ... Въ борьбѣ съ мучительнымъ недугомъ, Смотря безсмысленно кругомъ. Старушка встанетъ и потомъ, Вся потрясенная испугомъ, Со стономъ снова упадетъ И дочь въ безпамятствѣ зоветъ.

Лукичъ измучился съ больною: Самъ кой-какъ печку затоплялъ И непривычною рукою Себъ объдъ приготовлялъ. Спъшилъ на рынокъ, съ рынка снова Жену провъдатъ приходилъ, Малиной теплою поилъ: Вспотъешь, будешь, молъ, здорова, И снова домъ свой покидалъ, Куска насущнаго искалъ.

Вотъ входитъ Саша. Мать больная, Кряхтя, ей дѣлаетъ упрекъ: «Ты рѣдко ходишь, мой дружокъ! Я умираю, дорогая... Охъ! тошно! такъ и давитъ грудь! Хоть бы на солнышко взглянуть, Все снъгъ да снъгъ...»

— Я къ вамъ хотѣла Вчера прійти, да то дѣла, То гости... — Саша солгала: Свекровь ей просто не велѣла, Не приказалъ и мужъ, — авось, Еще, молъ, свидишься, небось! Старушка ложь подозрѣвала, По голосу ее узнала, А голосъ Саши грустенъ былъ! «Дитя мое, я... Богъ судилъ... Дай руку!.. дай, моя родная! Такъ... крѣпче жми! ну, вотъ теперь Легко...» И плакала больная, Рыдала дочь. Безъ шума въ дверь Входила смерть.

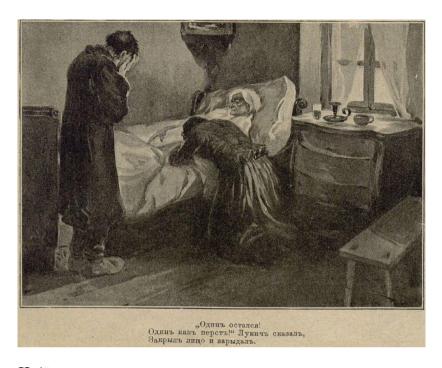
Былъ темный вечеръ, Порывистый, холодный вътеръ Въ трубъ печально завывалъ. Лукичъ встревоженный стоялъ У ногъ Арины. Дочь глядъла На умирающую мать И все сильнъй, сильнъй блъднъла. Старушка стала умолкать И постепенно холодѣла, И содроганья ногъ и рукъ, Последній знакъ тяжелыхъ мукъ, Ослабъвали. Вдругъ, рыдая, Упала на колѣни дочь: «Благослови меня, родная!» — Отецъ твой... нищій... ты помочь Ему... нашъ домъ... и рѣчь осталась Неконченной, — и тихій стонъ Смѣнилъ слова. Но вотъ и онъ Умолкъ. Развязка приближалась: Въ тоскъ поднятая рука, Какъ плеть, упала. Грудь слегка Приподнялась и опустилась,

Дыханье рѣже становилось, Взоръ неподвижный угасалъ, По тѣлу трепетъ пробѣжалъ, И стихло все... Не умолкалъ Лишь бури вой.

«Одинъ остался! Одинъ, какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ, Закрылъ лицо и зарыдалъ...

Уснуло доброе созданье! Жизнь кончена. И какъ она Была печальна и блѣдна! Стряпня и въчное вязанье, Забота въ домѣ приглядѣть Да съ голоду не умереть! На пьянство мужа тайный ропотъ, Порой побои отъ него, Про бытъ чужой несмѣлый шопотъ Да слезы... больше ничего! И эта мелочь мозгъ душила И человъка въ гробъ свела! Страшна ты, роковая сила Нужды и мелочнаго зла! Какъ громъ, ты не убъешь мгновенно, Войдешь ты, — полъ не заскрипитъ, А душишь, душить постепенно, Покуда жертва захрипитъ!

Съ разсвѣтомъ буря замолчала. Арина на столѣ лежала. Въ лампадкѣ огонекъ сіялъ; Онъ какъ-то странно освѣщалъ Лицо покойницы-старушки, И неподвижной и нѣмой,

И бълые углы подушки, Прижатой мертвой головой. Убитый горемъ и тоскою, Передъ иконою святою Лукичъ всю ночь Псалтирь читалъ. Уныль и тихъ его былъ голосъ; Отъ страха жесткій, черный волосъ На головъ не разъ вставалъ. Казалось, строго и сурово Глядъла блъдная жена; Раба досель, съ жизнью новой Вдругъ измѣнилася она. Свою печаль припоминала И мужу казнью угрожала... Старикъ внимательнъй читалъ И ничего не понималъ.

Всѣ буквы, мнилось, оживали, Плясали, разбѣгались вдругъ... При оборотѣ издавали Листы какой-то чудный звукъ...

Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу Набились въ горенку. Однъ Вздыхали и молились Богу, Другія въ грустной тишинъ Съ тяжелой думою стояли, Иль объ усопшей толковали, Что, вотъ-де, каковы дѣла — Жила, жила, — да умерла! Мать столяра въ углу стояла, Съ кумой любимою шептала: «Вѣдь на покойницѣ платокъ, Что тряпка... ай-да муженекъ! Убралъ жену, кулакъ проклятый! О плать в и не говорю — Я вчужѣ отъ стыда горю: Съ заплатой, кажется, съ заплатой!.. А дочь слезинки не прольетъ... Вотъ срамъ-то! инда зло беретъ! Ахъ, я тебъ и не сказала! Она за сына моего Хотѣла выйти... каково? Да я-то шишъ ей показала! И мать-то, помянуть не тѣмъ, Глупа была, глупа совсѣмъ!»

Сосъ́дки вышли. Сталъ совъта Отецъ у дочери просить: «Ну, Саша! мать вотъ не отпъта, Гдъ деньги? чъмъ мнъ хоронить?» — Мой мужъ поможетъ. Попросите Здѣсь посидѣть кого-нибудь И вслѣдъ за мною приходите. «Да! надо, надо шею гнуть! И подѣломъ мнѣ! охъ, какъ стою!» И крѣпко жилистой рукою, Остановя на трупѣ взоръ, Свой блѣдный лобъ старикъ потеръ.

XX

Румянь, плечистъ, причесанъ гладко, Тарасъ Петровичъ за тетрадкой Въ рубашкъ розовой сидълъ, На цифры барышей глядѣлъ И улыбался. Подъ рукою Сіяли проволоки счетъ; Зеленый плющъ надъ головою Висълъ съ окна. Полна заботъ. За чаемъ Саша хлопотала; Пѣлъ пѣсни свѣтлый самоваръ; Въ лежанкъ загребенный жаръ Краснѣлъ; струей перебѣгало По углямъ полымя. И вдругъ Часы издали странный звукъ, Шипѣли долго и лѣниво, И, съ пятнышками вмѣсто глазъ, Кукушка сърая тоскливо Прокуковала восемь разъ.

Лукичъ вошелъ,— и сердце сжалось У Саши. Жалокъ былъ отецъ: Оборванъ, блъденъ... грусть, казалось, Его убила, наконецъ. Едва старикъ перекрестился, Румяный зять его вскочилъ

И сожалѣнье изъявилъ, Что доброй тещи онъ лишился. «Мнѣ, молъ, жена передала. Святая женщина была!..» — Вотъ надо справить погребенье... Нѣтъ гроба... сдѣлай одолженье... Дай помочь!

«Отъ добра не прочь, Зачѣмъ родному не помочь?.. $\Gamma_{\rm M}!..$ жаль! я думаю — простуда?» Богъ знаетъ что, да умерла. «Я полагаю-съ смерть пришла... Вотъ выпейте чайку покуда». — Благодарю! не до того. «Напрасно-съ, это не мѣшаетъ. Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ...» — Да я не зябну. Ничего... Не позабудь, къ примъру, въ горъ! «Вотъ ключъ позвольте отыскать... Я много не могу вамъ дать, Не то что... да-съ! Нѣтъ денегъ въ сборѣ». — Не добивай! я такъ убитъ! «О томъ никто не говоритъ! На счетъ того-съ... оно, конечно, Родню позабывать грѣшно, Да въдь гръшно и жить безпечно, Да-съ! поскользнетесь неравно! На васъ вотъ тулупишко рваный. Изъ сапоговъ носки глядятъ, А вы намедни были пьяны... Выходитъ, кто же виноватъ?» Охъ, знаю, другъ мой! Все я знаю! Въдь пьетъ неволя иногда! Ты думаешь мнѣ нѣтъ стыда,

Что плутовствомъ я промышляю, Хитрю, вмъ хлвбъ чужой, какъ воръ? «Расчетъ въ торговлѣ не укоръ... Все это пустяки и только, На печкѣ хочется лежать! На рынкъ горько промышлять, Hy-съ, а просить теперь не горько?» — Въстимо... если бы ты зналъ! Осмъянъ всъми, обнищалъ, Тутъ совъсть не даетъ покою... Зять! не пусти меня съ сумою! Дай мив подъ старость отдохнуть! Поставь меня на честный путь! Дай дѣло мнѣ! Господь порука, Не буду пять и плутовать! «Привыкли-съ. Трудно перестать Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука... На похороны помогу. Насчетъ другого-съ — не могу». И съ бородою посѣдѣлой Опять миѣ грабить мужиковъ? Пойми ты, доброе ли дѣло: Неужто воръ я изъ воровъ. Зять! Богомъ, значитъ, умоляю... Подумай! Выручи!

«Опять!

Охота вамъ слова терять! Нельзя-съ! По чести завъряю... Рубль серебра, извольте дамъ». — Такъ я, выходитъ, по домамъ На тъло мертвое сбираю... Ну, есть ли стыдъ въ тебъ и честь? Въдь я не нищій! я твой тесть! Въдь я прошу не подаянья, —

Взаемъ. Ты слышишь или нѣтъ? «А я даю изъ состраданья, Не то что... да-съ! и мой совѣтъ: Не надо брезгать».

Саща встала.

Негодованія полна, Казалось, выросла она И мужу съ твердостью сказала: «Я свой салопъ отдамъ въ закладъ И мать похороню!»

— Чудесно-съ! Гм!.. дочка нѣжная... извѣстно-съ... Xе-хе! Бываетъ, не велятъ! «Ну, если такъ, найду другое... Вотъ обручальное кольцо...» И Саши блѣдное лицо Покрылось краскою.

— Пустое!

Не смѣешь, значитъ!

«Саша, Саша! Оставь! схоронимъ какъ-нибудь!» Отецъ сказалъ.

— Нѣтъ, воля ваша! Ужъ у меня изныла грудь Отъ этой жизни... Я молчала... Онъ мягко стелетъ, жестко спать... Пусть бьетъ! я не хочу скрывать! Больною мать моя лежала, — Я мать провѣдать не могла! Боится: столяра увижу...

«Столяръ мнѣ что? молва была... Онъ — плутъ! плутовъ я ненавижу. Мужъ, хоть и лыкомъ сшитъ, — люби, Да знай стряпню, да не груби, На то жена!»

— О, будь увѣренъ! Я буду стряпать и молчать! Но подъ замкомъ себя держать Я не позволю!..

«Не намъренъ...

Нельзя-съ, законная жена... А мужа ты любить должна — Вотъ только!»

Саша улыбнулась. Мужъ отъ улыбки поблъднълъ, Но вмигъ собою овладълъ. «Все вздоръ! изъ пустяковъ надулась! Объ этомъ мы поговоримъ Наединъ-съ... А вотъ роднымъ Поможемъ. Нужно — и дадимъ. Держите, батенька, Богъ съ вами!»

Тесть, молча, подаянье взялъ И точно память потерялъ: Пошевелилъ слегка губами, На зятя кинулъ мутный взоръ И крупный потъ на лбу отеръ «А вамъ пора за умъ приняться!» Прибавилъ зять: «вы нашъ родной, Не съ поля вихорь, не чужой, А съ пьянымъ нечего мнъ знаться!»

Старикъ съ поклономъ вышелъ вонъ. О чемъ-то, бѣдный, думалъ онъ? Но вѣрно думою печальной Былъ возмущенъ: на рынокъ шелъ И, Богъ вѣсть почему, забрелъ Въ какой-то переулокъ дальній. Опомнившись, взглянулъ кругомъ И зятя назвалъ подлецомъ.

Добычи рыночной остатокъ Давно Лукичъ рублей десятокъ Въ жилетъ плисовомъ берегъ. Теперь вотъ зять ему помогъ На все достало, слава Богу! Купилъ онъ ладану, свъчей, Изюму, меду, калачей, Вина, — конечно, понемногу: Поденщиковъ приговорилъ Могилу рыть и гробъ купилъ, Принесъ его въ свою избушку, Перекрестился, крышку снялъ, На диѣ холстину разостлалъ, Съ молитвой положилъ старушку, Съ молитвою свѣчу зажегъ И съть въ раздумь въ уголокъ. Курился ладанъ. Все молчало. Играло солнце на стѣнѣ. Бълълись свъчи на окнъ, Стекло алмазами сверкало, Старушка, мнилося, спала, -Такъ въ гробъ хороша была! «Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша! Не даромъ сказано, что цвътъ — Ногою смялъ, его и нѣтъ. Умру и я, умретъ и Саша,

И ни одна душа потомъ Меня не вспомнитъ... Боже, Боже! А въдь и я трудился тоже, Весь въкъ и худомъ и добромъ Сбивалъ копейку. Зной и холодъ, Насмѣшки, брань, укоры, голодъ, Побои, — все переносилъ! Изъ-за чего? Ну, что скопилъ? Тулупъ остался да рубаха, А кралъ безъ совъсти и страха! Охъ, горе, горе! Вѣдь метла Годится въ дѣло!. что же я-то? Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла? Вотъ свъчи... гробъ... гдъ это взято? Крестьянинъ, мужичокъ-бъднякъ На пашнѣ потомъ обливался И продаль рожь... а я, кулакъ, Я, пьяница, не побоялся, Не постыдился никого, Какъ воръ безсовѣстный, обмѣрилъ, Ограбилъ, осмѣялъ его И смертной клятвою увърилъ, Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ!.. Вотъ зять, какъ нищему, помогъ... Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, Я въ поясъ кланялся, просилъ!.. А въдь и я добро любилъ. Оно въдь дорого мнъ было! И смѣлъ и молодъ, помню, разъ Въ грозу и непогодь весною Я утопающаго спасъ. Когда онъ съ мокрой головою, Нагой на берегу лежалъ, Открылъ глаза, пошевелился И кръпко руку мнъ пожалъ, —

Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ И радостно перекрестился! И все пропало! Все забылъ!..»

И голову онъ опустилъ, И, задушить его готова, Вся мерзость прожитая снова Съ укоромъ грознымъ передъ нимъ Стояла призракомъ нѣмымъ.

Бъднякъ! бъднякъ! печальной доли Тебя урокъ не вразумилъ! Своихъ цъпей ты не разбилъ, Послушный рабъ безсильной воли! Ты понималъ, что честный трудъ И путь иной тебъ возможенъ; Что ты, добра живой сосудъ, Не совершенно уничтоженъ. Ты плакалъ и на помощь звалъ... Подхваченный нужды волнами, Въ послъдній разъ взмахнулъ руками И... въ грязномъ омутъ пропалъ!..

XXI.

Бъгутъ часы, идутъ недъли, Чредъ обычной нътъ конца! Кричитъ младенецъ въ колыбели, Несутъ въ могилу мертвеца. Живи, трудись, людское племя, Вопросы мудрые ръшай, Сырую землю удобряй Своею плотью..! Время, время! Когда твоя устанетъ мочь? Какъ страшный жерновъ, день и ночь

Вращаясь силою незримой, Работаешь неудержимо Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ! Ихъ доля — вѣчное забвенье! Ты дашь широкій оборотъ, И ляжетъ прахомъ поколѣнье, Другое очереди ждетъ!

Прошло два года. Дымъ клубами Идетъ изъ трубъ. Снѣгъ порошитъ. Чуть солнце сквозь туманъ глядитъ. Не грѣя блѣдными лучами. Старушка добрая, зима, Покрыла шапками дома. Заутро Рождество святое. Санями рынокъ запруженъ, Торговлей шумной оживленъ. Желудка рабъ, какъ все живое, Народъ кишитъ вокругъ цыплятъ, Гусей, свиней и поросятъ.

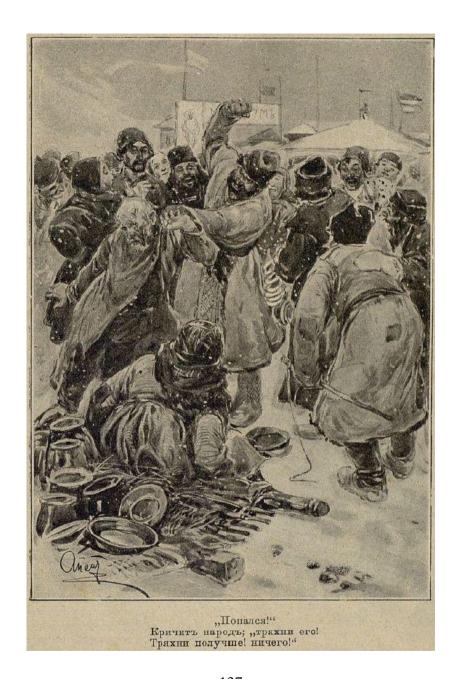
«Пошелъ налѣво!» торопливо Скобѣевъ кучеру кричитъ И палкой нищему грозитъ: «Ты что присталъ?» Но вдругъ учтиво Кивнулъ кому-то головой. «Деревня Долбина за мной! Съ торговъ... поздравьте...» Ой, пропала! Ахъ, чтобъ вамъ не было добра! Вотъ мужичье!.. — Мать столяра Едва подъ лошадь не попала, Къ горшкамъ съ кумою отошла, Бесѣду снова повела: — И говорю я это сыну:

«Оставь, моль, ты свою кручину!» Нѣтъ долго Сашу вспоминаль! И вотъ что было — запиваль! Теперь ни-ни! Взялся за дѣло... Поди ты! не женю никакъ, Прошу, прошу, — такой дуракъ! Вишь, рано... время не приспѣло... Да вретъ онъ! Это ничего! Ужъ уломаю я его! —

Вотъ и столяръ. Его походка Размашиста. Тулупъ косматъ. Пробилась русая бородка, И веселъ соколиный взглядъ; Лицо отъ холода краснветъ; На кудряхъ иней. Впереди Толпа зъвакъ. Она густъетъ. Бъднякъ-Лукичъ посереди; Мужикъ съ курчавой бородою, Взбъшенный, жилистой рукою Его за шиворотъ держалъ, И больно билъ, и повторялъ: «Вотъ эдакъ съ вами! эдакъ съ вами!» Старикъ постукивалъ зубами, Халатъ съ разорванной полой Отъ вътра въ воздухъ мотался, И кровь на бородѣ сѣдой Застыла каплями...

«Попался!»

Кричалъ народъ: «тряхни его! Тряхни получше! ничего!» — Не бей по шапкъ! одуръетъ! «Не смъетъ бить! На это судъ. Расправа, значитъ... бить не смъетъ!»

— Валяй! Тамъ послѣ разберутъ! — Но вдругъ столяръ рукою смѣлой Толпу раздвинулъ: «Стой! за что?» — А не обвѣшивай! за то... Мужикъ отвѣтилъ: наше дѣло! Я продалъ шерсть, а онъ того... Обвѣсилъ — вонъ-що!

«Брось его!
Ты кто? Разбойникъ? Смѣешъ драться?
Не знаешь, — отдерутъ кнутомъ!
Чего ты, Карпъ Лукичъ? Пойдемъ!
— Проваливай! Не станемъ гнаться!
Вотъ не замай онъ покряхтитъ:
Въ бокахъ-то у него лежитъ!

«Эхъ, съ этимъ не дошло до драки! Жалѣли, расходясь, зѣваки: А молодецъ куда горячъ! И статенъ, то-то, чай, силачъ!

«Сосъ́дъ! ну, какъ тебъ не стыдно!» Столяръ дорогой говорилъ: «Весь помертвълъ... лица не видно... Что завтра? Вспомни!»

— Согрѣшилъ Обвѣсилъ... не во что одѣться... Озябъ и нечѣмъ разговѣться. «А зять?..»

— Мошенникъ! Охъ, продрогъ! «Ну, Саша?»

Саша помогаетъ... Въ постели... кровью все перхаетъ... Охъ, больно!.. заложило бокъ... «Эхъ, Карпъ Лукичъ!»

— Молчи! я знаю! Сгубилъ! «Нътъ я не то... не попрекаю. Мнъ жаль тебя: сосъдомъ былъ... Бъдняга! Выгнали изъ дома... Да ты идешь едва-едва... Квартира гдъ?

У Покрова.

Нетоплена. Постель — солома. Привыкъ, къ примъру... Охъ, продрогъ! «Слышь, Карпъ Лукичъ! Ты не сердися.... Вотъ деньги есть... Не откажися, Возьми на праздникъ. Видитъ Богъ, Даю изъ дружества. Въдь хуже Обманывать, дрожать на стужъ... Возьми, пожалуйста, сосъдъ! Ну, хоть взаемъ... какъ знаешь!»

— Нѣтъ!

Я виноватъ передъ тобою: Ты съ Сашей росъ...

«Оставь! пустякъ! Угодно было Богу такъ... Возьми! Ты слышь, не спорь со мною Въ карманъ насильно положу Вотъ на!.. и руки подержу». — Покинь! Мнъ стыдно! Знаю, знаю.

А ты не вынимай назадъ; Я, что родному, помогаю Не то что, значитъ... чѣмъ богатъ! Утри-ко лучше кровь полою, Неловко... Стой! Господь съ тобою! Ты плачешь?»

— Ничего, пройдетъ Я такъ. Озябъ... Вода течетъ... Сегодня въ воровствъ поймали, Прибили... милостыню дали... А дочь... Проклятый зять! Прощай «Да брось его! не поминай! Вотъ завтра праздникъ, дѣлъ-то мало, Ты завернешь въ мой уголокъ. Мы потолкуемъ, какъ бывало, Ну, да присядемъ за пирогъ... Ты просто приходи къ объду, Равно!» и старому сосъду Онъ руку дружески пожалъ И на прощанье шапку снялъ.

Лукичъ съ разорванной полою Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, — Знакомыхъ нѣтъ; махнулъ рукою И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою, Когда мой домъ объятъ былъ сномъ, Сидълъ я, грустный, за столомъ Подъ гнетомъ думъ, ночной порою! И мнъ по твоему пути

Пришлось бы, можетъ-быть, итти, Но я избралъ иную долю... Какъ узникъ, я рвался на волю... Упрямо цѣпи разбивалъ! Я свѣта, воздуха желалъ! Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно. Ни силъ ни жизни молодой Я не жалълъ въ борьбъ съ судьбой. Во благо ль? небесамъ извъстно... Но блага я просилъ у нихъ! Не ради шутки, не отъ скуки, Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ, Я воплощалъ боль сердца въ звуки! Моей душѣ была близка Вся грязь и бъдность Кулака! Мой братъ! никто не содрогнется, Теперь взглянувши на тебя! Пройдетъ, быть-можетъ, посмѣется, Потъху пошлую любя... Ты сгибъ, но велика ль утрата? Васъ много! тысячи кругомъ, Какъ ты, погибли подъ ярмомъ Нужды, невъжества, разврата! Придетъ ли, наконецъ, пора, Когда блеснутъ лучи разсвѣта? Когда зародыши добра На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой, Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ. И принесутъ сторичный плодъ, Когда минетъ проказа вѣка И воцарится честный трудъ, Когда увидимъ человъка, — Добра божественный сосудъ?..

Кулакъ.

(Въ первоначальномъ видѣ.)

I. 9

Садится солнце. Тучъ громада Покрыта краской золотой. Ръка зардълась. Жаръ дневной Смъняетъ вечера прохлада. Вдоль гати тянется обозъ, Пестръютъ съно и солома, Рубахи, шапки... У парома И шумъ и крикъ за перевозъ. Кругомъ безлюдье. Свътлой сталью Блеститъ заснувшая въ тиши Вода озеръ; сквозь камыши Идутъ луга зеленой гладью; За ними поле разлеглось,

-

Картина города, которою начинается поэма ((во всъхъ трехъ редакціяхъ), принадлежить Воронежу, одному ихъ живописнъйшихъ губернскихъ городовъ Россіи. Видъ на городъ съ юго-восточной его части великольпный: городь раскинулся по горамь, у подошвы которыхъ широкою лентою извивается рѣка Воронежъ, образующая небольшіе острова на всемъ двухверстномъ протяженіи между городомъ и слободою Придачей. На одномъ изъ этихъ острововъ, подъ самымъ городомъ, по лѣвой сторонѣ отъ моста, возвышается двухъэтажное зданіе, такъ называемый Цейхгаузь, — единственно уцълъвшая постройка временъ Петра Великаго. Нъсколько поодаль отъ Цейхгауза виднъются съ гати и моста постройки моекъ купца Капканшикова, расположенныя на другомъ островъ. При Петръ Великомъ эти острова соединялись съ городомъ мостами. На нихъ и противоположномъ берегу близъ Успенской и Богословской церквей, сосредоточивалась вся кипучая деятельность Преобразователя. Дворецъ его находился на мъстъ теперешнихъ моекъ; жилища же его сотрудниковъ были расположены поблизости Успенской церкви.

Краями въ небо уперлось. Вотъ глушь-то наша, глушь родная! Въ поляхъ просторъ, что дымъ, туманъ. Въ туманъ лъсъ, село, курганъ, Березка, тучка дождевая, Дорога, нива да трава, Небесъ пожаръ и синева.

И ты, рѣка, давно знакома.... Бывало вырвешься изъ дома — Скоръй сюда! Прилегъ въ траву, И снятся дивы наяву... Тамъ коршунъ плылъ подъ облаками — И словно замеръ въ тишинѣ; А тутъ въ прозрачной глубинъ Ракиты шевелятъ листами, Макушками всѣ внизъ растутъ; Мартышки, ласточки снуютъ... И съ золочеными крестами Повисли церкви... Рай земной! Вдругъ слышишь шумъ надъ головой, Мгновенно утка промелькнула И камнемъ въ озеро нырнула. А въ озеръ — и рыбы плескъ, И отъ воды и солнца блескъ. О, дътство, дътство!.. Прочь съ дороги, Украдкой прожитая быль! Не подымай въ душъ тревоги. Не отряхай забвенья пыль... Вонъ, въ сторонъ бълъетъ зданье, Оно глядѣло въ свой чередъ На небывалое созданье, — Въ степной глуши рожденный флотъ. Въ тѣ дни здѣсь много было шуму, Здѣсь думалъ царственную думу

Неутомимый человъкъ. Тотъ шумъ утихъ... Гдѣ жизнь кипѣла И быль царя пріють простой, Купецъ усердною рукой — Одинъ почтилъ святое дъло: Часовню выстроилъ и въ ней Затеплилъ набожно елей. Всему пора. Идутъ постройки, Какъ встарь, и въ наши времена... По берегамъ бѣлѣютъ мойки, Скирдами шерсть навалена. Подросъ и городъ. Въ изголовье Онъ положилъ полей приволье, Плечами горы придавилъ, Ногой на берегъ наступилъ, И, ближнихъ селъ дешевой данью, До пояса отъ головы, Покрылся каменною тканью На мъсто грязи и травы ¹⁰. Но грустно, что въ семь тромадной Высоко поднятыхъ домовъ, Какъ нищіе въ толпѣ нарядной, Торчатъ избенки бъдняковъ. Въ дырявыхъ шапкахъ, съ костылями Онѣ ползутъ по крутизнамъ И смотрятъ тусклыми очами На богачей по сторонамъ. Того и жди: гроза подуетъ, — И полетять онѣ въ оврагъ... Таковъ и домикъ, гдѣ горюетъ Знакомый давній мой — кулакъ.

_

 $^{^{10}}$ Рѣчь идеть о превосходной гати, сооруженной между слободою Придачей и Воронежемъ, при помощи крестьянъ, употребленныхъ въ работу за казенныя недоимки.

Туда пѣшкомъ итти далеко, Развернемъ самолетъ-коверъ — И, прямо отъ рѣки широкой, Перелетимъ къ нему на дворъ. Ну, съ Богомъ, въ путь! Въ глазахъ мелькая Назадъ несется пестрота: Заборы, кровли, ворота, Оврагъ, тропинка, мостовая, Калачникъ, окна кабака, Телѣга съ гробомъ, двѣ дѣвчонки, Зеленый садъ, стѣна избенки, Стой! Вотъ и домикъ кулака.

Онъ старъ и на бокъ покосился, Карнизъ подгнилъ и опустился. Потрескалась, куда ни глянь, На крышъ скорченная дрань, Растрепанными волосами, Повисла пакля вдоль стѣны: Изъ-подъ дырявой пелены, Натасканная воробьями, Солома съ перьями торчитъ. Одно окошко внизъ глядитъ, Другое, — нѣтъ отъ крыши воли — Взвилось бы прямо къ облакамъ; Въ немъ половники красныхъ рамъ, Что въки, красныя отъ боли, Мигаютъ въ вътеръ... Глазъ — да вотъ Однѣхъ рѣсницъ недостаетъ... Растетъ трава вокругъ крылечка. Но садъ... Въ садъ послѣ завернемъ, Теперь мы въ горенку пойдемъ Она чиста. Икона, печка, Съ посудой шкапъ, сосновый полъ, Кровать подъ пологомъ, да столъ,

Скамейка, лавка, стулъ безъ спинки, Комодъ пузатый подъ замкомъ... Все старина, зато соринки Тутъ не примътишь ни на чемъ.

II.

Хозяйка добрая, здорово!
Ты вѣчно съ варежкой въ рукѣ И въ этомъ бѣломъ колпакѣ. И все молчишь. Промолвишь слово Отъ скуки съ дочерью родной, Да и поникнешь головой. Печаль, домашнія невзгоды, Нужда тяжелая, да годы Повысушили до поры Тебя, какъ травушку жары, Поникла голова, что колосъ, И побѣлѣлъ твой русый волосъ... Одна незлобная душа Осталась въ горѣ хороша.

И ты, красавица, съ работой Сидишь, какъ мать, передъ окномъ: Одной привычною заботой Вы въчно заняты вдвоемъ, Глядишь на улицу тоскливо... Румянецъ яркій на щекахъ, Но спицы движутся сонливо И дремлетъ варежка въ рукахъ. О чемъ тоска? Откуда скука? Глаза — огонь, коса — смола, Какъ бълый воскъ рука бъла... Простора нътъ? Неволя — мука?.. «Постой, — старушка говоритъ: —

Гдѣ поминанье-то лежитъ, Не знаешь, Сашенька?»

— Не знаю.

«Вотъ надо на погостъ сходить И панихиду отслужить — То нѣкогда, то забываю...» — Задаромъ служатъ-то? —

«Все Богъ!

Я варежки продамъ!..»

— Богаты!..

А у меня вездѣ заплаты, Да башмаки скочили съ ногъ; Пошла бы въ церковь, ради скуки, — Суди!

«Отъ этого не стать Родителей не поминать; Покуда есть глаза да руки, Нужда не смертная бъда…»

И мать умолкла. Тучъ гряда Въ огнъ зари понакалилась, Свернулась въ кучу, поплыла И, померкая, за поля Горою темною скатилась. Неслышно тъни подошли, Въ окошко медленно вползли, Въ углы и за кроватью стали. И мать и дочь давно молчали... Блеснулъ и мъсяцъ, въстникъ сна, Но звуки спицъ не умолкали: Имъ незнакома тишина.

«Поди ты, думала старушка: Скучаетъ дочь, невесела... Вѣдь, вотъ ребенкомъ-то была... Такая бойкая ръзвушка, — И не уймешь ея никакъ. Бывало, утро чуть настанетъ, Плутовка куколки достанетъ, Толкуетъ съ ними: «Ты вотъ такъ Сиди, ты — глупая дѣвчонка; Ты, барыня, сиди вотъ тутъ, А ты прислуга, старый плутъ, Давай имъ чаю...» И ручонкой Начнетъ ихъ эдакъ тормошить. Возьметъ подастъ имъ на бумажкахъ Водицы въ желудовыхъ чашкахъ, И скажетъ: «ну, извольте пить, Вотъ чай...» А вечеромъ, бывало, Къ себъ подружекъ соберетъ, Болтаетъ съ ними, что попало, Хохочетъ, бъгаетъ, поетъ... Вотъ словно колокольчикъ звонкій. Веселый смѣхъ и голосъ тонкій Въ объихъ горенкахъ звенитъ. Отецъ, бывало, закричитъ: «Уймися, говорю, вострушка, Не то я больно посѣку!» Она присядетъ къ уголку И лобикъ сморщитъ, какъ старушка, И все молчитъ... Отецъ съ двора, -Опять потъшная игра! Со стороны глядѣть — отрада... Да, правда, какъ и не скучать: Ей не съ къмъ слова-то сказать... Куда мы ходимъ? Тутъ, досада, Сосъдъ къ намъ сваху засылалъ,

Старикъ зачѣмъ-то отказалъ; А дъвка-то была какъ рада! Женихъ сызмала ей знакомъ... О-охъ, бъда мнъ съ старикомъ; Однако темно. Надо свъчку». И, вставъ, она открыла печку, Лучину тонкую взяла. И дуть на уголь начала. Черезъ минуту заскрипъло За дверью шаткое кольцо. Вошелъ кулакъ. Его лицо Отъ зноя солнца загорѣло. Угрюмъ и зорокъ смѣлый взглядъ, Щетиной жесткою торчатъ Густыя брови. Лобъ широкій Изрытъ морщинами глубоко, И теменъ волосъ, но сѣда Подстриженная борода. Ростъ не великъ и не умаленъ, Упруги жилы кръпкихъ рукъ, Картузъ расплющенъ и засаленъ, До пятокъ нанковый сюртукъ..

«Небось, усталь? жена сказала: Поди-ка руки-то умой... Вотъ полотенце. Да водой Не брызгай на полъ!»

Саша встала,

Въ ведеркъ квасу принесла И въ чашкъ луку натолкала. Кулакъ за столъ не торопился, Сюртукъ на лавку положилъ Да сверху картузомъ накрылъ, Снялъ галстукъ, сапоги, умылся И сълъ съ семьею.

«Экой квасъ!..» Старушка, сморщившись, сказала. — Разборчива ты съ дочкой стала: Не угодитъ самъ чортъ на васъ! Отвътилъ мужъ.

«Перекрестися! За хлѣбомъ такъ не говорятъ». — Вѣстимо. Ну, сама трудися, Я старъ, всѣ кости ужъ болятъ... Покуда я кормить васъ стану! — «Ну, вотъ и хлѣба жаль теперь, А сваху проводилъ за дверь... Намъ меньше было бы изъяну Вдвоемъ-то жить».

— Хорошъ совѣтъ!
Богатъ, къ примѣру, твой сосѣдъ? —
«Намъ богача-то дожидаться,
Вѣкъ Сашѣ дѣвкою остаться».
— Дождемся, можетъ-быть, не плачь:
На наше поле сядетъ грачъ.
«Все такъ, старикъ, да не грѣшно ли...»
— Ну, дальше!.. —

«Дочь-то принуждать!» — Пересолила! Слышишь, мать? Ну, да! Въ квасу-то много соли... «Пошло!.. Вы дайте хоть поъсть! Сказала дочь: попрекъ да ссора, Минуты не пройдетъ безъ спора... Вы думаете, вамъ и честь!» — Молчать! не во время запъла,

Смотри, языкъ не прикуси... Поди вотъ кашу принеси... Вишь, умница! понаторъла!

Оконченъ ужинъ: каши нѣтъ, Зато былъ съ кашею объдъ. Лукичъ привсталъ, перекрестился, На Сашу крупно побранился — Зачѣмъ, дескать, досель окно На улицу отворено, И легъ. Но, занятый заботой, Онъ думалъ думу съ полчаса, Смыкая нехотя глаза, Полуобъятыя дремотой: «Ну, завтра ярмарка. Авось На хлѣбъ добуду. Плохо стало: Хлопотъ, что дровъ въ лѣсу, — не мало, А прибыли отъ нихъ — хоть брось. Другимъ, къ примъру, удается, Казна валится, точно кладъ, А ты копейкѣ былъ бы радъ, Такъ нѣтъ — гдѣ тонко, тутъ и рвется. Порой что въ домъ и попадаетъ, Нужда метлою подметаетъ. Вотъ дочь невъста: все забота... И сватаютъ, да нѣтъ расчета: Сосъдъ нашъ честенъ, всъмъ хорошъ, Да голь большая, вотъ причина! Что честь-то, коли нѣтъ алтына? Далеко съ нею не уйдешь... Одно — душѣ да сердцу мука: Передъ зажиточнымъ плутомъ И честный спину гнетъ кольцомъ; Нужда — мудреная наука... Мит дочь и жаль! Я — челов ткъ,

Отецъ, къ примъру... да не въкъ Мнъ мыкать горе. Я не молодъ... «Лукичъ — кулакъ!» кричитъ весь городъ. Кулакъ!.. Душа-то не сосъдъ: Сплутуетъ, коли хлъба нътъ. Будь зять богатый, будь помога, — Не выйди я изъ-за порога, На мъстъ дай Богъ мнъ пропасть, Коли подумаю украсть! А есть женихъ... навърно знаю: Богатъ, не долженъ никому, И Саша нравится ему... Давно я сваху поджидаю...» И тяжело кулакъ вздохнулъ, Перевернулся и заснулъ.

III.

Быть-можетъ, на другой ступени Въ иномъ быту, съ инымъ отцомъ, Кулакъ не зналъ бы праздной лѣни И просто не былъ кулакомъ. Но много ль тѣхъ, кто полный силы, Какъ воинъ, правдѣ послужилъ, Напрягъ всѣ мускулы и жилы И зло, какъ змія, раздавилъ? Кто среди грязи, подъ грозою, Остался чистъ, какъ серебро, И кръпкой каменной горою Стоялъ за правду и добро? Великъ добра подвижникъ строгій, Кто велъ всю жизнь борьбу со зломъ И не свернулъ съ прямой дороги. Пройдя безстрашно подъ огнемъ? Но если бы и этотъ пламень

Ты вынесъ, воинъ правоты, Остановись, поднявши камень На жертву зла и нищеты! Сдержи свое негодованье, Не будь презрѣннымъ палачомъ: Твой братъ передъ твоимъ судомъ, Съ правами на твое вниманье. Быть-можетъ, въ грязной нищетъ, Корою грубости закрытый, Добра зародышъ неразвитый, Горитъ, какъ свъчка, въ темнотъ. Быть-можетъ, жертвъ заблужденья Доступны ръдкія мгновенья, Когда казнитъ она свой вѣкъ И зло проклятьемъ поражаетъ, Какъ человъкъ, въ душъ страдаетъ И думаетъ, какъ человѣкъ.

Еще ребенкомъ, нестъсненный Въ привычкахъ жизни обыденной, Кулакъ бездѣлье полюбилъ. Отецъ имъ мало занятъ былъ. На воспитаніе мальчишки Торгашъ имѣлъ особый взглядъ; «Расти, дескать, расти, сынишка, Пойдешь по мнѣ, — я буду радъ; Я и читать вонъ не учился, Да сытъ живу, одътъ, обуть...» Но подъ хмелькомъ всегда сердился. Ты, дескать, баловень, ты — плутъ... И сына за вихоръ поймаетъ, Такъ, ни за что — ну, вотъ, молъ, знай! Деретъ, деретъ, до слезъ таскаетъ И молвитъ: ну, ступай играй! А мать свое хозяйство знала:

Въ печи дрова съ расчетомъ жгла, Горшки да чашки берегла И словъ напрасно не теряла, — Когда зимой по цълымъ днямъ, Забросивъ азбуку съ указкой, Карпушка лазилъ по горамъ, Таская за собой салазки, Иль въ бабки, лѣтнею порой, Былъ занятъ вѣчною игрой. Въ мальчишкъ рано проявилась Наклонность къ сдълкамъ, плутовству И мелочному воровству И постепенно обратилась Въ привычку. По чужимъ садамъ Онъ лазалъ смѣло. По полямъ Шатался. Въ рожь зайдетъ, бывало: Отъ жару потъ съ него течетъ... И солнце въ голову печетъ... Лежитъ себъ и нужды мало, И смотритъ весело кругомъ. Чуть бабочка на колосъ сядетъ, Онъ къ ней подкрадется ползкомъ, Ручонку смуглую протянетъ — И разомъ схватитъ. Разглядитъ Всю спинку, усики и глазки, На крылышкахъ узоръ и краски, И, улыбаясь, говоритъ: «Ага! Вотъ я тебѣ плутовку!..» И оторветъ у ней головку. Или грачей въ гнѣздѣ найдетъ, На половину острижетъ. Къ ногамъ веревочки привяжетъ, И мальчику-сосъду скажетъ: «Слышь, Ваня, у меня, грачи, Давай мѣнять на калачи!»

И если тотъ пойметъ уловку И калачи побережетъ, Карпушка птицъ въ оврагъ швырнетъ И дастъ сосъду потасовку, А послъ прибъжитъ домой И плачетъ. Мать его ласкаетъ: «О чемъ же ты, голубчикъ мой?» — Ванюшка, — сынъ ей отвъчаетъ: — Моихъ грачей закинулъ въ ровъ И надавалъ мнъ тумаковъ.

И долго росъ онъ безъ заботы, Покуда вздумалось отцу Отдать наслёдника къ купцу... Тутъ мелкихъ плутней обороты Карпушка тонко изучилъ. Купецъ помощника хвалилъ: — Торговецъ ловокъ, не зѣваетъ, Продастъ — руки не замараетъ. И малый точно не зѣвалъ: Карманъ свой плотно набивалъ. Межъ тъмъ отецъ его скончался; Пошла и мать за старикомъ Въ сырую землю. Сынъ остался Одинъ. Поссорился съ купцомъ И, наконецъ, его оставилъ, Снялъ лавку, дегтю накупилъ, Лопатъ и лыкъ понавалилъ, Женился, дворъ кругомъ оправилъ И домикъ заново покрылъ. Но счастье не далося въ руки: Легко нажитый капиталъ Въ три года онъ проторговалъ, И запилъ съ горя и отъ скуки... Искать мъстечка — стыдъ большой! Искать ръшился, — отказали... А ремеслу не обучали. Подумалъ и махнулъ рукой: Тьфу, чортъ возьми! Да что за горе! Авось безъ хлѣба не умру! Пойду на рынокъ поутру, Такъ вотъ и деньги. Рынокъ — море, Тамъ рыба есть, умъй ловить, Небось достанеть, чѣмъ прожить... И съ той поры, лѣтъ тридцать сряду, Онъ всякой дрянью промышлялъ. И кулака весь городъ зналъ По разнымъ плутнямъ, по наряду И загорѣлому лицу; Онъ покупалъ ягнятъ, щетину, Пеньку и нитки, и холстину, Коня знакомому купцу, Овесъ и все, что попадалось И что надъялся онъ сбыть Другому съ выгодой. Случалось И попустому проходить На рынкъ съ ночи до разсвъта И, не поужинавъ, заснуть... Зато кулакъ умѣлъ блеснуть Подчасъ серебряной монетой. Когда, бывало, мужичокъ Цѣны съ товара не сбавляетъ, Онъ выхватитъ свой кошелекъ, На воздухѣ имъ помотаетъ И крикнетъ: «Ты вотъ посмотри! Въдь у тебя купецъ торгуетъ, Иной — алтынникъ, да надуетъ, А тутъ, братъ, денежки бери!»

Флагъ поднятъ. Ярмарка открыта. Безоблаченъ и жарокъ день Изъ ближнихъ селъ и деревень Народомъ площадь вся покрыта; Толпа безъ-устали кишитъ. Тутъ пестрота! въ глазахъ рябитъ! Понявы, кички, бисеръ, ленты, Сережки съ пухомъ, позументы, Раструбистые кафтаны, Рубашки, шапки, зипуны, Доска на шляпъ съ калачами, Съдой старикъ со связкой лыкъ, Со шпагой красной воротникъ, Все копошится за дълами!.. Въ рукахъ-то! Боже мой, товаръ — Щетина, гребни, веретена, Индъйки, перья, холстъ крученый, Безъ носа желтый самоваръ, На палкъ сапоги съ гвоздями... Тутъ смѣси! Въ лавкахъ напоказъ, — Приманка хитрая для глазъ — Развѣшенъ ситецъ полосами, Мотаются тесьма, платки, Развернутые кушаки И шали съ яркими цвѣтами; И каждый цвътъ глядитъ живьемъ Подъ жгучимъ солнечнымъ лучомъ. За лавками лотки, лопаты, Разсохи, улица горшковъ Колеса, лыки и ушаты И груды ведеръ и ковшовъ. Вотъ парень къ чашкамъ понагнулся Одну беретъ и обернулся,

Глядитъ, — и чашка передъ нимъ Сверкаетъ краемъ золотымъ. Стой! Давка! Спорятъ съ мужиками За клячу пѣгую купцы. И Лазаря поютъ слѣпцы, Сбирая мѣдными грошами Дань съ сострадательныхъ зѣвакъ. Ну, мимо! Чернью окруженный Подъемлетъ флагъ свой испещренный, Холстомъ обтянутый кабанъ, За нимъ какой-то шарлатанъ, Весь въ розовомъ, въ мишурныхъ блесткахъ Кривляясь бойко на подмосткахъ, Зоветъ въ свой грязный балаганъ Толпу веселаго народа — Смотръть на рожи обезьянъ И пляску кукольнаго сброда; А влѣво, на конѣ верхомъ, Труситъ цыганъ въ рубахѣ красной И божится: «А лжешь напрасно, Ему не двадцать лѣтъ, а пять! Жены, дътей мнъ не видать!..» Веселый говоръ, шумъ торговли. Визгъ поросятъ и дудокъ пискъ, И смѣхъ, и пѣсни, брань и крикъ – Все въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли Глядятъ на тысячи головъ, Какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ ¹¹.

Кулакъ на площади съ разсвѣта. Успѣлъ ужъ выпить, закусить, Купить два старыхъ пистолета

_

¹¹ Воронежскія ярмарки, происходящія на площадяхъ Базарной, Щепной и Конной, имъютъ совершенно сельскій характеръ.

И съ выгодой кому-то сбыть, Теперь близъ бабы загорѣлой Одѣтой въ бѣломъ зипунѣ, Онъ мечется, какъ угорѣлый, Упрямо споря о цѣнѣ За толстый холстъ:

«А ты, молодка, По сторонамъ-то не смотри, Твой холстъ, къ примъру, не находка... Почемъ аршинъ-то — говори!» — По гривнъ, я тебъ сказала, Вонъ и другіе такъ берутъ.— «Ну, вотъ, куда ты указала! Тамъ по три гроша отдаютъ». — И, що ты! Аль я одуръла! Да мнъ четыре за аршинъ Сулилъ какой-то мъщанинъ, И то отдать я не хотъла.

— Рыжеватъ. «Ну, такъ! Съ карманникомъ связалась Эхъ, дура! Ты не догадалась! Его ужъ потащилъ солдатъ, Поймалъ...»

«Онъ какъ собой-то?»

И съ бабою онъ спорилъ, Голубушкою называлъ, Разъ десять къ чорту посылалъ, И напослъдокъ урезонилъ, Изъ-подъ полы аршинъ досталъ, Разъ!.. разъ!.. и смърена холстина. «Гляди вотъ — двадцать три аршина». — Охъ-ма! Тутъ двадцать семь какъ разъ. —

«Что у тебя— иль нѣту глазъ? Аршинъ казенный. Понимаешь! Вотъ, на!— Не видишь?— два клейма…» — Да какъ же такъ?—

«Не довъряешь!»
— Я мърила, родной, сама
«Тьфу, гръхъ какой! Въдь я сумъю»
Безъ краденой холстины жить,
Глаза что ль ею мнъ накрыть,
Такъ я, къ примъру, крестъ имъю..»

И онъ подъ мышку положилъ Покупку. Въ кошелькъ порылся. Пяти грошей не доплатилъ И съ бабой весело простился. «Эй, голова! почемъ мука? Спросилъ онъ громко мужика. — Чего кричать-то попустому! Мужикъ съ досадой отвъчалъ: Ты, братъ, намедни покупалъ, Сказалъ — себъ, привелъ къ другому, А тотъ съ двора меня согналъ. Кулакъ смолчалъ и отвернулся, Прищурясь, поглядѣлъ вокругъ Пошелъ было въ толпу — и вдругъ Съ помъщикомъ въ очкахъ столкнулся. «Мое почтенье-съ, Климъ Кузьмичъ! Не купите ли, сударь, бричку? Отличный сортъ!»

— Ба, ба! Лукичъ! Ты не забылъ свою привычку? Попрежнему торгуешь всѣмъ? «Что дълать! Сами посудите,

Я тоже хлъ́бъ, къ примъ́ру, ъмъ... А бричка дешева-съ! купите!»
— Нъ́тъ, я на бричку не купецъ... Не попадется ль жеребецъ? Вотъ не найду нигдъ, — мученье! А нуженъ къ пристяжнымъ подъ шерсть. Караковый.

«Есть, сударь, есть....
Порода — просто удивленье!»
— Онъ не съ порокомъ ли, Лукичъ?
Ты плутъ естественный, я знаю.
«Нѣтъ-съ, извините, Климъ Кузьмичъ, Я васъ съ другими не сравняю.
Тутъ случай, сударь. Дворянинъ, Къ примѣру, въ карты проигрался.
Весь, какъ въ пуху, въ долгахъ. Остался У бѣдняка рысакъ одинъ.
Ну, конь! Ей Богу, заглядѣнье!
Вотъ недалеко, сударь, домъ, Коли, угодно завернемъ, Посмотримъ».

— Сдѣлай одолженье... А помнишь ли купилъ ты мнѣ Собаку какъ-то по веснѣ? «Плохонька развѣ?»

— Околѣла Не взялъ бы чортъ знаетъ чего! «Охотиться не захотѣла, Поможемъ, сударь... Ничего! Охъ, тутъ вотъ есть у офицера Собака, кличку-то забылъ... Вчера денщикъ и говорилъ...

Ну, и животное, къ примъру! Брось въ воду гривенникъ, — найдетъ! Вотъ вамъ купить-то...»

— Радъ душою, А для чего жъ онъ продаетъ? «Что дълать станете съ нуждою Наслъдство дядя объщалъ, А при смерти не завъщалъ. Ъсть нечего... Семья большая...» — А, вотъ что! баринъ отвъчалъ И, гибкой тросточкой играя, Поглядывалъ по сторонамъ И напъвалъ: «тири-тарамъ!..»

V.

«Я говорилъ вамъ недалеко», Кулакъ помѣщику сказалъ И съ мезаниномъ домъ высокій Аршиномъ бойко указалъ. «Вонъ кучеръ... рыжая бородка! Конюшни что ли не видалъ? Поди сюда!.. Заковылялъ... Эхъ ты, утиная походка. Что баринъ дѣлаетъ?»

— Пьетъ чай. «Потише ротъ-то разѣвай... Пьетъ чай! Не кучеръ ты, — дубина! Вишь лѣнь и шляпу приподнять, Гвоздемъ прибита?»

— Можемъ снять... «Ну, то-то можемъ... Эхъ, дътина!

Поди, намъ покажи пока Продажнаго-то рысака, Вишь ковыляетъ... вотъ потъха! А знаете ли, Климъ Кузьмичъ (Лукаво продолжалъ Лукичъ), Сноровка дѣлу не помѣха, Ему на водку надо дать; Вѣдь, и дуракъ подчасъ годится, Я знаю, онъ не постыдится При сдълкъ барину сказать, Что нашъ-де конь вамъ не подходитъ, И кормъ-де въ прокъ ему нейдетъ... Ей Богу-съ! Этотъ хамскій родъ Господъ частенько за носъ водитъ». — Все смыслишь, баринъ отвъчалъ И кулаку полтинникъ далъ. Старикъ смолчалъ и торопливо Пошелъ въ конюшню, кнутъ схватилъ, Въ карманъ полтинникъ опустилъ И молвилъ кучеру: «ну, живо!» — Да что, статья не подойдетъ: Съ запаломъ конь-то, зареветъ. «Ты не крути, держи умиѣе. А ну-ка, дорогой рысакъ. Держись, дружокъ! Вотъ такъ! Вотъ такъ, Тсс! прр! на дворъ его скорѣе!»

И бъдный конь черезъ порогъ Вдругъ сдълалъ бъшеный скачокъ Глазами дико покосился И началъ землю рыть ногой... Кулакъ назадъ посторонился: Вишь, дескать, бойкій сталъ какой! Помъщикъ подошелъ. Рукою Коня по шеъ потрепалъ,

И съ лоскомъ — гривою густою Полюбовался, холку взялъ, Поправилъ на бокъ. Осторожно Ощупалъ ноги, мышки, грудь И молвилъ: надобно взглянуть На зубы. «Оченно возможно», Плечистый кучеръ отвъчалъ И зубы рысаку разжалъ. «Э, конь-то молодой, три года, Лишь сталъ окраины ронять. А ну, нельзя ли пробѣжать? — Стой! Стой! Да, недурна порода!» «Вы не забудьте, что рысакъ, — Сказалъ вполголоса кулакъ. — Да вотъ идетъ и самъ хозяинъ. Мое почтенье-съ...»

— Погоди!

Твое почтенье впереди... — Замѣтилъ коренастый баринъ, Въ халатѣ съ трубкою въ зубахъ, Въ сафьяныхъ желтыхъ сапогахъ. И, шаркнувъ лѣвою ногою, Два пальца Клима Кузьмича Пожаль онъ жилистой рукой И забасилъ: «Рублю съ плеча, Безъ церемоній докладаю: Скобѣевъ, здѣшній сторожилъ. Въ комиссіи подъ лямкой былъ, Теперь въ отставкѣ прозябаю... А вы, почтеннѣйшій?»

— Лукинъ.

Помѣщикъ.

«Стало, дворянинъ;

Имѣете и родовое?»
— Да, было... есть, да небольшое. «Служили гдѣ-нибудь?»

— Въ полку.

«Не захотѣли?»

— Надоѣло.

«Ну, въ штатскую! съ перомъ за дѣло. Въ тепло! А въ тепломъ уголку И благодать васъ не забудетъ...» — Да лѣнь беретъ и нѣтъ нужды. «Ха, ха, люблю! А если будетъ?» — Ну, поневолѣ за труды. «Какъ водится. Пока свобода... Не правда ли?»

— Покуда такъ. А дорогъ ли у васъ рысакъ? «Четыреста... Одна порода Дороже стоитъ».

— Можетъ-быть. Нельзя ли сотню уступить? «Я не торгашъ, предупреждаю... Четыреста давно даютъ, Прійти хотѣли и — придутъ...» Все вретъ, кулакъ подумалъ, знаю... И молвилъ: «я и приводилъ». — Молчать! — Скобѣевъ перебилъ. «Я не обидѣлъ васъ словами, Какъ знаете: я сторона... Не дорогая, молъ, цѣна, Я вотъ что...»

И кулакъ руками Развелъ съ досады: вишь, хитритъ! Меня-то чѣмъ онъ наградитъ?.. Я разомъ кончу... И украдкой Шутя помъщику сказалъ: «Скобъевъ пятится, сплошаль!» Лукинъ стоялъ въ недоумѣньи, Поглядывалъ на рысака: Картина-конь! — на кулака. Кулакъ былъ въ страшномъ нетерпѣньи: Усами шевелилъ, мигалъ, Къ карману руки прикладалъ... Не прозъвай, молъ, что ты смотришь! Покаешься, да не воротишь! Мнѣ что! я не желаю зла! И сдълка кончена была...

«Покупку спрыснемъ? Надо, надо! Скобъевъ весело басилъ: Да, да! Ахъ, чортъ возьми! досада... Жена на ярмаркъ... забылъ! Ключи-то увезла съ собою...» Вонъ, подъ окномъ она сидитъ, Кулакъ подумалъ: экой жидъ! — Извольте деньги. Пусть за мною Ведутъ коня...

«Да какъ же быть, И не хотите покурить?»
— Благодарю васъ. Нѣтъ желанья. «Ну, извините. До свиданья». Лукинъ къ воротамъ повернулъ И кулаку рукой махнулъ. «Цѣлковый за труды... довольно?»
— Довольно-съ..

«А Скобѣевъ — скотъ! Онъ, кажется, свиньей живетъ!» — Свиньею-съ... То-то вотъ и больно. На карты прочитъ.

«Гм!.. Когда жъ Ты о собакѣ знать мнѣ дашь?» — Порою часъ въ торговлѣ дорогъ... Пойдемте, сударь... Я готовъ». — Теперь, я занятъ...

«Мы съ двухъ словъ!..» — Нельзя. До завтра. Срокъ не дологъ... Прощай покуда до утра.

VI.

«Ну, слава Богу! съ плечъ гора! Кулакъ подумалъ: развязался! Вотъ покупатель-то попался! Вѣдь, съ виду смотритъ молодцомъ: Очками, тростью щеголяетъ И на спинъ колпакъ съ махромъ, Чортъ знаетъ для чего, таскаетъ; А хорошенько разберешь — Выходитъ такъ себъ... какъ глина, Что хочешь изъ нея сомнешь. Эхъ, плачетъ по тебѣ дубина! Добру сумѣла бъ научить, Да некому дубиной бить... Не то дуракъ... развѣситъ уши И слушаетъ да въритъ чуши: Вотъ тутъ, молъ, баринъ оплошалъ. Продулся въ карты, задолжалъ... Какъ разъ! ему и проиграться?

Да онъ удавится за грошъ...»

— Эй, старый хрѣнъ! Кого ты ждешь? Пора въ-свояси убираться, — Съ крыльца Скобъевъ забасилъ Кулакъ за козырекъ хватился, Картузъ подъ мышку положилъ, И молвилъ: «ну, сударь, трудился!.. Весь лобъ въ поту».

— Утрись возьми.

«Утремся, баринъ... Я дѣтьми За вашу клячу-то божился, Не грѣхъ за хлопоты мнѣ дать». — Я бъ безъ тебя сумѣлъ продать; Взялъ съ одного, ну, знай и мѣру. А много заплатилъ Лукинъ? «Съ него возьмешь! Хоть бы алтынъ!.. Такая выжига, къ примѣру». — А врешь!

«Не времъ, безъ барыша; И въ насъ, сударь, не паръ, — душа».
— Ха, ха, душа! Оно и видно...
Я бъ далъ, — нѣтъ мелочи въ дому
«Да не шутите, сударь, стыдно!..»
— Молчать! не то я ротъ зажму!
«Благодаримъ! не вы ли сами
Просили вашу клячу сбыть?»
— Вѣдь, далъ Лукинъ? ты съ барышами:
Ну, и довольнымъ надо быть.
«Хоть рубль-то дайте...»

— Чести много!.. Пожалуй, на вотъ четвертакъ. «Себѣ возьмите, коли такъ. Эхъ, баринъ, не боишься Бога!» — Я говорилъ тебѣ, молчать! «Потише, можно испугать... Онъ четвертакъ, къ примѣру, вынулъ... Вишь умникъ, — дурака нашелъ!..» И свой картузъ кулакъ надвинулъ, Съ досады плюнулъ — и ушелъ.

Прохлада. Часъ зари вечерней. Въ туманъ прячутся деревни, И все темнъй, темнъй вдали. За пашнями, изъ-подъ земли, Выходитъ пламя полосами И начинаетъ, тутъ и тамъ, Краснъть по темнымъ облакамъ, По синевъ надъ облаками; И смотришь, — неба сторона Виситъ, въ огнъ потоплена. Здѣсь просо, дремля, зеленѣетъ, А тамъ вонъ, на краю небесъ, Насупился сердитый лѣсъ; Едва примътный, онъ синъетъ Вотъ словно туча приплыла И въ полѣ ночевать легла. Соха на пашнѣ опочила: Дорога ровная мертва... Вдругъ началъ перепелъ: вва, вва! И замолчалъ.

Но пыль покрыла Весь городъ. Съ ярмарки народъ Вдоль улицъ весело снуетъ. Стучатъ пролетки. За шарманкой Мальчишки съ хохотомъ бъ́гутъ,

Дразня жида. Слѣпцы идутъ; У нихъ и споръ и перебранка. Шумитъ толпа у кабака, Подъ бойкій топотъ трепака. Вотъ звуки пѣсни пронеслися Все громче, громче... У воротъ Кухарки, кучера сошлися И сплетничаютъ про господъ. Отсталый жеребенокъ ржетъ; За нимъ мужикъ бѣжитъ съ арканомъ... Въ домахъ блеснули огоньки... Вотъ стукъ сторожевой доски Послышался, и ночь туманомъ Притихшій городъ залила, И свѣчи на небѣ зажгла..

Кулакъ въ свой домикъ возвращался... Онъ шелъ одинъ, — безъ картуза, Вращая мутные глаза, И сильно въ стороны шатался, И вслухъ несвязно бормоталъ: «А вамъ-то что?.. Вы что такое? Вишь, умники!.. Ну, погулялъ! Вѣдь, на свое!.. не на чужое! Что, Климъ Кузьмичъ, каковъ рысакъ! Съ запаломъ. Ну, впередъ — наука! На то, къ примъру, въ моръ щука, Чтобъ не дремалъ карась... Да, такъ! Ты върилъ на слово... И ладно! Выходитъ дѣло, ты и глупъ! А мив-то что? Мив не накладно, Мнѣ благо, что купецъ не скупъ. Э!.. А собаку-то, пріятель?.. Молчишь... Сердитъ за рысака... Да! ты теперь не покупатель...

И не нуждаются пока! Да гдъ я?.. Что за чертовщина! Постой-ка, осмотрюсь кругомъ...

Я помню, отъ угла мой домъ Четвертый... Экая причина! Дай сосчитаю... вотъ одинъ, Другой и третій... больше нѣту... Тутъ пустошь и какой-то тынъ... Да какъ же прежде пустошь эту Я здѣсь ни разу не видалъ? А! понимаю... догадался! Я въ улицу не ту попалъ, Выходитъ дѣло, заплутался...»

Добравшись до дому съ трудомъ
Лукичъ на лавку опустился,
И крупной бранью разразился,
Объ столъ ударя кулакомъ:
— Стой! Смирно! Эй, Арина!
Постель готовь мнѣ на полу...
Ты, дочка, что стоишь въ углу!
Картина, стало, а? Картина?
Ты, значитъ, дочь! Должна разуть!
Вотъ такъ... не рви! ослабь маленько...
А сапоги-то не забудь
Помазать саломъ хорошенько.

VII.

Веселый день сіялъ давно, Когда кулакъ отъ мухъ проснулся; Зѣвнулъ, лѣниво потянулся И настежь отворилъ окно. Старушка, стоя передъ печкой Рубила свеклу острой сѣчкой Въ корытцѣ. Желтый самоваръ, Подъ потолокъ пуская паръ, При свѣтѣ солнца красовался Передъ окномъ среди стола И, грѣя чайникъ, потѣшался: То, какъ рабочая пчела, Жужжалъ, минуты не смолкая, То, будто жукъ, гудѣлъ баскомъ Сердито. Чашки вытирая, Сидѣла Саша за столомъ...

Старикъ припоминалъ неясно, Что бунтовалъ вчера напрасно, Водою освъжилъ лицо И плюнулъ: «Экое винцо! Тошнитъ! Вчера я поздно Пришелъ?»

— Да! молвила жена. «А смирно легъ?»

— Такой-то грозный! Шумълъ, шумълъ... «Подай вина!» Тутъ Саша на глаза попалась... Бъда! наслушалась всего... Спасибо въ садъ она прокралась, Не то...

«Не помню ничего...
Молитесь съ Сашею-то Богу:
Къ намъ сваха, можетъ-быть, придетъ».
— Опять на старую дорогу!
Ты видишь, дъвка слезы льетъ.
И-ихъ, старикъ!

«И-ихъ, старуха! Не забывается сосъ́дъ. Въ̀дь, я сказалъ, къ примъру, нъ̀тъ! Ну, — плеть не перебьетъ обуха, И кончено!»

— Они давно Другъ другу нравятся...

«Вѣстимо! Ты съ дочкой-то своей родимой На всѣ проказы заодно».

«Неправда», Саша отвъчала «И нътъ, и не было проказъ: Въ тюрьмъ росла-то, да отъ васъ То въ садъ съ постели убъгала, То забиралась на чердакъ, Вотъ и вся радость!»

«Такъ-то такъ... Выходитъ — узелъ не развязанъ: Кто уступить кому обязанъ? Ты — умница, отецъ — дуракъ, За то, что кормитъ...»

Дочь молчала

И плакала.

— Твой чай простылъ, Старушка дочери сказала. — Пей. Сашенька!

«Ей чай не милъ. Сгубилъ сосъ́дъ твою голубку. Поплачь и ты: оно подъ стать». И не спѣша набилъ онъ трубку, Потомъ огонь сталъ высѣкать. «Посмѣйтесь, весело покуда!» Сквозь слезы говорила дочь: «Когда я вырвуся отсюда? Не жизнь тутъ, — каторга, точь въ точь! Взяла бы вотъ глаза закрыла, Да, смерть, знать, горькую, забыла».

«Гм!.. гдѣ это табакъ лежалъ, — Отецъ спокойно отвѣчалъ: — Сырой какой-то...» — Я не знаю. «Слышь, — дочкѣ-то не до того, Подай хоть ты, старуха, чаю. Жиденекъ, ну, да ничего». — И-ихъ, старикъ! побойся Бога! Сосѣдъ не пьяница, не мотъ, Работникъ, и семьи немного. А въ церковь-то когда придетъ...» И вдругъ старушка потерялась, Какъ будто грома испугалась. «Что тамъ?» промолвилъ мужъ.

— Ну, такъ! Я нонѣ въ церковь-то сходила, А просвиру и позабыла Съѣсть передъ чаемъ, натощакъ. «Тъфу ты, къ примѣру? Ну, Арина, Я думалъ... просто, вонъ изъ рукъ». — Зачѣмъ плюешь-то старичина? «Не видишь? — духъ нейдетъ въ чубукъ... Стой! кто-то въ ворота стучится... Ужъ не жидовка ли опять Сюда съ бѣлилами тащится?

Вотъ я ей!..

— Перестань кричать! Пусти, я выгляну въ окошко, Не сваха ли твоя, Лукичъ... Ой, сваха! некому опричь! Прибрать бы горенку немножко... Бъда... Все валится изъ рукъ. Старикъ! надънь скоръй сюртукъ... И горя нътъ: стоитъ, ни съ мъста! «Ну, струсили! Вотъ пусть невъста Уйдетъ на время... это такъ,

А я не попаду впросакъ».

VIII.

Дверь заскрипѣла, отворилась, И гостья, кашляя, вошла. Святымъ иконамъ помолилась И чуть не въ поясъ отдала Поклонъ хозяину съ хозяйкой. На гость быль нарядь простой: Покрытый синею китайкой Шушунъ, кокошникъ золотой, Подарокъ бабушки богатой, Да сарафанъ, съ кого-то взятый За сватанье. Широкій носъ Украшенъ острою горбиной; Взглядъ смътливый и ястребиный На красныхъ въкахъ капли слезъ (Старушка головой страдала И вѣчно клѣтчатымъ платкомъ Глаза больные протирала).

«Челомъ вамъ, золотые, бъемъ!

Здоровы ли, мои родные? Ну, жаръ! насилу доплелась! Да пыль отъ вътру поднялась, Измучилася, золотые!» — Садись-ко, матушка, садись, Сказалъ Лукичъ: вотъ чашку чаю...

«Давай, родной. Уста спеклись. Шестой десятокъ доживаю, Насилу бродишь... ну, и жаръ!» — Долей, Арина, самоваръ. Привътимъ гостью дорогую, Чъмъ Богъ послалъ.

«И-и, родной!
Привѣть хоть ласкою одной.
Да потрудись на рѣчь простую
Мнѣ, глупой бабѣ, отвѣчать».
— Изволь, послушаемъ, въ чемъ дѣло....
«Кажись, вамъ времечко приспѣло
Живой товаръ свой съ рукъ сбывать....
Есть у меня купецъ, — не знаю,
Хорошъ ли будетъ онъ для васъ...»
— А, понимаю, понимаю,
Товаръ, къ примѣру, есть у насъ,
Да кто купецъ-то?

«Таракановъ...» Такъ! отъ него-то я и ждалъ! Лукичъ подумалъ и смолчалъ. «Пенькой торгуетъ въ балаганахъ, Мукою, батюшка, овсомъ. Имъетъ, знаешь ты, свой домъ... А ужъ, красавецъ!.. И бровями И свътлорусыми кудрями, —

Всѣмъ взялъ, хоть въ рамку, золотой!»
— Намъ красотой не любоваться,
А былъ бы съ умной головой,
Умѣлъ бы дѣломъ заниматься —
Вотъ это лучше красоты! —

«Охъ, батюшка, ума палата! А домъ-атъ, поглядѣлъ бы ты, Ужъ нечего, не наша хата... Пять комнатъ, батюшка, просторъ! На окнахъ, сударь мой, гардины, Въ простънкахъ разныя картины, А дворъ-то; что это за дворъ! Кругомъ дубовые амбары И лѣсъ старинный, прочный лѣсъ! Въ одномъ углу большой навъсъ... Въ амбарахъ всякіе товары: Что, золотой, и говорить, Добра возами не свозить!» — Ну, тутъ прикрасы не у мъста Ты о приданомъ рѣчь веди. «Рѣчь о приданомъ впереди; Для жениха нужна невъста. Ее онъ видѣлъ гдѣ-то разъ, Да на вотъ! Кругомъ закружился! И хлѣба, золотой, лишился, И ночью не смыкаетъ глазъ. Все ею грезитъ. Да и миъ-то Совсѣмъ покою не даетъ: Тутъ мочи нѣтъ, а онъ придетъ, Все умоляетъ: какъ бы это Сходила ты къ невъстъ въ домъ, Поговорить съ ея отцомъ?» — Ну, да, однако что же надо? «Такъ что-нибудь, хоть для обряда Четыре головныхъ платка,
Ну-съ — три-четыре перстенька.
На шею жемчугу три нитки
(Да, золотой мой, безъ поднизки!),
Салопъ на бѣличьемъ мѣху,
Сукна на чуйку жениху,
Три шали, восемь платьевъ новыхъ,
Кровать, комодъ и самоваръ,
Ну-съ... чайныхъ чашекъ пять-шесть паръ
И денегъ, сударь, сто цѣлковыхъ...»
— Выходитъ дѣло, не взыщи:
Съ приданымъ этакимъ, гдѣ знаешь,
Иную дѣвушку ищи.

«И, золотой, ты обижаешь! Дай намъ невъсту поглядъть, А тамъ ръшенье женихово: Онъ можетъ свой расчетъ имъть... А то, вошла, сказалъ: «здорово», Присъла, — и отказъ готовъ». — Ну, да! Вотъ эта ръчь умнъе... Не постоимъ изъ пустяковъ. Смотрушки завтра. Попозднъе Прошу покорно вечеркомъ Пожаловать къ намъ съ женихомъ.

«Всенепремѣнно. Ваши гости... Повѣришь ли, что я скажу: Состарились мои всѣ кости, Лѣтъ тридцать свахою хожу И счетъ-то свадьбамъ потеряла, А и доселѣ, мой родной, Всѣ, для кого я хлопотала, Осталися довольны мной... Кому какой таланъ отъ Бога.

Зато, куда, въдь, не придешь, И ласку и хлѣбъ-соль найдешь... Однимъ нехорошо немного; Иные выжиги за трудъ По уговору не даютъ... Ну, имъ и достается горько: Начнешь по городу звонить, То тѣмъ, то семь ихъ обносить — И свадьба врозь! да мнѣ-то только Отъ нихъ, проклятыхъ, барыша!» — Охъ, свашенька, моя душа, Хозяйка, сморщившись, сказала: Не грѣхъ отъ этакихъ затѣй? «И, нѣтъ! родная, я слыхала (Старшой мой сынъ-атъ грамотей, Надъ Библіей и засыпаетъ!) За око — око! Вотъ, вѣдь, что! Коли тебя обидълъ кто, Не кланяйся, — не подобаетъ!»

— Вишь, мать моя! Ну, мой старикъ На рынкъ, знаешь, все хлопочетъ, Вонъ святцы есть, — читать не хочетъ: Я къ дълу; говоритъ, привыкъ, Отъ книгъ намъ прибыли немного. Такое горе! Отъ того И я не знаю ничего, И согръшаю противъ Бога... Порою случай припадетъ Что сдълать доброе, — боюся: А ну-ка, молъ, я ошибуся И это къ худу поведетъ... Вотъ тутъ ума и не приставишь: Подумаешь, да все оставишь.

Лукичъ любилъ потолковать И у него вплоть до обѣда, Со свахой длилася бесѣда: Дочь надо замужъ выдавать Умно; дескать, смотри тутъ въ оба, Тутъ думу думай, не шутя. Не шапка, — кровное дитя; Дашь промахъ разъ, — бѣда до гроба. Но сваха не была плоха: Да, да! разсказывай, молъ, сказки! И не жалѣла яркой краски, Рисуя бойко жениха.

IX.

Ръчь свахи даромъ не пропала: Ей дочь хозяйская внимала, Въ сѣняхъ за дверью притаясь, Едва дыша, не шевелясь. Подслушивать — дурное дѣло! Вес это пошло, устаръло, Наружу вызвано давно, Разъ тысячу повторено; Но пошлость, видно, плодовита: Не вырвешь съ корнемъ, все растетъ! Приноситъ тайно и открыто, Налитый ядомъ, горькій плодъ; Бича насмъшки не боится, Ты шагъ впередъ — она у ногъ, И гадиною шевелится... Зачѣмъ? Откуда? Видитъ Богъ! Тутъ Саша не подозрѣвала Дурного ровно ничего, — Къ двери ли ухо прикладала, Иль сплетничала про кого,

Кому какое было дѣло
Ей съ малолѣтства докучать:
Вотъ это черно, это бѣло....
И для чего? ну, что за стать!
Сидѣть за варежкой, шить платье,
Да понимать въ стряпнѣ расчетъ —
Вотъ были важныя занятья!
Предметъ родительскихъ заботъ.
— Расти, дитя, на волю Божью!
Созрѣетъ дикій кустъ травы...
Посмотришь, — и холодной дрожью
Охватитъ съ ногъ до головы...

Ну, что ты, бѣдное созданье, Въ сѣняхъ украдкою стоишь? Твой домъ — тюрьма, житье — страданье. Сама безъ-умолку твердишь. Женихъ хорошъ, живетъ исправно, Ты будешь вдоволь ѣсть и спать, Сидѣть въ теплѣ, ходить нарядно, За что же сваху проклинать? Сосѣда любишь, горе мучитъ? Отецъ упрямъ, отецъ разлучитъ... Тоска въ груди гнѣздо совьетъ, Съ ума безсонница сведетъ...

Не оскорбляй святыни сердца! Любовь свята: не оскорбляй! Въ лицѣ — весна, душа младенца, Въ крови огонь, во взглядѣ рай Она идетъ, — и небомъ вѣетъ, Нечистый помыслъ прочь бѣжитъ, Сырой тюрьмы окно свѣтлѣетъ, Среди зимы тепло стоитъ Въ груди, въ минуты сладкой муки,

Живой воды ключи кипятъ, И свътъ, и тънь, цвъты и звуки Понятно сердцу говорятъ. Нътъ, смыслъ иной въ твоей печали, Инымъ ты въчно занята. И въ міръ любви тебъ едва ли Отворитъ время ворота.

«Вотъ жениха-то отыскала», За дверью Саша горевала: «Ну, сваха! Онъ, дескать, богачъ!.. Вотъ и молчи тутъ и не плачь... Уродъ какой-нибудь да скряга, Ъстъ лукъ да тюрю по постамъ... А! Таракановъ!.. Тъфу, ты, срамъ! И видно дрянь! Сосъдъ-бъдняга Хоть изъ себя-то молодецъ... У батюшки своя, вишь, думка, А дочь, молъ, что!.. Дороже рюмка! Все называется отецъ».

И полъ скрипучій проклиная, На цыпочкахъ переступая, Она прокралась по сѣнямъ Къ крыльцу, съ крыльца на дворъ, а тамъ Въ зеленый садъ.

Въ саду прохлада И шумъ. Кусты поразрослись, Поспутались, переплелись, Непроницаемой оградой Нависла надо рвомъ сирень, Кидая на дорожки тѣнь. Какъ снѣгомъ, бѣлыми цвѣтами, Усыпанъ вишенникъ густой.

Тутъ яблоня, тамъ надъ плетнями Бурьянъ, покрытый воробьями; Тропинка межъ травы густой. Вонъ стволъ березы серебрится, Она пряма и высока, Отъ вътра шапка шевелится, И вдаль протянута рука. Въ травъ кузнечикамъ забота — Звенятъ, безъ-устали куютъ, Богъ въсть желъзо гдъ берутъ; Тутъ по цвътамъ у пчелъ работа, Тамъ смотришь, дятелъ прилетитъ, Обь иву носомъ застучитъ.

Но вотъ и Саша... Торопливо Къ плетню сосъдскому идетъ. Сама рукой нетерпъливой То сломитъ вътвь, то отведетъ Упрямы вътви! не пускаютъ: За платье, за плечи хватаютъ И бьютъ, чуть вслухъ не говорятъ: «Куда! куда! — ступай назадъ! Изъ-за чего заторопилась?» Плетень все ближе. Онъ увитъ Весь хмелемъ. Саша наклонилась И хмель раздвинула, — глядитъ: Дворъ пустъ, и только посрединъ Блеститъ стекло на желтой глинѣ... Одна насъдка подъ крыльцомъ Усердно дѣломъ занималась: Въ сору съ цыплятами копалась, Да хрюкалъ боровъ подъ плетнемъ... «Знать, подождать сосъда надо...» Она подумала съ досадой И опустилась на траву...

Глядѣла долго на листву, Вокругъ ромашку обрывала И напослѣдокъ задремала.

Χ.

Кулакъ на рынкъ. Тихъ весь домъ. Отъ мухъ. покрытая платкомъ, Старушка кръпко почиваетъ, И котъ съ ней рядомъ на полу; Одна пчела не умолкаетъ, Скользя по гладкому стеклу. Тоскуетъ Саша — ей не спится: Сосъда нътъ, пока не ждатъ. Работать, — праздникъ, не годится: Въ окно прохожихъ наблюдать? Оно пріятно и нетрудно, Да не теперь; кругомъ безлюдно. Одинъ исходъ помочь тоскъ — Пройтися за водой къ ръкъ.

Прогулка, скучная, конечно. Когда въ водъ и нужды нътъ По надоъстъ и дома въчно Глядъть въ окно на бълый свътъ. У бъдной дъвушки-мъщанки Не веселъ праздничный денекъ. Порою зимней, у лежанки, Смотря на яркій огонекъ. Она на картахъ погадаетъ, Съмянъ подсолнечныхъ возьметъ, Пошелушитъ, — и день смеркаетъ, Обычный ужинъ настаетъ. Но время лътомъ страшно длится! Подруги въ гости къ ней нейдутъ,

Заснуть приляжешь, ей не спится: То жаръ, то мухи не даютъ. Идетъ бъдняжка за водою. Подругу встрътитъ на пути, Ну, какъ тутъ ръчи не найти! Знакомый лавочникъ порою Отвъситъ поясной поклонъ, И день отрадно проведенъ.

Полдневный воздухъ жаромъ пышетъ, На небъ нътъ ни облачка; Съ открытой грудью спитъ, не дышитъ Въ постели свътлая ръка; На берегу бълъетъ камень, Онъ бълъ, какъ снъгъ, горячъ, какъ пламень; За бълымъ камнемъ грачъ сидитъ, Крыло повисло, клювъ раскрытъ... Подъ пылью пестрою толпою Идутъ коровы къ водопою: Усталый, щелкая кнутомъ, Пастухъ тащится босикомъ. Приладивъ пузыри подъ мышки, Шумя, купаются мальчишки, И брызги въ сторону летятъ, Отъ солнца искрами горятъ. А върно мать ихъ, въ юбкъ красной, Оттерла самоваръ пескомъ И смотритъ: вонъ, дескать, какъ ясно, Блеститъ, какъ золотцо, кругомъ!..

Вотъ камень. Саша отдохнула. Все нътъ подругъ! И тутъ тоска, Песокъ, мальчишки да ръка... Воды студеной почерпнула — И оглянулася: ну, вотъ!

Откуда онъ? Сосѣдъ идетъ.

Сосъдъ-столяръ высокъ и строенъ, Не очень смуглъ, не слишкомъ бълъ, Веселый взглядъ его спокоенъ И простодушно твердъ и смълъ, Опрятенъ казакинъ изъ нанки Рубашка красная чиста, Не въ тяготу ему рубанки И не въ кручину бъднота.

«А! за водою приходила? Ну, что отецъ?.. Бъда прошла? Обрадуй!.. Върно упросила...» — Я три часа тебя ждала... «Въ саду?.. Да тутъ старикъ скончался, За мной прислали чуть лишь свътъ... Жена голоситъ: гроба нътъ! Я приготовить объщался, И посидълъ тамъ. Жаль до слезъ! Спасибо есть готовый тесъ... Такъ, стало, туча миновала?..» — Ну, да! — И Саша разсказала О свахъ.

«Вѣсть не хороша! Неужто все, моя душа, Пропало?»

— Батюшка-то воленъ, Не переспоришь! Онъ сказалъ, Чтобъ ты двора его не зналъ... «Вотъ человѣкъ. Упрямствомъ боленъ! Вѣдь за тобою у него Не требую я ничего.

Я бѣденъ: этого боится?
Такъ мой верстакъ не залежится;
Пока не высохнетъ рука,
Я не останусь безъ куска...
Проси его!.. Авось уступитъ...»
— Да какъ просить-то? Чѣмъ помочь?..
«Какъ Бога умоляй! Ты — дочь...
Другой на рынкѣ онъ не купитъ...
Ты знаешь, я не говорунъ
Божиться — не божусь: не лгунъ,
А будешь ты моей женою,
Не то что за тебя въ нужду,
Или на трудъ ночной порою
Я прямо въ полымя пойду».

У Саши щеки запылали, Богъ знаетъ, глубоко ль запали, Ей въ душу рѣчи бѣдняка, Или, какъ говоръ вѣтерка, По соннымъ листьямъ пробѣжали, И снова листья сонъ объялъ, Какъ скоро вѣтеръ замолчалъ... Она стыдливо отвернулась, Слезу обтерла, улыбнулась, И отвѣчала, что «умретъ, А за другого не пойдетъ».

XI.

Смеркалось. Съ трубкой закуренной И разгоръвшимся лицомъ, Упрямствомъ Саши разсерженный, Кулакъ сидълъ передъ окномъ, И думалъ думу. Дочь металась Въ постели, вся въ жару, въ тоскъ;

Старушка, съ рюмкою въ рукѣ, Къ больной тревожно наклонялась И говорила: «Перестань! Ну, полно охать-то! привстань! Вотъ уксусъ. Дай-ка, я немного Тебѣ затылокъ помочу».

— Не приставайте, ради Бога! — Дочь отвѣчала: — не хочу! «Вотъ закоснѣлое упрямство!» Сказалъ отецъ: «невмочь терпѣть! Иль встать? и я найду лѣкарство — Ременную, витую плеть».

— Богъ съ вами! Я вамъ надоѣла... Вамъ Таракановъ дорогъ...

— Да!

Вонъ мътитъ дъвка-то куда, Не такъ, къ примъру, заболъла! Ты постыдилась бы людей! Или отецъ-атъ твой злодѣй? Иль я со зла тебя морочу? Ну, для кого я хлопочу, Кому свое добро-то прочу?.. Да что тутъ!.. Лучше замолчу. Нътъ, съ бабами не сладишь скоро, — Съ досадою онъ разсуждалъ: — Какъ на пожарѣ я кричалъ. Поди въдь, не окончилъ спора; За косы взяться? Визгъ пойдетъ, И жаль! Постой — я знаю средство, Оно вреда не принесетъ. Эхъ-ма! достался мнѣ въ наслѣдство Отъ батюшки талантъ худой! Промолвилъ онъ, махнувъ рукой... И самъ-то радости не видѣлъ,

И дочери, знать, въ горѣ жить... Ну, Саша! послѣ не тужить! Не говорить: «старикъ обидѣлъ». Ты — умница, ну, такъ и такъ, Выходитъ дѣло — я дуракъ. Не буду спорить, Богъ съ тобою! А вспомнишь всѣ мои слова. Когда пойдешь ходить съ сумою, Разумная ты голова».

— У васъ всегда однѣ догадки. Мнѣ къ бѣдности не привыкать, Я стану шить, вязать перчатки...

«А мужъ начнетъ пилить, стругать, Тамъ явятся, глядишь, дътишки, И дъвочки и ребятишки, И повалится въ домъ казна! Живи, какъ въ маслѣ сыръ, катайся! Капустой, миской толокна Въ семьъ, какъ хочешь, подъляйся. Одежда и въ расчетъ нейдетъ: Она къ вамъ съ неба упадетъ». Вамъ только!.. смѣйтесь надо мною... Вотъ участь-то! Въ углу родномъ Живу постылой сиротою: Не скажутъ слова мнѣ добромъ! Молитву-то читать учили, Не такъ читала, — розгой били!.. Я отъ чужого не таюсь, Съ отцомъ поговорить боюсь, Я приласкаться къ вамъ не смѣю...

«Какъ быть-то! я не виноватъ, Что нравомъ крутъ... я самъ не радъ.

Въдь, я люблю тебя, жалъю... Мнъ развъ хочется кричать! Тутъ, кажется, ослу понятно, Ну, что жъ, къ примъру, мнъ пріятно За нищаго тебя отдать? У столяра одна избенка, Казны ни гроша; мать — бабенка Сварливая, всегда ворчитъ: Ей и святой не угодитъ. А Таракановъ — смѣтливъ, ловокъ, Богатъ, торговый человѣкъ; Онъ надаритъ тебъ обновокъ До свадьбы-то на цѣлый вѣкъ! Теперь коня, вишь, покупаетъ Для молодой, дескать, жены, Не тронь, — катается, гуляетъ... Не знаешь людямъ-то цѣны, Да вздоришь... Вотъ она причина!»

«Ахъ, Саша!» молвила Арина: «Не спорь, дружочекъ, съ старикомъ, Я принуждать — не принуждаю, Да по себъ сужу и знаю, Какъ тошно жить за бъднякомъ... И ослушаться гръхъ и стыдно. Я дочерью сама была И по приказу замужъ шла, Такъ, стало, надо.

«Нынѣ, видно, Родителямъ-то старикамъ Почетъ, какъ старымъ сапогамъ...»

Старушка снова продолжала: «Послушайся, моя душа!

У насъ ты рукъ не покладала, Женихъ богатъ, ты хороша, Ты будешь куколкой рядиться, Въ саняхъ и дрожкахъ разъвзжать, Въ домахъ богатыхъ веселиться, Гостей почетныхъ принимать... Ты насъ порадуешь подъ старость, Ты наша дочка, наша кровь! Надежда ты моя и радость, Послушайся, не прекословь!..»

И Сашу крѣпко обнимала Старушка добрая. Она Была теперь убѣждена, Что дѣвушка не понимала. Какъ мало ждетъ ее добра Подъ бѣдной кровлей столяра.

«Идите сами на смотрушки. Не покажусь я никому», Дочь отвъчала: «я съ подушки Вотъ головы не подыму». И Саша охала, кръпилась, Больной до полночи была, Потомъ старушку обняла, Заплакала — и согласилась. «Давно бы такъ!» сказалъ отецъ: «Вотъ и не спорю, и конецъ!»

XII.

Мерцаютъ звѣзды. Городъ сонный Какъ будто вымеръ, такъ онъ тихъ, Сквозь сумракъ камни мостовыхъ Бѣлѣють смутно. Мѣсяцъ полный

Плыветъ. Онъ волю далъ лучамъ: По крышамъ лазятъ, по стѣнамъ; Одинъ въ окно слезу подмътитъ, Другой, какъ хитрый чародъй, Въ тюрьму проникнетъ безъ ключей И цѣпь колодника освѣтитъ; Неслышно церковь навъститъ Окладъ иконъ посеребритъ. Не зная страха и запрета, Войдетъ въ алтарь, осмотритъ полъ И скорбный ликъ Владыки свъта, И дерзко ляжетъ на престолъ. Иль въ чащу сада проберется, По темной зелени блеснетъ, Росинку на листъ найдетъ, — Росинка искрою зажжется. А городъ спитъ себѣ да спитъ... Порой по улицѣ широкой Пройдется сторожъ, постучитъ: Идетъ онъ молча, одиноко, А сзади тънь, на мостовой, Махаетъ какъ и онъ, рукой. Иль царской службой занесенный Въ урочный часъ подъ небеса, Спросонокъ инвалидъ смиренный Протретъ на каланчѣ глаза И съ разстановкой отъ бездѣлья, Посвишетъ въ дудку... Вонъ окно Вдали огнемъ освъщено. Кто тамъ не спитъ?.. Разгулъ веселья, Любовь ли, горе, иль порокъ, То знаетъ ночь одна да Богъ.

И ты, столяръ, въ своей постелѣ Не успокоился доселѣ! Лежить онь подлѣ верстака, Отдълкой гроба утомленный; Подушка — локоть обнаженный Подъ локтемъ — жесткая доска. Печально смотритъ мастерская; Смолистый запахъ изливая, Бѣлѣютъ стружки на полу, Сосновый гробъ стоитъ въ углу, Топоръ въ березовый отрубокъ Воткнулся носомъ; на стѣнѣ Чернъетъ старый полушубокъ, Пила блистаетъ на огнъ, Подъ образами, на скамейкъ, Въ потертой желтой душегръйкъ Сидитъ дородная вдова, Семьи сварливая глава, И молча карты раскладаетъ... Про сынинъ бракъ она гадаетъ; Но сбивчивъ глупый ихъ отвътъ: То выйдетъ — да, то выйдетъ — нѣтъ, Вотъ, напримъръ: печаль, дорога, Постель, больная, интересъ... Да тутъ и навыкъ не помога. Богъ знаетъ, просто — темный лѣсъ. Межъ тѣмъ съ гремушкою въ ручонкѣ, До вечера проспавшій днемъ, Въ штанишкахъ, синей рубашонкѣ, По стружкамъ скачетъ босикомъ, Ея сынишка краснощекій, И православныхъ избъ жилецъ, Извъстный на Руси пъвецъ — Сверчокъ стрекочетъ одиноко Подъ печью.

«Вотъ», сказала мать:

«Вотъ, пиковый король... постылый Онъ твой злодъй, мой Вася милый! Посмотришь, свадьбъ не бывать, Ни, ни!., я прежде это знала: Намедни, помнится, во снъ Жемчугъ да бисеръ я низала, И доведется плакать мнъ».

Сынъ улыбнулся беззаботно Провель рукой по волосамъ И промолчалъ. Не въря снамъ, Онъ върилъ Сашъ безотчетно. Конечно, въра — все для насъ: Въ ней золъ святое примиренье, Да разувъришься подчасъ! Порой разумное творенье, Бываетъ такъ измельчено, Запачкано, искажено, Что, право, надобно полвъка Его съ любовью изучать Затъмъ, чтобъ душу человъка Подъ этой грязью отыскать. Столяръ избъгъ подобной встръчи. Онъ росъ въ нуждѣ, пилилъ, стругалъ, Не человъка наблюдалъ, Но помнилъ онъ отцовы рѣчи И выросъ съ вѣрою въ добро: «Вотъ видишь, это серебро», Ему отецъ, бывало, скажетъ И въ головѣ своей сѣдой На кудри жесткія покажеть: «Отъ нуждъ и горя, мой родной Все это нажито до срока: Да, коли честно ты живешь, И нътъ на совъсти упрека, —

Все хорошо! И свътъ хорошъ, И будетъ ласковъ людъ съ тобою; Коли обидятъ — промолчи, Не гнъвайся! Не будь судьею! Ты пуще вотъ себя учи...»

Не такъ себъ, для наставленья, Твердилъ о совъсти старикъ, То не были и строки книгъ, Плоды избитаго ученья: Живою книгой самъ онъ былъ. Изъ жизни слово выносилъ. Зародышъ книга уронила, Смерть навсегда ее закрыла, И въ ящикѣ она лежитъ, Надъ нею крестъ святой стоитъ. Но сынъ окрѣпъ. Съ нуждою злою, Какъ умный мужъ съ дурной женою, Безъ шума ладить онъ умѣлъ, Безъ щей оставитъ, — все терпълъ. Не тутъ ты выросъ, дубъ тѣнистый, Могучей силь, какъ твоя, Просторъ бы нуженъ, воздухъ чистый, Не эта крыша и семья, И не съ твоей душой и мочью, О Сашъ думать темной ночью, Да глушь кругомъ, да въ сердцѣ жаръ... Эхъ, бъдный, бъдный мой столяръ!

«Мнѣ то досадно, — мать сказала, — Что кулаку я уважала! Давно ль жена его у насъ Брала утюгъ, дескать, на часъ, Три дня держала, — я ни слова!.. Я подѣлиться, молъ, готова Съ сосъдомъ. Сальную свъчу Взаемъ «на красной горкъ» взяли И до сихъ поръ не отдавали... Ништо... покуда помолчу, А если насъ онъ одурачитъ, Я за себя не поручусь. Ни-ни! я такъ съ нимъ расплачусь, Что любо!»

— Это ссора, значитъ, Отвътилъ сынъ: изъ-за чего? Безъ шума дѣло обойдется. — «Какъ свистнешь, такъ и отзовется... Я не боюся никого! Мнъ эдакъ дорогъ твой кулакъ, Что вонъ немытая тряпица... Ну, Саша, точно, не въ него, Скромна, работать мастерица, Умомъ-то... правда, ничего. Ахъ, Вася! я и не спросила: За гробъ-атъ много ли ты взялъ?» — Да такъ себъ... Не въ этомъ сила, Покойника-то я въдь зналъ. Чудакъ! Онъ жилъ въ своемъ домишкѣ, Такъ въ старой мазанкъ. Ходилъ Зимой и лѣтомъ въ халатишкѣ, Щегловъ, чижей, синицъ ловилъ... Бывало, раннею зарею Въ лѣсъ проберется съ западнею Да съ сътью, — холодъ нипочемъ! Разставитъ съть, а съ птицей клътку Повъситъ, знаешь ты, на вътку И насторожѣ за кустомъ Дрожитъ въ снъгу... Одну заботу, Покуда кончился, имѣлъ:

«Охъ-ма! не въ пору заболѣлъ! Теперь вотъ въ лѣсъ бы... на охоту...» Кончаться сталъ, какъ закричитъ: «Жена! пусти на волю дѣтокъ!»

«Какихъ тамъ дѣтокъ? говоритъ.
«Моихъ-то вотъ, моихъ... изъ клѣтокъ!»
«Какихъ на свѣтѣ нѣтъ людей!
И твой отецъ чудилъ не мало,
Да скоро бросилъ. Все, бывало,
Шестомъ гоняетъ голубей,
Тѣ, знаешь, съ крыши встрепенутся,
Куда! подъ облака взовьются...
Ему-то радость. Вверхъ глядитъ,
А самъ свиститъ, а самъ свиститъ!»
— Охота не укоръ. Намъ стыдно
Тревожить кости старика...
Слышь, Ваня, хочешь молока? —
«Нѣтъ, братецъ...»

— Покормили видно Ну, хорошо. Сюда поди; Игрушку брось. Пора молиться. Смотри же, братъ, не торопиться. Ты крестъ, какъ надобно, клади. —

И вотъ дитя перекрестилось Огонь головку освътилъ: Мать позади остановилась, Столяръ молитву говорилъ:

> Прости, Господи, Меня гръшнаго И весь міръ прости! Вразуми меня Своей мудростью,

Научи меня
Всему доброму!
Помяни мою
Мать-кормилицу!
Помоги въ нуждѣ
Брату бѣдному,
И родителю,
Рабу Пимену,
Мѣсто свѣтлое
И покойное
Уготовь. — Аминь.

— Ну, вотъ спасибо! — братъ сказалъ И на руки ребенка взялъ. — Со мною ляжешь спать?

«Съ тобою»

— А съ матушкою?

«Не хочу!» И крѣпко розовой щекою Припалъ онъ къ братнину плечу.

XIII.

Смотрушки искони — забота, Хозяйки съ трепетомъ ихъ ждутъ, — Чуть не весь день кипитъ работа: Метутъ, и моютъ, и скребутъ. Едва блеснувшій лучъ разсвѣта Засталъ Арину на ногахъ; Она была совсѣмъ одѣта И грѣла воду въ чугунахъ. Старушка ставней не открыла И въ горенкѣ, какъ тѣнь, ходила, Тревожить шумомъ не хотя Всю ночь не спавшее дитя. Вотъ утро. Саша не гуляетъ, Нъмой тоской подавлена, И молчалива и блѣдна, Она посуду вытираетъ Сборъ разныхъ чашекъ, пузырьковъ, Графины, рюмки и бутыли Изъ царства темноты и пыли Пришли омыться отъ грѣховъ. Звенять они, другь дружкѣ вторять: Ну, что, молъ, если невзначай Изъ рукъ да на полъ насъ уронятъ? И шкапъ и мы навѣкъ прощай! Теперь поламъ пора мученья: Водой облитые кругомъ Они выходять изъ терпѣнья, Скрипятъ подъ краснымъ кирпичомъ. А подъ окномъ на въткахъ ивы И крикъ, и споръ нетерпъливый У любопытныхъ воробьевъ. «Смотрите, молъ, мытье половъ, Возня, тревога... дѣло худо! И котъ вонъ тутъ! Скорѣй отсюда!» И птицы дружно поднялись, И вдаль въ испугъ понеслись.

Лукичъ былъ тоже озабоченъ: Всталъ рано, чуть не на зарѣ Замѣтилъ, что заборъ не проченъ, Двѣ щепки поднялъ на дворѣ И отдалъ въ кухню на топливо, — Хозяйствомъ грѣхъ пренебрегать Онъ зналъ, что надо терпѣливо И неусыпно собирать Добро домашнее. Бывало,

Когда домой идетъ не пьянь, Что подъ ноги ему попало — Подкова, гвоздикъ — все въ карманъ. Прошелся по саду отъ скуки, На яблонъ червей сыскалъ И, снявъ ихъ, про себя сказалъ: «Ахъ, вы, анаеемскія штуки. Не давитесь чужимъ добромъ!..» И, наконецъ, покинулъ домъ. На перекресткъ помолился На церковь, нищей поклонился. Откуда, чья она — спросилъ И грошъ ей въ чашку положилъ, — Не по любви и состраданью Къ подобному себъ созданью, Онъ просто върилъ, что Господь За подаяніе святое Ему сторицею пошлетъ... Желанье, кажется, благое И не убыточный расчетъ. Купилъ на площади торговой Осенней шерсти два мѣшка У горемыки-мужика; О всходѣ ржи и гречи новой Потолковалъ съ нимъ напередъ И крѣпко побранилъ господъ: «Народъ, молъ, да! работай втрое, Изъ жилъ тянись, имъ все не въ честь!» Мужикъ былъ тронутъ за живое, Заговорилъ, забылъ про шерсть: Вотъ то, дескать, и то... и въ праздникъ... «Такъ! трудъ чужой кладутъ въ бумажникъ», Лукичъ, нахмурясь отвѣчалъ И, въся шерсть, на рубль укралъ Домой пришелъ съ двумя узлами;

Тамъ были булки съ кренделями, Орѣхи, сладкіе стручки, Изюмъ и Сашѣ башмачки «Вотъ, Саша, на... Ты поскромнѣе При женихѣ себя веди, Что спросятъ, отвѣчай умнѣе, — Болваномъ, значитъ, не сиди».

Всѣ стулья заняты гостями: Смотрушки въ горенкъ давно. Румяный, съ русыми кудрями, Женихъ сидитъ подъ образами, И говоритъ. Оживлено Собранье. Женщины толкуютъ, Что оплошалъ гостиный рядъ Товары завалью глядять, Купцы безсовъстно плутуютъ, На шаляхъ мало пестроты, На ситцахъ блѣдные цвѣты Двѣ-три старушки вспоминаютъ О сарафанахъ съ галуномъ, О серьгахъ съ крупнымъ жемчугомъ И прихоть моды обвиняютъ. Хозяинъ судитъ съ женихомъ О разныхъ отрасляхъ торговли, О недостаткъ рыбной ловли Въ ихъ городъ и сознаетъ, Что Таракановъ рѣчь ведетъ Разумно. Скромная невъста Два раза поднималась съ мъста Гостей сластями обносить И свой нарядъ перемѣнить. Женихъ и мать его съ роднею, Переглянувшись межъ собою, Привстали чинно, не спѣша,

И молча потянулись въ сѣни Для приговора и сужденій — Была ль невѣста хороша? Кулакъ въ углу шепталъ съ женою, Съ дороднымъ кумомъ и кумою, Дочь выслалъ въ кухню напередъ: Теперь, молъ, торгъ у насъ пойдетъ. Но вотъ, съ гостями сваха входитъ. Поклонъ, другой — и рѣчь заводитъ: «Ну, батюшка, товаръ хорошъ! Купца похвалишь ли, не знаемъ». — Ты честь товару отдаешь, И мы купца не обижаемъ. Расчетъ въ приданомъ?

«И, родной!

Не просимъ лишняго».

— Постой! Твой разговоръ, къ примѣру, красенъ. Ты слушай вотъ что: я согласенъ Салопъ и все... а жемчугу И денегъ дать я не могу...

Безъ жемчуга дойдетъ до дома... Онъ думалъ: трудно безъ заема. —

«Нѣтъ нѣтъ! копеечки одной Мы не уступимъ, золотой!»
— А я и нитки не прибавлю... —
И закипѣлъ упрямый споръ.

«Пустъйшій, значить, разговорь», Сказаль женихь: «я все поправлю! Дочь ваша, смъю доложить, Не то что, да-съ!.. Ей-ей, безъ лести! Извольте насъ благословить, Коли я нравлюсь ихней чести... А деньги — пыль-съ...»

— Выходитъ рокъ... Жена! утирку и платокъ! —

Старушка, плача, суетилась, Невъста снова появилась, Подносъ у матери взяла И жениху, съ боязнью тайной, На немъ подарокъ обручальный, Глаза потупивъ, подала: Женихъ утерся имъ легонько, Невъстъ, молча, возвратилъ. Утерлась и она.

«Ну, только, Теперь Господь васъ съединилъ», Съ поклономъ сваха имъ сказала И поцълуемъ приказала Обрядъ закончить, рядомъ състь И полюбовно ръчи весть.

Подруги Саши не лѣнились, Пришли на зовъ и въ тишинѣ Гостямъ, краснѣя, поклонились; Краснѣя, сѣли въ сторонѣ И пѣли пѣсни, не смолкали, Пока слезами не согнали Румянца яркаго со щекъ... И скажутъ — слезы не порокъ!

Бесѣда весело кипѣла,

Женихъ невъсту цъловалъ. Вино лилось. Кулакъ плясалъ. Его жена помолодъла: Покачивая головой, Она въ ладони ударяла И мърно топала ногой. Невъста молча разсуждала, Что Таракановъ очень милъ: Одътъ пестро, лицомъ пріятенъ И въ обхожденьи деликатенъ... Межъ тъмъ женихъ ей говорилъ: «Вы танцы любите?»

— Танцую.

А вы? —

«Да какъ бы вамъ сказать, Ногами вензеля писать Мнъ некогда-съ. Въдь я торгую». — Вы курите? —

«Ни Боже мой! И не къ чему. Расходъ пустой». — Зимой катаетесь?

— «Бываетъ, На сырной... это нечего-съ! Вотъ жалко, вздорожалъ овесъ; Конь, знаете, не понимаетъ, Что жерновъ — мелетъ Божій даръ». — Скажите! —

«Да-съ! Вотъ самоваръ Въ семействъ нуженъ. Не скрываю: Съ ребячества привыкъ я къ чаю, Сначала просто пью, потомъ Употребляю съ молокомъ. Есть, знаете, своя корова... Вы вяжете чулки?»

— Вяжу,

И шью, и бисеромъ нижу. — «Позвольте, это нездорово, О бисеръ я говорю. Низать нехорошо для зрънья». — Я кошелекъ вамъ подарю... — «Своей работы?»

— Безъ сомнѣнья. —

«Чувствительно благодарю».

Усердной пляской утомленный, Кулакъ забился въ уголъ темный И, щурясь, бормоталъ сквозь сонъ: «Не надо! Убирайтесь вонъ...» — Прощайте, батенька, прощайте! — Женихъ съ улыбкой отвъчалъ И руку Лукичу пожалъ. «Ты что за птица?»

— Угадайте! — «Подай свъчу... Вотъ такъ... не знаю; Столяръ, что ль? Нътъ, онъ не таковъ...» — Я Таракановъ, Глъбъ Петровъ. — «А! вспомнилъ, вспомнилъ, понимаю... Ну, поцълуй меня... вотъ такъ!.. А я ей Богу не дуракъ, И Саша вотъ дитя родное... Мнъ, значитъ, жаль... Продумалъ ночь... И столяры, и все такое. А ты, въдь, можешь мнъ помочь?..

На совъсть, честно поторгую! И ты, выходитъ, чуть сплутую...» Женихъ за дверью былъ давно. Не замолкалъ кулакъ равно.

XIV.

Бѣлѣетъ утро. Надъ домами Дымъ коромыслами встаетъ. — Съ всклокоченными волосами Выходитъ дворникъ изъ воротъ Зѣвая, чешетъ грудь, затылокъ И лѣзетъ ставни открывать. Бѣжитъ бѣгомъ съ ключомъ на рынокъ Мальчишка-лавочникъ, а мать Въ окно кричитъ ему спросонокъ: «Не ты дыни, постртленокъ, Побереги ты свой животъ». Плетется нищій стороною, На костыляхъ съ пустой сумою, А вотъ семинаристъ идетъ: Ротъ калачомъ набитъ, подъ мышкой Тетрадь съ изорванною книжкой. — Постой, кутейникъ, погоди! — Голоситъ баба позади, Таща баранину сырую: — Вотъ я-те, я-те, поворую, Я дамъ тебъ, какъ лазить въ садъ! — Торговка, трубочистъ, солдатъ, Купецъ, корысти недоступный, Маляръ, чиновникъ неподкупный, Снуютъ, встръчаются, спъшатъ; Пойдетъ обычная работа! Иной и не успѣлъ уснуть: Всю ночь промучила забота —

Получше ближняго надуть.

Столяръ сидитъ съ нѣмой тоскою, Поникъ кудрявой головою, И не поетъ его пила: Кручина руки отняла. Шубенкой матери покрытый, Его братишка, какъ убитый, Лицомъ къ стѣнѣ на лавкѣ спитъ, И неразлучная игрушка, Его любимая гремушка, У ногъ забытая лежитъ. Дверь настежь, — и вдова вбѣжала, Съ усильемъ духъ перевела, Руками бойко развела И вскрикнула: «Не угадала! Нътъ, карты, батюшка, не лгутъ... Вотъ твой Лукичъ-то! Вотъ онъ плутъ! О-охъ, родимые, устала! Дай сяду... Охъ, терпѣнья нѣтъ! Отдѣлали! Хорошъ сосѣдъ!» — Нельзя ли, матушка, безъ шуму? He весело и безъ того. —

«Ну, славно, славно! ничего! Сиди вотъ сиднемъ, думай думу, А Сашка-то исподтишка Вонъ подцѣпила женишка... Сейчасъ съ нимъ у воротъ прощалась, Ужъ цѣловалась, цѣловалась... Ну, ну! Безстыжіе глаза! Да что, вѣдь: на меня взглянула И головою не кивнула. А! каково! не чудеса!..» — Да ладно! Мнѣ-то что за дѣло? —

«Благодарю! благодарю! Ну, извини, что надовла И не у мвста говорю. Нвть двла! Думаешь не штука... Съ тобою матери-то мука: Двчонкой, дурой проведень! Понравилась! околдовала! Вишь роза! гдв и расцввтала!» И мать съ досады вышла вонъ...

Ей нужды было очень мало, Что сынъ невъсту потерялъ, Да самолюбіе страдало: Сосъдъ, бъднякъ — и отказалъ! Обидно! — главная причина. И оскорбленная вдова Сердилась на себя, на сына, На цѣлый свѣтъ. Она едва Кота полѣномъ не убила За то, что въ кухиѣ захватила Его надъ чашкою съ водой; Котъ замяукалъ, какъ шальной, Шарахнулся на дворъ, оттуда Въ садъ Лукича и тамъ пропалъ. Вражды сосъдственной покуда Несчастный котъ не понималъ.

Услышавъ вечеромъ случайно У Лукича напѣвъ печальный, Столяръ провелъ безъ сна всю ночь. Кого винить? Отца иль дочь? Въ догадкахъ темныхъ онъ терялся, Сидѣлъ, ходилъ по мастерской, Бродилъ и по двору; порой Въ постелю жесткую кидался

И вскакивалъ, или на мигъ Безъ нужды зажигалъ ночникъ. Неужто Саша не любила?.. Женихъ богатъ... ее просила, Быть-можетъ, на колѣняхъ мать, — И дочь не смѣла отказать: Отцу, быть-можетъ, покорилась: Старикъ проклятьемъ угрожалъ, Не разъ прибилъ, съ двора сгонялъ... Но истина теперь открылась: Онъ мелькомъ видълъ изъ окна, — Его сосъдка не грустна. — Такъ вотъ какъ ты меня любила, Шутила шутки надо мной, Отца упрямаго винила! А я и в фрилъ всей душой!.. Эхъ, Саша, Саша!.. —

И тоскливо Глядѣлъ онъ на широкій дворъ, Поросшій жгучею крапивой, На кровли, на чужой заборъ, И смутно передъ нимъ мелькали Его прожитыя лѣта, Перенесенныя печати, Сызмала трудъ и нищета, О домѣ, о семьѣ забота, О Сашѣ думы по ночамъ! Бесъды съ ней по вечерамъ, Отца тяжелая работа За верстакомъ по смертный часъ И при смерти его наказъ — Жить мирно, честно, помнить Бога. Вся обыденная тревога, Все, что давно ужъ пронеслось,

Закопошилось, поднялось, Клещами за сердце схватило... И свътъ туманомъ позакрыло. Столяръ промолвилъ: «экой вздоръ!» И кулакомъ глаза утеръ, И со двора пошелъ безъ цѣли. Погода ясная была. Дулъ вътерокъ. Колокола Неумолкаемо гудъли: То церковь-мать дѣтей звала... Столяръ на церковь помолился, Подумалъ, твердою ногой Переступилъ порогъ святой И у столба остановился. Народу нътъ. Окладъ иконъ Лучами солнца освъщенъ. Нѣмые лики смотрятъ строго, Свѣчей затеплено немного; Подъ сводомъ сумерки лежатъ, Двѣ люстры на цѣпяхъ блестятъ; Съдой священникъ у престола, Молясь, чело склонилъ до пола; Поютъ о Богѣ голоса... Но видятъ столяра глаза Одно: съ простертыми руками, Прибитый острыми гвоздями, Нагой, съ поникшею главой, Колючимъ терномъ увитой, Недвижный, кровью истекая, Весь правда и любовь святая, Посланникъ Божій, въ высотъ, Къ Отцу отходитъ на крестѣ. Бъднякъ весь вздрогнулъ, страха полный; Какъ затихающія волны, Смолкала въ немъ души печаль;

Міръ уходилъ куда-то вдаль, Огонь охватывалъ все тѣло, И вдругъ на крестъ онъ взглянулъ смѣло, Забылъ сосѣдку, мать и домъ, — И слезы хлынули ручьемъ.

XV.

Со дня помолвки измѣнился Невъсты скромный уголокъ; Въ немъ съ утра до ночи тъснился Веселыхъ дъвушекъ кружокъ. Ихъ занимало на досугѣ; Шитье приданаго подругѣ, Мелькнувшій мимо пѣшеходъ, Подъ вечеръ пѣсни у воротъ, Порою сновъ истолкованье, Чужая жизнь — бѣда и грѣхъ, Въ саду горълки и гулянье, Но больше смѣхъ, невинный грѣхъ! Такъ онъ однажды разразился, Когда, измоченный дождемъ, Въ лохмотьяхъ грязныхъ подъ окномъ Калѣка-нищій появился И милостыни попросилъ Разбитымъ голосомъ. Случалось, И вечеринка собиралась, Вотъ тутъ-то тратилось бѣлилъ, Румянъ, и мыла, и помады! Тутъ было въ домѣ хлопотни, Веселыхъ шутокъ, бѣготни, Невольной зависти, досады! Но трудъ не даромъ пропадалъ: Съ иными гость потанцовалъ И, продавая рукавицы,

Толкуя утромъ съ мужикомъ, Воображалъ другія лица И думалъ вовсе о другомъ. «Зѣвай, зѣвай!.. Смотри порядкомъ! А нынче гдѣ ты ночевалъ?» Кричалъ хозяинъ за прилавкомъ. — Чего-съ? На съновалъ спалъ. — Двъ скрипки, въ домъ освъщенье, Конфеты, стукъ отъ каблуковъ. Учтивый говоръ молодцовъ: «На счетъ того-съ... мое почтенье... Вы роза, да-съ! Ей-ей! Богъ святъ!» Вотъ вечеринка. — Виноватъ... — Порой веселые зъваки Сквозь стекла съ улицы глядятъ, Хохочутъ и гостей бранятъ; Межъ тѣмъ сосѣднія собаки Бътутъ въ тревогъ къ воротамъ И поднимаютъ страшный гамъ.

Быть-можетъ, Саша и грустила О столярѣ въ иные дни, Но, къ счастью, минули они; Она разумно разсудила. Что глупо о пустомъ жалѣть, Немудрено и заболѣть, И крѣпко на себя сердилась За то, что встрѣтиться стыдилась Съ сосѣдомъ. Что, дескать, мнѣ онъ? И стыдъ былъ скоро подавленъ. Она обновки примѣряла, Или по городу гуляла Съ подругами и женихомъ. Однажды сумасшедшихъ домъ — Большое каменное зданье —

Къ себъ привлекъ ея вниманье. «Огромный домъ-съ», сказалъ женихъ: «Войдемте, взглянемъ на больныхъ; Оно пріятно, ради скуки». И Саша съ робостью вошла, Но долго быть тамъ не могла. — Смѣшно, молъ, очень. Что за штуки! — Твердила дъвушка потомъ: — Кто связанъ, эдакъ вотъ, ремнемъ, Да чушь-то, чушь-то, какъ городятъ! — «Нътъ-съ, — Таракановъ отвъчалъ: — Я сумасшедшаго знавалъ — Тотъ все угадывалъ отлично... Бывало, дичь несетъ, несетъ, Подчасъ и слушать неприлично, Да вдругъ такой намекъ ввернетъ, Что просто... да-съ! ей-ей! Чудесно! Даръ, значитъ, все ему извъстно».

«Бѣда! раздумывалъ кулакъ: Вотъ остается четвертакъ Да грошъ... Заемъ не удается; Ну, если свадьба разойдется? Родится жъ этакой народъ, — И подъ залогъ никто не въритъ! Изъ-за чего онъ только лжетъ, Идетъ на подлость, лицемъритъ... Сказалъ бы прямо: деньги есть, Не про твою, къ примъру, честь, — Такъ нѣтъ! И щедрымъ притворится, И на слова не поскупится... — Помочь я радъ, дескать, душой... Поводитъ за носъ день-другой, Помучитъ болтовней, разспросомъ: На что, молъ?.. и отправитъ съ носомъ: Свои-де нужды, извини... — Вотъ богачи-то! Вотъ они! Чортъ знаетъ... или попытаться... Пойти къ Скобъеву!.. Въдь жидъ, Просить не стоитъ... и сердитъ. Мнъ, правда, что! — равно шататься... Уважитъ — ладно, поклонюсь; Толкнетъ — по-свойски разочтусь». И черезъ часъ проситель скромный, Онъ у Скобъева въ пріемной Съ лакеемъ-мальчикомъ шепталъ: «Что, дома баринъ?»

— Тсс... не всталъ. — «А скоро, думаешь, проснется? — — Вотъ-вотъ... не кашляй! —

«Отчего?»

— У насъ за это достается. — «Такъ! Этотъ завтракъ для него?» — Да, колбасу ъстъ передъ чаемъ. — «Всегда?

Случается — балыкъ И ветчину. Вишь, какъ привыкъ; Здорово, стало.—

«Понимаемъ.

Ну, а жена его смирна?»
— Ништо. Да какъ-то все больна;
Тоскуетъ, книжки все читаетъ,
Поетъ да грустно таково,
А баринъ этимъ попрекаетъ.
«Дътишки есть?»

— Ни одного. —

«А вонъ въ гостиной чья дѣвица?» Да самъ-атъ говоритъ — сестрица, А дворня говоритъ... ой-ой!... Проснулся, братъ! потише стой! Пока Скобъевъ всталъ, умылся. За колбасою посидълъ, Сигару выкурилъ, обрился И кончилъ чай, — кулакъ глядълъ На кресла, зеркала, картины, На свътлый, выкрашенный полъ. На складки бълой парусины, Одъвшей люстру, и на столъ Съ часами въ бронзовой отдълкъ, И думалъ: вишь понакупилъ! Выходить, быль въ своей тарелкѣ, Когда въ комиссіи служилъ. «А, грубіянъ! зачѣмъ явился?» Входя, Скобъевъ забасилъ И на диванъ развалился... «Эй, Васька! Трубку! Ну, зачѣмъ?»

— Что, сударь, обнищалъ совсѣмъ. Просваталъ дочь, нужна помога, Цѣлковыхъ этакъ сто взаемъ; Я заложилъ бы вамъ свой домъ... Не откажите, ради Бога! — «Просваталъ дочь... а что она Молоденькая, недурна?» И плотный баринъ улыбнулся. — Вы все изволите шутить; Тутъ горе, смѣю доложить. — «Да врешь! когда вашъ братъ горюетъ? Привыкъ къ бездѣлью, пьетъ вино, Да ѣстъ и спитъ, или плутуетъ,

И только. Знаю васъ давно».

— Всѣ люди грѣшные, конечно...
Я заплачу вамъ черезъ годъ,
Проценты вычтите впередъ...
Ей-ей, васъ не забуду вѣчно! —
«Процентовъ на сто — двадцать пять!»

— Да это, сударь, разоренье! —
«Ха, ха! я думалъ одолженье!
Шучу дуракъ! Я рукъ марать
Не стану».

— То-есть просять мало? — «Ну, да! и просить-то кулакь». — Смекаемъ, сударь... низко стало... Одътъ, къ примъру, я не такъ; Не то вы крикнули бъ, я знаю, Эй, Васька, принеси имъ чаю — «А хочется!» — Три раза пилъ, Въ четвертый васъ я бъ угостилъ Да не пойдете: горды больно. «Дуракъ!.. Пошелъ!..» — Пойдемъ. —

«Довольно,

Ступай же!..

— Выйду, говорю... За рысака-то вамъ дарю, Раздайте нищимъ... —

«Это видишь?» — Чубукъ хорошъ. —

«Ну, скоро выйдешь?..» — Съ двумя конпами... — «Такъ держись!» — Семенъ Ивановичъ пришли-съ! — Сказалъ лакей.

«Проси, чертенокъ! Нашелъ докладывать о комъ, Негодный!.. одурѣлъ спросонокъ?» И баринъ стукнулъ каблукомъ, Вскочилъ съ дивана, трубку кинулъ, Дверь кабинета отворилъ Къ столу два кресла пододвинулъ, Усѣлся съ гостемъ и спросилъ: «Вы изъ комиссіи?»

— Оттуда. — «Ну, что, идетъ ли нашъ подрядъ?» — Да, подвигается покуда, Подмазать надо, говорятъ... — «А, знаю... очень, молъ, пріятно... На вещи цѣну-то того... Вы понимаете?»

— Понятно. —

«Да не опасно ль?»

— Ничего. —

«А по бумагамъ безусловно Въ подрядѣ вы: я подъ судомъ».

— Какъ ваше дѣло въ уголовной? «Все, — слава Богу, — подъ сукномъ. Жаль нѣтъ войны: подряды мелки, Отъ мира мало намъ добра...»

— Нельзя сказать... —

«Все вздоръ, бездѣлки!

Нътъ, батюшка, не та пора»;

Кулакъ не очень торопился: Тутъ разговоръ. Онъ соблазнился; Его забыли. Кабинетъ Едва припертъ, лакея нѣтъ... Чего же лучше? Слушать можно, И онъ подслушалъ осторожно: «Держися, матушка-казна! Подрядъ, вишь, плохъ, нужна война... А гость-то!.. Царь ты мой небесный! Недавно въ кабакахъ сидълъ, Носилъ отрепье, плутъ извъстный! — Теперь подрядчикъ, фракъ надълъ... Вотъ кулаки-то!..»

Вылъ буйный вѣтеръ; дождь ливнемъ лился И громъ гремѣлъ. Лукичъ промокъ До нитки, посинѣлъ, продрогъ, На грязь и непогодь сердился И пробирался стороной, Согнувшись, въ обуви худой. На перекресткѣ онъ столкнулся Съ торговкой, что-то проворчалъ, Посторонился, поскользнулся, И чуть-чуть въ лужу не упалъ. Старуха, шамкая, сказала: «Хрѣнку, родимый, не возьмешь?» — Ну, ну, проваливай! пристала!.. Безъ хрѣну горько невтерпежъ... —

Межъ тѣмъ по улицѣ широкой Куда-то гнали въ путь далекій, Въ халатахъ сѣраго сукна, Толпу преступниковъ. Она Шла медленно, гремя цѣпями, Конвой съ примкнутыми штыками Ее угрюмо окружалъ, И барабанъ не умолкалъ. «Пошелъ народецъ на работку! Лукичъ подумалъ: да, ступай! Поройся тамъ, руды въ охотку И не въ охотку покопай... Добру ль сызмала не учили, Подросъ ли, люди соблазнили, Далъ волъ-матушкъ разгулъ, Въ разгулъ голову свернулъ... Есть грошъ, достать на подаянье... Поди, Скобъевы живутъ, Ихъ въ кандалы не закуютъ, Не отведутъ на покаянье... Ну, вотъ тебѣ, и взялъ взаемъ! Постой, постой!.. Вѣдь, этотъ домъ Купца Пучкова... Э, почтенный, Я про тебя и позабылъ! Пучковъ... да, я ему служилъ. Святоша, человъкъ смиренный, Мукой, къ примъру, торговалъ, Парчей, свъчами восковыми... Ну, такъ! руками-то моими Частенько жаръ онъ загребалъ... Зайти къ нему.

XVI.

Угрюмъ и проченъ Пучкова домъ. На кровлѣ тесъ Зеленой плѣсенью поросъ; Досками крѣпко заколоченъ Сосновый ставень кладовой.

Косматый сторожь, песь цепной, Въ конуръ дремлетъ у забора; Амбары въ сторонъ стоятъ, Ихъ двери отъ ночного вора Замки тяжелые хранятъ. Едва глядятъ лучи дневные Сквозь окна въ комнаты пустая: Хозяинъ не имѣлъ дѣтей И ръдко принималъ гостей, Но спальня съ желтыми стънами Свътла, опрятно убрана; Весь уголъ занятъ образами, Лампада въчно зажжена, Кровать накрыта простынею, И полонъ шкапъ церковныхъ книгъ, — Иныхъ терпъть не могъ старикъ И называлъ ихъ чепухою. Въ простѣнкѣ, трудъ давнишнихъ лѣтъ Виситъ на гвоздикъ портретъ Монаха съ черной бородою, Съ рукой, поднятой къ небесамъ, И надписью надъ головою: «Воспомяни, что узришь тамъ».

Проникнутъ думою святою Въ очкахъ, за Библіей большою Пучковъ, нахмурившись, сидитъ. Сюртукъ мерлушками подбитъ, Подстрижены усы съдые, Бородка жидкая длинна. Скулы торчатъ, глаза косые, Какъ мъсяцъ лысина ясна. Онъ жилъ съ ребячества трудами. Водилъ по ярмаркамъ слъпцовъ. Ходилъ искусно вверхъ ногами

За крендели зѣвакъ-купцовъ; Нѣмымъ, калѣкой притворялся; Для нищей братьи по ночамъ За «Еруслана» принимался. (Читать онъ выучился самъ.) Одинъ добрякъ, старикъ бездѣтный, Полубольной и безотвътный. Его за бойкость полюбиль, Одълъ и въ лавку посадилъ. Мальчишка взросъ, и за услугу Оставилъ нищимъ старика; Купецъ спился отъ горя съ кругу И умеръ подлъ кабака, Полночной вьюгою отпътый, — То быль простой, но горькій плачь; А трупъ, въ больницѣ отогрѣтый, Разсъкъ ножомъ ученый врачъ. Чужого золота наслѣдникъ, Пучковъ себя не уронилъ: Глядълъ смиренникомъ и былъ О чести строгій пропов'єдникъ; Не кушалъ рыбы по постамъ, Молился долго по ночамъ, Передъ нетлѣнными мощами Въ слезахъ колѣни преклонялъ, На церковь подавалъ грошами И грабилъ бѣдныхъ наповалъ. И странно! Плутъ не лицемърилъ: Онъ искренно въ святыню върилъ; Вѣдь, совѣсть надо очищать, Что дѣлать? Страшно умирать! Пучковъ объ адѣ начитался, И какъ же онъ чертей боялся! На полчаса вздремнуть не могъ, Три раза «Да воскреснетъ Богъ»

Не прочитавъ. Теперь, подъ старость, Оплакивалъ онъ грѣшный міръ, И говорилъ: вотъ наша радость! Указывая на псалтирь И Библію, хотя нимало То и другое не мѣшало Ему язвить исподтишка. И умнаго и дурака.

Кулакъ вошелъ. Сказалъ учтиво: Погода, молъ, дурна-съ, промокъ! Прибавилъ: грязно-съ! И умолкъ. Хозяинъ поглядѣлъ пытливо Закладкой книгу заложилъ, Зѣвнулъ, молитву сотворилъ И отвѣчалъ: «Да, дождъ сегодня: Все хорошо, все властъ Господня... Ты здѣшній?»

— Да-съ. Я мѣщанинъ, Слуга вашъ бывшій, Карпъ Лукинъ. «Какъ будто бы припоминаю. А впрочемъ, нътъ... едва ли такъ». — Я вотъ на-дняхъ просваталъ дочь... И разсказалъ Лукичъ, въ чемъ дѣло. «Гмм... жаль, что не могу помочь! Мое богатство улетѣло, Какъ дымъ въ трубу: все разошлось По добрымъ людямъ, да авось Промаюсь. Старъ... гляжу въ могилу, И время... Господи, помилуй!» — Нельзя ли, сударь, пожалѣть? Въдь, вы не върите, извъстно... Вотъ образъ, — заплачу вамъ честно! Безъ покаянья умереть

Коли солгу! —

«Зачѣмъ божиться?»
—Да тошно! Кажется, готовъ
Сквозь землю бъ лучше провалиться,
Чѣмъ этакъ вотъ изъ пустяковъ
Просить да мучиться напрасно... —
«Охъ, милый! Вѣрить-то опасно!
Иного ссудишь, да не радъ:
Уплаты нѣтъ, — я виноватъ,
Терпи, да жди... Придетъ, голоситъ,
А не послушаешь, — поноситъ;
Да вытянешь процентъ едва,
Вотъ нынѣ правда какова!»

Кулакъ и тѣломъ, и душою Божился честно заплатить, — Не могъ Пучкова убъдить; Онъ морщился, махалъ рукою: «Нѣтъ, не могу! Закладъ не тотъ: Твой домъ не каменный... нейдетъ». — Несытая твоя утроба! Ну, стало, голову мит снять И подъ залогъ тебѣ отдать?! Въдь ты вотъ-вотъ подъ крышку гроба — Кому казну-то ты копишь? — «Опомнись! съ къмъ ты говоришь?» — Съ тобою, старый песъ, съ тобою! Ты вмъстъ воровалъ со мною, Клади миѣ денежки на столъ, Дълись! Я вотъ зачъмъ пришелъ! — Пучковъ вскочилъ.

«И ты мнѣ смѣешь?..» — Кто? Я-то?.. Ты не подходи И въ грѣхъ, къ примѣру, не вводи, Убью! вотъ тутъ и околѣешь!

Купецъ позеленълъ. Нъмой, Грозя приподнятой рукой, Онъ въ мраморное изваянье Вдругъ превратился. Есть одно Востока чудное сказанье, Руси знакомое давно: Въ глуши таинственная сила Три дива на горѣ хранила. Столбомъ надъ почвою сухой, Вставалъ ключъ влаги золотой, Разумно птица говорила, И пъло дерево. Межъ скалъ Завѣтный путь туда лежалъ, Въ глушь не одинъ пройти пытался, Но по пятамъ текла гроза — Гремѣли громомъ голоса, Весь воздухъ кличемъ наполнялся, Смѣльчакъ запретъ позабывалъ: Лицо въ испугѣ обращалъ Назадъ, — и камнемъ оставался. На мигъ едва ли не таковъ Въ безсильномъ гнѣвѣ былъ Пучковъ.

Кулакъ захохоталъ. «Ну, что же? Ударь, попробуй!»

— Вонъ, злодъй! «Пойду, святоша... Правый Боже! И терпишь Ты такихъ людей! Прощай! Садись опять за книги, Копи казну, надънь вериги, — Все, значитъ, о душъ печаль...

А жаль тебя, ей Богу, жаль!» «Привелъ Господь считать пороги! — Кулакъ дорогой горевалъ И потъ холодный отиралъ. — Пойду. Дождешься туть помоги! — Гмм... Кулаку, дескать, дадимъ! И говорить-то стыдно съ нимъ! Ну, а вотъ эти, стало, святы? Набьютъ сундукъ чужимъ добромъ И вдругъ — банкроты, ни при чемъ! И этотъ чистъ, крючокъ проклятый — Ограбить матушку-казну, Деревню купитъ на жену? И тотъ, къ примъру, помнитъ Бога И судъ по совъсти творитъ; Съ перомъ присядетъ, поскрипитъ, — Богатый выйдеть изъ острога, Бъднякъ — въ невидимой винъ, И плеть засвищетъ по спинъ? И тотъ вонъ не торгуетъ честью: Межъ знатныхъ трется съ подлой лестью, Мѣшаетъ съ грязью мужиковъ... Да, мало ли насъ, кулаковъ! Кулакъ въ енотъ, въ полушубкъ, При саблѣ, въ золотѣ и юбкѣ, Γ дѣ и не думаешь, онъ — тутъ. Не мелочь, не грошевый плутъ, Не намъ чета: подниметъ плечи, Прикрикнетъ, — не найдешь и ръчи, Рубашку сниметъ, — все молчи... Господь суди васъ, палачи! А ты? къ примъру, въ горькой долъ На грошъ обманешь поневолѣ, — Тебя согнуть въ бараній рогъ. Бранятъ, и бьютъ-то, и смѣются...

А разживись я, — видитъ Богъ, Въ пріятели всѣ назовутся; Сплутую, — скажутъ: не порокъ... Тьфу! гадость!»

XVII.

Туча миновала; Прошла тревога кулака: Онъ отыскалъ ростовщика... Все благо! Саша промѣняла Родимый домъ на кровъ чужой, Она прощальною слезой, Его, какъ водится, почтила, Какъ водится и позабыла. Веселый свадьбы пиръ умолкъ, Утихъ о ней сосъдей толкъ. Угомонились пересуды, Всвояси гости разбрелись; Переколоченной посуды Въ домахъ осколки убрались. Кулакъ покоенъ: дни позора Онъ прожилъ. Полно плутовать: Ему поможетъ добрый зять, — Зятья надежная опора. Одна Арина у окна Сидитъ за варежкой грустна: Безъ Саши горенка скучнѣе, И время тянется длиннъе, И котъ тоскуетъ: спитъ въ углу. Не поиграетъ на полу Клубкомъ старушки. Чуть смеркаетъ, Она калитку запираетъ И съ робостью обходитъ дворъ, — Не притаился ли гдѣ воръ,

И мужа ждетъ. И спицы снова Звенятъ, безъ-умолку звенятъ Межъ тъмъ все къ ужину готово, Ужъ ложки на столъ лежатъ. Въ грозу закроетъ боязливо Трубу, всѣ окна и платкомъ Завяжетъ уши торопливо, — Все, дескать, меньше слышенъ громъ, Затеплитъ свъчку восковую И Бога на помочь зоветъ, Покуда тучу громовую Далеко вътеръ унесетъ. Порою у воротъ отъ скуки Съ глухой кумой поговоритъ О томъ, что грудь ея болитъ И ломятъ отчего-то руки; Что не горитъ щепа въ печи, Сырая, върно, хоть кричи; Сегодня каша не упрѣла; Что посадить она хотѣла Вчера насѣдку, но едва ль Не поздно, да и яйца жаль; Что у сосъда Шестакова Намедни гусь зажаренъ былъ Да мужъ женѣ платокъ купилъ И отелилася корова, — Вотъ счастье-то! А дочь придетъ, Старушкъ бъдной тьма заботъ! «Ахъ, наша гостья дорогая! Здорова ли? Присядь, присядь! Здорова ль? — повторяетъ мать, Съ улыбкой слезы утирая: — Насилу Богъ тебя принесъ...» И начинается допросъ: Живетъ ли съ нею мужъ согласно,

Привътливъ онъ или сердитъ? Не ссорится ль когда напрасно, Не часто ли свекровь ворчитъ? О всякой мелочи ничтожной Поразузнаетъ осторожно, И трудовой пятакъ возьметъ Спѣшитъ къ богатому сосѣду И въ крынкѣ молока къ обѣду Любимой гость в принесетъ. Свой садъ Арина позабыла: Мать столяра ей досадила Упрекомъ, бранью каждый день Сквозь наклонившійся плетень: «Здорово, мать! Въ саду гуляешь! Хозяйка, яблоки считаешь!.. Ты не пускай къ намъ куръ на дворъ, Поймаю, прямо подъ топоръ; Да, зять богатъ! Передъ тобою! Звоню я, матушка, про васъ... Умна ты съ дочкою своею, Хотѣла одурачить насъ... Тьфу, вотъ вамъ! Вотъ народъ продажный! Возьмите!..» И махоръ бумажный Леталъ на колпакъ вдовы Отъ потрясенья головы.

Настала осень. Скученъ городъ. Дожди, туманы, рѣзкій холодъ На сумерки похожій день... И по нуждѣ покинуть лѣнь Свой теплый уголъ. Мостовыя Покрыты грязью. Пѣшеходъ Съ досадой нехотя бредетъ. Слезами капли дождевыя Текутъ по кровлямъ, по стѣнамъ,

По окнамъ и по воротамъ. Другъ другу грустные поклоны Въ садахъ деревья отдаютъ, Ихъ шапки на землѣ гніютъ. По вечерамъ кричатъ вороны, Въ лѣса сбираясь на ночлегъ. Порой — нежданный, мокрый снътъ, Какъ туча бълыхъ мухъ, кружится; Минута — ливнемъ онъ смѣнится!.. Вотъ время! Двери на крючокъ, Зажги веселый огонекъ, Бесъдуй съ другомъ цълый вечеръ. Пусть льется дождь, голосить вътеръ, — Тепло въ затворенномъ углѣ, За самоваромъ на столъ. Но каково сидъть съ тоскою И одному и взаперти? Пошелъ бы, — не къ кому пойти, Читалъ бы, — нечего порою; Заснуть — счастливъ, кто можетъ спать, Не то, хоть петлю надъвать! Кулакъ, съ досадой молчаливой, Поглядывалъ нетерпѣливо На небо, снъга поджидалъ И непогоду проклиналъ. На рынкъ нечъмъ поживиться: Дороги плохи... нътъ крестьянъ; Ходи, глотай сырой туманъ, Пришлось хоть воздухомъ кормиться, А между тъмъ кругомъ нужда: Лежанка въ горенкъ худа, Подъ матицей кряхтитъ подставка, Въ окошкахъ стеколъ недочетъ, Тамъ крыша кое-гдѣ течетъ, Тутъ сапогамъ нужна отставка,

Сюртукъ заплатками покрытъ, А галстукъ въ клочья истаскался, И какъ старикъ не ухитрялся Его сложить, но все на видъ Не кстати бахрома виситъ. На рынкъ, просто нътъ прохода. Придетъ на бъдняка невзгода! Какой-нибудь молокососъ Людей и Бога не боится. Какъ надъ шутомъ, надъ нимъ глумится «Ну, что, Лукичъ, повъсилъ носъ? Охота здѣсь тебѣ таскаться И хлѣбъ обманомъ добывать, Подъ старость скверно воровать, Ей-ей, безгръшнъй побираться; Сидълъ бы съ чашкой гдъ-нибудь, Трудъ, значитъ, легкій, стариковскій, Да благо и сюртукъ таковскій. Вишь, — любо-дорого смотрѣть!»

«Мнѣ, видно, зять не довѣряетъ, Кулакъ подумалъ; не поймешь... И чаемъ вдоволь угощаетъ, И льститъ, а толку ни на грошъ. Я говорю, къ примѣру, буду Тебѣ въ торговлѣ помогать. Чужихъ, равно, молъ, нанимать! — Извольте-съ! я васъ не забуду... У насъ торговый оборотъ Зимою-съ... Вотъ зима придетъ... — Гмм... путь, того и жди, настанетъ... Ну, если онъ меня обманетъ, И я останусь въ дуракахъ, Безъ дома съ сумкой на плечахъ? За что же такъ?.. Дитя родное

Принудилъ... Самъ теперь въ долгу... Покоя ждалъ, — и вдругъ... Пустое! Нельзя! Повърить не могу!»

Дождь каплетъ. Синими клоками, Плывутъ на сѣверъ облака. Не веселъ домикъ кулака Съ его измокшими стѣнами. Въ болото обратился дворъ, Посерединѣ — кучи, соръ. Но садъ грустнъй: вокругъ молчанье, Замолкло птичекъ щебетанье. Огнемъ онъ точно обожженъ, Весь почернълъ и обнаженъ. Покинутыя колыбели, На ивахъ гнъзда опустъли, — Жильцы разсъялись. Мертва Къ землъ припавшая трава; И съ непокрытою макушкой, Забытой горькою старушкой, Въ измокшей бѣлой простынѣ Стоитъ береза въ сторонѣ.

Кулакъ въ саду. Онъ на топливо Деревья взглядомъ выбиралъ, Топоръ подъ мышкою держалъ. Но что рубить? Подъ этой ивой Вздремнуть, бывало, онъ любилъ На свѣжей травкѣ, въ полдень знойный; Иныя самъ отецъ покойный Ему на память посадилъ. И жаль, и дровъ нѣтъ ни полѣна... Вонъ, правда, есть пока замѣна... И засучилъ онъ рукава: Пошла береза на дрова...

Старушка печку затопила, Кулакъ на коникъ прилегъ. «О чемъ грустишь?...» жена спросила. — Такъ... что-то мочи нътъ, продрогъ. — «Что зять-то, какъ?»

— Смотри за щами:

Мужское дѣло, не твое... — «Я все про Сашино житье... Богъ знаетъ, и за богачами Живутъ да мучатся...

— Опять! Нельзя, къ примъру, помолчать?

Дверь отворилась, и горбатый, Курчавый, рыжій мужичокъ Въ халатъ, съ палкой суковатой, Сказалъ съ поклономъ. «Встань, дружокъ, Хозяинъ умный, тароватый! Явился гость, — и ты не радъ, — И я, соколъ, не виноватъ». Мы, погодя, побалагуримъ... Ты кто? Зачѣмъ? — «Да встань-ко, встань!» — Не погоняй, кнута не любимъ... «Теперь подушное достань...» — Ты, знать, отъ старосты... Разсыльный... — «Узналъ, сударикъ мой, узналъ!» — Присядь, ты, кажется, усталь, А что морозъ сегодня сильный? Я, знаешь, все въ избъ сижу, На дворъ, къ примъру, не хожу: Нога болитъ.

«Да, да! проказникъ, Испилъ воды на свътлый праздникъ, Болитъ съ похмелья голова... Хитеръ на красныя слова!»
— Чего! ей ей, болитъ, безъ шутокъ! Вотъ видишь... охъ, не наступлю!
«Хе, хе, сударикъ мой, люблю, Нужда горька безъ прибаутокъ... Достань-ка деньги-то, родной, Инъ — къ старостъ пойдемъ со мной».
— Да какъ же быть?.. недугъ проклятый!.. Что дълать? —

«Деньги заплатить! Я вотъ сударикъ, самъ-девятый Живу. Плачу!.. не стать тужить... Шесть душъ дътей, жена седьмая, Да я съ горбомъ... Пойдемъ, пойдемъ, Какая тамъ нога больная! — Скажи, что дома не засталъ, Ушелъ, молъ, ленъ скупать въ деревнѣ... — И гостю гривенникъ послѣдній Изъ кошелька кулакъ досталъ. «Оно ништо... да маловато...» — Ей Богу, гроша больше нѣтъ! — «Ну, за тобою... дъло свято! Прощай покудова, мой свътъ...» «Теперь на хлѣбъ добудь, гдѣ знаешь! Кулакъ подумалъ — и вздохнулъ И кошелекъ на столъ швырнулъ: Не радъ хромать, да захромаешь, Попробуй-ка пожить вотъ такъ... А въдь, кричатъ: кулакъ! кулакъ!..»

Зима стоитъ. Трещатъ морозы. Пошли съ товарами обозы По Руси-матушкѣ гулять, Слѣды въ сугробахъ прокладать! Ползетъ, скрипитъ дубовый полозъ, Рѣка, болото, — всюду мостъ За тысячу за двѣсти верстъ... На мужичкѣ бѣлѣетъ волосъ, Но веселъ онъ, идетъ-кряхтитъ Казну на подати копитъ. Посвистывай теперь на волѣ, Холодный вѣтеръ въ чистомъ полѣ, Кружись, сердитая метель, Стелись пуховая постель!

Кому путекъ, кому дорога, Аринъ дома дъла много: Вставая съ раннею зарей; Она ходила за водой: Порой бълье чужое мыла,— Дескать, работа не порокъ, Все будетъ хлѣбушка кусокъ; Порою и дрова рубила, Когда Кулакъ на печкѣ спалъ, Похмелье храпомъ выгонялъ; Отъ стужи кашляла, терпѣла, И напослѣдокъ заболѣла. Лежитъ недълю, легче нътъ; Ознобъ и жаръ ее объемлетъ, Едва забудется, задремлетъ, Живьемъ изъ мрака прежнихъ лѣтъ Встаютъ нежданныя видѣнья... Вотъ вспомнилась съ грозою ночь, — Въ густомъ саду шумятъ деревья. Изъ теплой колыбели дочь Головку въ страхѣ поднимаетъ И громко плачетъ и дрожитъ, А мужъ неистово кричитъ И стулъ, шатаясь, разбиваетъ. Вдругъ тихо. Вотъ ея сынокъ — Малютка, убранный цв тами, Покоится подъ образами; Блеститъ въ лампадкѣ огонекъ, Въ углу кадильница дымится; Столь бѣлой скатертью накрыть, Подъ кисеей младенецъ спитъ, Она отъ вътра шевелится, И солнце въ горенку глядитъ, На трупѣ весело играя... И мечется въ жару больная. Въ ушахъ звенитъ, въ глазахъ темно И слезы градомъ льются, льются... Межъ тѣмъ какъ съ улицы въ окно Къ ней звуки музыки несутся Тамъ, свадьбу празднуя, идетъ Съ разгульнымъ крикомъ пьяный сбродъ. Въ борьбъ съ мучительнымъ недугомъ, Смотря безсмысленно кругомъ, Старушка встанетъ и потомъ, Вся потрясенная испугомъ, Со стономъ снова упадетъ И дочь въ безпамятствъ зоветъ.

Снѣгъ падалъ хлопьями. Былъ вечеръ. Порывистый, сердитый вѣтеръ Въ трубѣ печально завывалъ. Лукичъ встревоженный стоялъ У ногъ Арины. Дочь глядѣла

На умирающую мать, И слезы удержать хотъла. Старушка стала умолкать И постепенно холодъла, И судороги ногъ и рукъ, Послъдній признакъ тяжкихъ мукъ, Слабъли.

«Матушка, родная! Благослови!..» сказала дочь, Въ слезахъ, колъни преклоняя. — Отецъ... онъ нищій... ты помочь Ему... нашъ домъ... — и ръчъ осталась Неконченной. Невнятный крикъ, Раздавшись замеръ, и языкъ Умолкъ. Развязка приближалась. Въ тоскъ подъятая рука, Какъ плеть упала. Грудь слегка Приподнялась и опустилась, Взоръ неподвижный угасалъ, По тълу трепетъ пробъжалъ — И стихло все... Не умолкалъ Лишь бури вой.

«Одинъ остался, Одинъ, какъ перстъ!» Лукичъ сказалъ, Закрылъ лицо и зарыдалъ.

Уснуло доброе созданье! Жизнь кончена, итогъ сведенъ, Посмотримъ, что-то скажетъ онъ? Немного. Скромное желанье — Безъ хлѣба завтра не пробыть; Возня съ горшками да съ насѣдкой, Вязанье варегъ день и ночь, Отъ скуки разговоръ съ сосѣдкой,

Тревога, что тоскуетъ дочь,
На пьянство мужа тайный ропотъ,
Порой побои отъ него,
Про бытъ чужой невинный шопотъ,
Да слезы, — больше ничего!
И эта мелочь мозгъ сушила,
Изъ жилъ по каплъ кровь пила.
Страшна ты, роковая сила
Нужды и мелочного зла!
Ты не убъешь, какъ громъ, мгновенно,
Войдешь ты, — полъ не заскрипитъ
И душишь, душишь постепенно,
Покуда жертва захрипитъ.

Съ разсвътомъ буря замолчала. Арина на столѣ лежала! Въ лампадъ огонекъ сіялъ; Онъ какъ-то странно освъщалъ Лицо покойницы-старушки И неподвижной и нѣмой; И бѣлые углы подушки, Измятой мертвой головой. Убитый горемъ и тоскою, Передъ иконою святою Лукичъ всю ночь Псалтирь читалъ. Унылъ и тихъ его былъ голосъ, Отъ страха жесткій, черный волосъ На головъ не разъ вставалъ... Казалось, строго и сурово Глядъла бъдная жена; Раба досель, съ жизнью новой Вдругъ измѣнилася она... Свою печаль припоминала И мужу казнью угрожала... Старикъ внимательнъй читалъ —

И ничего не понималъ... Всѣ буквы, мнилось, оживали: То замыкались въ кругъ порой, То расходились, вырастали, Плясали черною толпой... Межъ тѣмъ сосѣдки понемногу Набились въ горенку. Однъ Вздыхали и молились Богу, Другія, въ грустной тишинѣ, Съ тяжелой думою стояли Иль объ усопшей толковали, Что, вотъ-де, каковы дѣла: Жила, жила, да умерла. Мать столяра въ недоумѣньи Покачивала головой, Въ углу бесъдуя съ кумой: «Вотъ срамъ-то, просто удивленье! Въдь на покойницъ платокъ, Что тряпка... ай-да муженекъ; Убралъ жену, кулакъ проклятый! О плать в не говорю: Я вчужѣ отъ стыда горю, — Съ заплатой, милая, съ заплатой!.. А дочкѣ горя нѣтъ... сидитъ, Одной слезы не уронитъ. Ахъ, я тебъ и не сказала! Она за сына моего Хотѣла выйти... каково! Да я-то шишъ ей показала! И мать-то, помянуть не тѣмъ, Глупа была, глупа совсѣмъ!»

Сосъ́дки вышли. Саша плачетъ, Отецъ печально говоритъ: «Не позабудь! я — нищій, значитъ... Ты — дочь, вонъ мать твоя лежитъ, Похорони!»

— Да не грустите!
Пойдемте къ намъ. Вы попросите
Здѣсь посидѣть кого-нибудь...
Вамъ не мѣшало бъ и заснуть...
Вишь, вы стоите черезъ силу... —
«Итти просить, на гробъ просить.
На свѣчи, Саша, на могилу!»
— Да гдѣ же взять-то? Какъ же быть.

XIX.

Зять кулака сидёль въ рубашкѣ, Расходъ въ тетрадку заносилъ, О чемъ-то съ Сашей говорилъ И морщился. Въ граненой чашкъ Чай на подносѣ остывалъ, И сахару кусокъ лежалъ. Покоенъ взглядъ его и ясенъ, И густъ румянецъ полныхъ щекъ, Подстриженный затылокъ красенъ, Мясистыхъ плечъ размѣръ широкъ. Софа, комодъ, горшокъ съ цвѣтами, Часы съ кукушкой на стѣнѣ, Пять стульевъ съ мѣдными гвоздями, Пеньки образчикъ на окнъ, Двѣ кучи ржи, одна пшеницы, Въ чулкъ оставленныя спицы, Вотъ комната, — гдѣ онъ писалъ.

Лукичъ вошелъ, перекрестился, Сказалъ, что умерла жена, Что погребенья ждетъ она, И зятю въ поясъ поклонился. «Извольте-съ, отъ добра не прочь... Зачѣмъ родному не помочь..? А жаль! Я думаю, простуда?» — Богъ знаетъ что, да умерла. — «Я полагаю-съ — смерть пришла... Вотъ выпейте чайку покуда». — Благодарю, не до того. — «Напрасно-съ! Это не мѣшаетъ: Онъ эдакъ грудь разогрѣваетъ». Да я не зябну, ничего... Не позабудь, къ примъру, въ горъ... — «Вотъ ключъ позвольте отыскать... Я много не могу вамъ дать, Не то что, да-съ... нѣтъ денегъ въ сборѣ». — Не добивай! я такъ убитъ! — «О томъ никто не говоритъ, На счетъ того-съ, оно, конечно, Родню позабывать грѣшно, Да, въдь, гръшно и жить безпечно... Да-съ, поскользнетесь неравно! На васъ вотъ тулупишко рваный, Да пальцы изъ сапогъ торчатъ, А вы, намедни, были пьяны... Выходитъ, кто же виноватъ!» — Да знаю, другъ мой, все я знаю! Неволя пьетъ-то иногда! Ты думаешь мнѣ нѣтъ стыда, Что плутовствомъ я промышляю, Вмъ хлѣбъ чужой, какъ подлый воръ?.. — «Да, да! Для васъ, то-есть, позоръ... Все это пустяки — и только Торговли круговой обманъ. Вамъ горько лѣзть въ чужой карманъ. Hy, а просить теперь не горько?»

— Въстимо. Если бы ты зналъ! Осмѣянъ всѣми, обнищалъ, Тутъ совъсть не даетъ покою!.. Зять, не пусти меня съ сумою! Дай мив подъ старость отдохнуть, Поставь меня на честный путь, Дай дѣло мнѣ! Господь порука, Не буду пить и плутовать! — «Привыкли-съ. Трудно перестать! Вотъ, значитъ, вамъ впередъ наука... На похороны помогу, На счетъ другого-съ — не могу». И съ бородою посѣдѣлой Опять мнъ грабить мужичковъ?.. Пойми, мое ли это дъло! Неужто воръ я изъ воровъ? Мнѣ стыдно! Богомъ умоляю Подумай! Выручи! —

«Опять!

Охота вамъ слова терять...
Нельзя-съ! По чести завъряю...
Рубль серебра извольте — дамъ...»
— Такъ я, выходитъ, по домамъ
На тъло мертвое сбираю...
Къ чему ты говоришь про честь?
Въдь я не нищій, я твой тесть,
Въдь я прошу не подаянья;
Взаемъ, ты слышишь, или нътъ?.. —
«А я даю изъ состраданья,
Не то что, да-съ! И мой совътъ —
Не надо брезгать...»

Саша встала, Въ другую комнату пошла, Тихонько мужа позвала И на ухо ему сказала: «На похороны надо дать: Насъ, душка, будутъ осуждать, Что вотъ, дескать, зятекъ богатый...» — Не дамъ я. Пьяница проклятый! Вотъ навязалася родня! — «Да, ну! Уважь хоть для меня! Старикъ тамъ разному народу Пойдетъ разскажетъ...»

— Съ камнемъ въ воду! Пускай! Намъ всѣхъ похоронять, — Суму придется надѣвать. — «Ну, вотъ что: помнишь, въ воскресенье Ты далъ мнѣ деньги на платокъ?» — Нѣтъ, въ пятницу... —

«Возьми, дружокъ,

Назадъ...» — — Назадъ! Вотъ это удивленье! — «Отдай ихъ, душка, старику: Ты видишь — онъ вдался въ тоску, И мнъ-то, знаешь, съ нимъ остуда...»

Мужъ головою покачалъ, Затылокъ жирный почесалъ И согласился.

«Вотъ-съ, покуда». Съ досадой тестю онъ сказалъ: «Извольте! Это Богъ послалъ, Вотъ Саша сжалилась надъ вами...»

Тесть поклонился, покраснѣлъ,

Благодарить онъ не сумѣлъ, Пошевелилъ слегка губами. На зятя кинулъ мутный взоръ И крупный потъ на лбу утеръ. «Вамъ, батенька, теперь не радость, Сказала дочь: пора, того... Оно для васъ-то ничего, А для родныхъ выходитъ гадость... Пойдете тамъ по кабакамъ, На улицѣ васъ встрѣтитъ срамъ... — Пора-съ, пора за умъ приняться, — Прибавилъ зять: — вы не чужой, Не то что, да-съ! Вы нашъ родной, А съ пьянымъ не хочу я знаться! —

Старикъ молчалъ и вышелъ вонъ. О чемъ, бѣдняга, думалъ онъ? А, вѣрно, думою печальной Былъ оглушенъ; на рынокъ шелъ И, Богъ вѣсть, почему, забрелъ Въ какой-то переулокъ дальній: Опомнившись, взглянулъ кругомъ И назвалъ зятя подлецомъ.

XX.

Добычи рыночной остатокъ, Давно кулакъ рублей десятокъ Въ жилетъ плисовомъ берегъ, Теперь вотъ зять ему помогъ На все достало, слава Богу! Купилъ онъ меду, калачей, Вина, говядины, свъчей, Муки, конечно, понемногу, Поденщиковъ приговорилъ

Могилу рыть и гробъ купилъ. Принесъ его въ свою избушку, Перекрестился, крышку снялъ, Солому въ немъ и холстъ постлалъ Съ молитвой положилъ старушку, Съ молитвою свѣчу зажегъ И сѣлъ на лавку въ уголокъ, Скрестивши руки... Бълый иней Сверкалъ отъ солнца на стеклѣ; Дымился ладонъ на столъ Въ курильницъ, — то струйкой синей Колеблясь, кверху поднимался, То въ кольца тихо завивался. «Вотъ, думалъ онъ, вотъ жизнь-то наша! И правда, говорять, что цвътъ Ногою смяль — его и нѣтъ. Умру и я, у мретъ и Саша, И ни одна душа потомъ Меня не вспомнитъ... Боже! Боже! А въдь и я трудился тоже, Весь въкъ и худомъ и добромъ Сбивалъ копейку... Зной и холодъ, Укоры, брань, побои, голодъ, Насмѣшки — все переносилъ! Изъ-за чего? Ну, что нажилъ? Тулупъ остался да рубаха, А кралъ безъ совъсти и страха: Охъ, горе, горе! Вѣдь метла Годится въ дѣло! Что же я-то? Что я-то сдѣлалъ, кромѣ зла? Вотъ свѣчи, гробъ!.. Гдѣ это взято? Крестьянинъ, мужичокъ-бъднякъ, Въ пашнъ потомъ обливался И продалъ рожь... А я, кулакъ, Я, пьяница, не побоялся,

Не постыдился никого, Ограбилъ, осмѣялъ его, Не додалъ денегъ и обмѣрилъ Да смертной клятвою увърилъ, Что я не плутъ!.. Все терпитъ Богъ. Вотъ, зять, какъ нищему, помогъ!.. Въ глазахъ мутилось, сердце ныло, — Я въ поясъ кланялся, просилъ! А въдь и я добро любилъ. Оно вѣдь дорого мнѣ было! Со мной, къ примъру, было разъ, Давно ужъ... раннею весною Я утопающаго спасъ. Когда онъ съ мокрой головою Нагой на берегу лежалъ, Открылъ глаза, пошевелился И крѣпко руку мнѣ пожалъ, Я, какъ ребенокъ, зарыдалъ И радостно перекрестился... И все пропало, все забылъ!»

И голову онъ опустилъ. Что думалъ, Богъ про это вѣдалъ Насталъ обѣдъ, онъ не обѣдалъ И въ два часа, пока сидѣлъ, Двумя годами постарѣлъ.

Бѣднякъ! Бѣднякъ! печальной доли Тебя урокъ не вразумилъ! Своихъ цѣпей ты не разбилъ, Послушный рабъ безсильной воли! Ты понималъ, что честный трудъ И путь тебѣ иной возможенъ. Что ты, добра живой сосудъ, Не совершенно уничтоженъ;

Ты плакалъ, ты на помощь звалъ; Нужды подхваченный волнами, Въ послъдній разъ взмахнулъ руками, И въ грязномъ омутъ пропалъ!

Въ семьъ чужой нашла ли Саша Любовь и счастье? Какъ сказать!... И что намъ счастьемъ здѣсь назвать? Вопросъ мудреный, воля ваша! Есть люди (благодатный родъ): Цъть и граница ихъ желанья — Спокойный ходъ существованья Безъ слезъ, сомнѣній и заботъ. Какъ свътъ и воздухъ, имъ лишь нуженъ Здоровье, сонъ, объдъ и ужинъ. И въруютъ они всему, И счастливы по-своему. Есть родъ иной: его отрада — Большая дворня, блескъ палатъ, Причуды моднаго наряда, — И это счастье, говорятъ! И есть созданья: нѣтъ покою Для ихъ души; имъ нуженъ шумъ, Ихъ сила крѣпнетъ подъ грозою, И постоянною борьбою Неутомимый занять умъ. Движенья мысли, жажда знанья, Науки торжество и плодъ, Стремленье въчное впередъ, — Вотъ все ихъ счастье и призванье! На жизнь у всякаго свой взглядъ... Кто правъ, Богъ въсть, когда ръшатъ. У Саши былъ свой міръ любимый: Мечты завътныя, печаль, Сережки, зонтикъ, или шаль,

Или салопъ необходимый Съ пушистымъ мѣхомъ изъ лисицъ. Да изъ купеческаго круга, Для болтовни въ часы досуга, Пять или шесть знакомыхъ лицъ. Надежды скромныя съ годами Осуществятся, можетъ-быть, Не то легко ихъ замѣнить Разнообразными трудами: Она въ домашней тишинъ Привыкнетъ къ кухонной стряпнъ. Отъ скуки самоваръ согрветъ, Отъ скуки сладостно заснетъ, И постепенно растолстветь, И въкъ безъ горя проведетъ. Мужъ, человъкъ не прихотливый, Ее и нѣжилъ, и любилъ: Икрой и сельдями кормилъ Тайкомъ отъ матери строптивой (Ея бояться сынъ не могъ, А просто денежки берегъ). Съ жены не взыскивалъ онъ много, Одно наказывая строго: По дому хлопотать съ утра, Беречь посуду, ложки, чашки, Доить корову, шить рубашки, Безъ спросу не ходить съ двора.

XXI.

Бъгутъ часы, идутъ недъли, Чредъ обычной нътъ конца: Кричитъ младенецъ въ колыбели, Несутъ въ могилу мертвеца Живи, трудись, людское племя, Вопросы мудрые рѣшай, Сырую землю удобряй Своею плотью!.. Время, время! Когда твоя устанетъ мочь! Какъ страшный жерновъ, день и ночь. Вращаясь силою незримой, Работаешь неудержимо Ты въ Божьемъ мірѣ. Дѣла нѣтъ Тебѣ до нашихъ слезъ и бѣдъ, Ты ихъ не видишь и не знаешь, Даешь веселью краткій срокъ И тихо, медленно стираешь Людскія кости въ порошокъ!

Народъ дождался торжества: Заутра праздникъ Рождества. Желудкамъ полная свобода... Отмстить за постъ голодный людъ! На рынкѣ безъ метлы метутъ Добро съвстное. Поросята, Индъйки, мерзлые цыплята И тушки жирныя свиней... Прохода нѣтъ между саней! Вотъ боровъ съ опаленной мордой Вверхъ брюхомъ на возу лежитъ; Вотъ гусь живой, онъ смотритъ гордо На покупателей шипитъ. Вотъ крякнулъ селезень. Чиновникъ Его суетъ въ мѣшокъ пустой: Поди-ка, молъ, сюда, разбойникъ!... Эхъ, любятъ на Руси святой Поъсть и выпить! Намъ не вредны

Быть-можетъ, въ чемъ другомъ мы бъдны,

Излишки. Все на столъ мечи!

Прошло два года.

Желудкомъ — просто силачи!

Въ тулупъ, нанкою покрытомъ, Косматомъ и просторно сшитомъ, Между возовъ столяръ идетъ. Онъ веселъ. Поросятъ несетъ. Съ нимъ женщина. Она смъется, У ней шубейка на плечахъ Нътъ-нътъ отъ вътра распахнется... И что за доброта въ глазахъ!

А въ сторонѣ былъ громкій хохотъ И безтолковый споръ и ропотъ; Толпу внимательныхъ зѣвакъ Тамъ тѣшилъ, нехотя, кулакъ. Мужикъ съ курчавой бородою, Съ широкимъ лбомъ, аршинъ въ плечахъ, Въ тулупѣ, шапкѣ и лаптяхъ, Взбѣшенный, лѣвою рукою Его за шиворотъ держалъ. «Вотъ эдакъ, вотъ! Вотъ эдакъ съ вами!» Старикъ постукивалъ зубами. Халатъ съ разорванной полой Сзади на воздухѣ мотался, И кровь на бородѣ сѣдой Застыла каплями.

«Попался!»
Кричалъ народъ: «тряхни его!
Тряхни получше... ничего!»
— Не бей по шапкъ! одуръетъ! —
«Не смъетъ, бить, — на это судъ,
Расправа, значитъ, бить не смъетъ...»
— Валяй! тамъ послъ разберутъ! —
Но вдругъ столяръ рукою смълой

Толпу раздвинулъ: «Стой, за что?» — А не обвъшивай... за то! — Мужикъ отвътилъ: — наше дъло! Я продалъ шерсть, а онъ того... Обвъсилъ вонъ шо! —

«Брось его! Не то ей-ей, въ тюрьму запрячемъ, Сейчасъ солдата позовемъ!.. Чего ты, Карпъ Лукичъ? пойдемъ!..» — Проваливай, мы не заплачемъ... Вотъ, незамай, онъ покряхтитъ: Въ бокахъ-то у него лежитъ! — «Эхъ, съ этимъ не дошло до драки!» Жалѣли, расходясь, зѣваки. «А въ нанковомъ куда — горячъ! И статенъ, то-то, чай, силачъ!» «Сосѣдъ, ну, какъ тебѣ не стыдно!» Столяръ дорогой говорилъ: «Весь помертвѣлъ, лица не видно... Что завтра? Вспомни!»

— Согрѣшилъ...

Обвѣсилъ... не во что одѣться... Озябъ... и нечѣмъ разговѣться, — «А зять?»

— Мошенникъ!.. Охъ, продрогъ! «Ну, Саша?»

— Саша помогаетъ...

Попреки... водкой попрекаетъ... Ой, больно, заломило бокъ! — «Бъдняга! Выгнали изъ дома... Да ты идешь едва-едва: Квартира гдъ? — У Покрова.

Привыкъ, къ примъру... Грязь, солома... Полтинникъ въ мъсяцъ... Охъ, продрогъ! Зимой безъ шубы, безъ перчатокъ! — «Слышь, Карпъ Лукичъ! вотъ есть остатокъ, Возьми на праздникъ... Видитъ Богъ, Даю изъ дружества. Въдь хуже Обманывать... дрожать на стужъ... Возьми, пожалуйста, сосъдъ, Ну, хоть взаемъ, какъ знаешь... —

— Нѣтъ!..

Я виноватъ передъ тобою... Ты дочь мою...

«Пустякъ, пустякъ! Угодно было Богу такъ... Возьми! Ты, слышь, не спорь со мною: Въ карманъ насильно положу, Вотъ-на!.. И руки подержу...» — Покинь! мнъ стыдно! —

«Знаю, знаю! А ты не вынимай назадъ... Я, что родному, помогаю, Не то что, значитъ... Чѣмъ богатъ! Утри-ка лучше кровь полою. Не ловко?.. Вотъ сюда пойдемъ. Да, кстати! Ты вѣдь незнакомъ Съ моею Танею, съ женой? Люби и жалуй — вотъ она». — А! ты женатъ уже? —

«Недавно. Живемъ ништо... покуда ладно.

Взялъ сироту. Однимъ дурна: Я ей обновку покупаю, Она свое: купи лотокъ, Чугунъ, жаровню да горшокъ...» — Права, затѣмъ не уступаю! — Со смѣхомъ молвила жена: — Обновка тоже не нужна. — «Ну, вотъ изволь тутъ... Не досада? И съ матушкою такова: Найдетъ разумныя слова, Безъ шума сдѣлаетъ, что надо... Сосѣдъ, да полно горевать!» — Я такъ, къ примѣру, грустно стало.. Ты къ намъ, что сынъ родной, бывало Придешь, сидишь... Теперь мой зять... Π рости!.. —

«Я даромъ не прощаю!
Ты посътишь нашъ уголокъ,
Поговоримъ, напьемся чаю,
Разръжемъ эдакой пирогъ!..»
И весело въ толпу густую,
Столяръ отправился съ женой;
Вотъ снялъ онъ шапку мъховую
И... нътъ, не видно за толпой!
Кулакъ съ разорванной полою
Побрелъ одинъ. Взглянулъ кругомъ, —
Знакомыхъ нътъ... Махнувъ рукою
И завернулъ въ питейный домъ.

Прощай, кулакъ! Не разъ съ тобою, Когда мой домъ объятъ былъ сномъ, Я при свъчъ, ночной порою. Сидълъ въ раздумьи за столомъ.

Несчастный братъ! Мнѣ было больно За твой позоръ, за твой порокъ. И не одну слезу невольно На эти строки ты извлекъ. Я понималъ твои страданья, И язвы смѣло осязалъ, Въ моихъ глазахъ ты угасалъ Одинъ, въ грязи, безъ врачеванья. А горько! Върно и теперь, Едва перешагну за дверь, Иного кулака я встръчу, И, можетъ-быть, на немъ опять Порока страшную печать И язвы новыя замѣчу... Бъднякъ! Взглянувши на тебя. Не каждый сердцемъ содрогнется; Пройдетъ, быть-можетъ, посмфется, Потвху пошлую любя. Кому нужна твоя утрата! Васъ много; тысячи кругомъ, Какъ ты, погибли подъ ярмомъ Нужды, невѣжества, разврата! Придетъ ли, наконецъ, пора, Когда блеснутъ лучи разсвъта, Когда зародыши добра На почвъ, солнцемъ разогрътой, Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ И принесутъ сторицей плодъ? Когда минетъ проказа въка, И воцарится честный трудъ. Когда увидимъ человѣка — Добра божественный сосудъ!

1854 октябрь. 1856 сентябрь.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкъ научно-проектной документаціи.

Если Вы имъете возможность помочь намъ въ дълъ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счеть получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкъ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653. БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступять на расчетный счеть.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]